

* VK.COM/KN_BOOKS *

Женатые

Жена

Муж

ЧАСТЬ 1

Автор бестселлеров New York Times & USA Today

КЕНДАЛЛ РАЙАН

Жениться на девушке, в которую был влюблен всю свою жизнь? Сделано.

Унаследовать компанию стоимостью сто миллиардов долларов? Сделано.

Произвести на свет наследника... Подождите, что?

У меня девяносто дней, чтобы сделать мою фальшивую жену беременной. Но есть одна проблема — она ненавидит меня.

А мелкий шрифт в контракте? Это условие, что у нас будет наследник.

Она не переносит мое общество. Говорит, что никогда не будет в моей постели. Однако я никогда не отступал от проблем и не собираюсь начинать сейчас.

Попомните мои слова: она будет умолять меня. И это не займет девяносто дней.

«Женатые» — романтическая комедия от Кендалл Райан, автора серии бестселлеров по версии «Нью-Йорк Таймс».

У плебоя, который вдруг становится магнатом, есть девяносто дней, чтобы спасти компанию отца. Для этого ему нужно завоевать любимую женщину.

Но есть одна крошечная проблема — она ненавидит его.

ЖЕНАТЫЕ. ЧАСТЬ 1

Автор: Кендалл Райан

Жанр: Современный любовный роман

Рейтинг: 18+

Серия: Несовершенная любовь #1 (про одних героев)

Номер в серии: 1

Главы: Пролог+21 глава

Переводчики: Влада П. (1-2 гл), Кристина А. (с 3 главы)

Редакторы: Майя А. (1-11 гл), Каролина Р. (с 12 главы)

Вычитка и оформление: Анна Б.

Обложка: Таня П.

Ной

— Еще пива? — спрашивает Стерлинг.

— Лучше не надо.

Он ухмыляется.

— Ты действительно собираешься пройти через это, приятель?

— А в чем проблема? У тебя тоже была фиктивная спутница на выпускном.

Я смеюсь про себя, вспоминая, когда Стерлинг взял в пару свою кузину на выпускной в школу. Он посчитал себя гением: не нужно покупать костюм, чтобы произвести впечатление, не нужно дорогого ресторана или лимузина. К концу вечера, когда все мы приятно проводили время со своими спутницами, он понял, что совершил ошибку. Единственный контакт с мягкой теплой кожей, который он получил за весь вечер, — контакт с собственной рукой.

— Фиктивная жена — это совсем другое дело. Это большая гребаная проблема, — Стерлинг смотрит на меня поверх кружки с пивом.

Глядя на океан с нашего места на крыше пляжного коттеджа, я ослабляю галстук, туго повязанный вокруг моей шеи.

— Тут все законно, так что она будет моей настоящей женой до тех пор, пока мы не разведемся или не аннулируем брак.

— Ты себя слышишь? Это безумие. Ты не можешь жениться на цыпочке, которая тебе даже не нравится.

— Кто сказал, что она мне не нравится?

Глаза Стерлинга округляются.

— Я не говорю о неразделенной похоти, которую ты испытывал к ней, когда был подростком.

Я потираю заднюю часть своей шеи, чувствуя подступающую головную боль.

— Что ты хочешь от меня? Это желание моего отца, не мое. Это условие для передачи компании. Нет брака — нет наследства. Для каждого из нас.

Многие считают, что купание в роскоши с пеленок со временем делает вас невосприимчивым к неприятностям, но это не так. Я никогда не принимал неудачи как должное, и скорее ад замерзнет, чем я сдамся без боя.

Стерлинг громко вздыхает и переводит взгляд с меня на океан.

— Я считаю, что ты должен хорошенько все обдумать, приятель. Брак — дело серьезное. Это не какой-то необдуманный поступок.

Из нас двоих Стерлинг всегда был голосом разума. Он наставлял меня на путь истинный, когда у меня появлялась бесстыдная и необдуманная идея, которая могла завести слишком далеко. Он мой лучший друг с четырнадцати лет. С тех пор, как мы стали учиться в престижной школе-интернате в Коннектикуте, мы стали неразлучны. *(Прим. школа-интернат — образовательное учреждение с круглосуточным пребыванием обучающихся, созданное в целях воспитания детей, формирования у них навыков самостоятельной жизни и всестороннего раскрытия творческих способностей).*

— Поверь мне, я понимаю всю серьезность ситуации.

Смерть отца в прошлом году была моим пробуждением. Судьба его компании со ста миллиардами долларов неожиданно попала ко мне в руки. Я должен был быть готов взять все на себя. И я сделаю все, что потребуется. И, конечно, я не сожалею, что моей невестой будет женщина, которую я всегда желал.

— Должен быть другой вариант, — говорит Стерлинг после нескольких глотков пива.

— Кроме того, с блуждающими глазами и постоянно напряженным членом ты будешь ужасным мужем.

Ого. Я не так уж и плох, не так ли?

Он читает мне лекцию, но все, на чем я могу сейчас сосредоточиться, это бурлящие и непростые чувства внутри меня.

— О, и еще одно условие, — говорю я, обращаясь к нему. — Мне нужно обрюхатить ее. Стерлинг выплевывает свой напиток.

Ной

Месяцем ранее

Я сжимаю зубы и проверяю свои «Ролекс» в третий раз. (*Прим. часы от швейцарского бренда «Ролекс». Ассоциируются с роскошью и достатком*). Все это огромная трата времени.

— Где она? — я бросаю взгляд на отца Оливии, Фреда Кейна, который сидит за столом в зале для конференций.

— Она будет здесь, — заверяет он меня. Однако потом тихо добавляет: — Она должна. *Точь-в-точь мои мысли.*

Эта встреча — одна из многих попыток убедить Оливию подписать контракт. Но боюсь, что сегодня просто повторится ситуация прошлой недели. Она отказалась подписывать что-либо, связывающее нас вместе хотя бы в одном предложении, и сказала: «Черт возьми, нет!».

На самом деле, это было сказано с бóльшим пылом. Я думаю, это было даже как сбросить бомбу.

Но мы должны пожениться, и тогда собственность в «Тейт и Кейн Энтерпрайзес» (далее «Тейт и Кейн») перейдет к нам. Сроки поджимают, совет директоров давит. Мы должны были сделать это еще вчера. Я не потеряю компанию отца из-за того, что Снежная королева решила играть не по правилам.

Я зарабатываю шестизначную сумму и пользуюсь привилегиями, которые это дает. Черт подери, я живу хорошей жизнью и не собираюсь отказываться от этого только потому, что не могу переломить ситуацию. Нет, я вовсе не собираюсь отказываться от роскоши.

Бесплатные удобства в лучших отелях? *Безусловно.* Самое прекрасное шампанское, любезно доставленное официантом к моему столу? *Почему нет?* Девушка-спасатель в загородном клубе, которая все лето позволяла подмять себя в раздевалке? *Конечно.* Симпатичная блондинка хостес (*Прим.: в данном случае хостес — сотрудница отеля, встречающая и размещающая прибывших*) в «Ла Чэмпл», которая хотела поиграть со мной в ванной перед деловым ужином? *Черт, да!* В том, что ты богатый и привлекательный, есть свои преимущества.

Но если Оливия не появится сегодня и мы не договоримся об условиях контракта, все полетит к черту. Как быть с работой и жизнью шести тысяч сотрудников «Тейт и Кейн», в том числе и с одним из моих любимых людей на планете — Роситой Эрнандес? Она мать-одиночка с шестью детьми. И если эта сделка провалится, боюсь даже представить, что случится с кем-то вроде Роситы. В итоге мне придется перевезти ее и детей в свой пентхаус. Что, разумеется, ограничит количество минетов и бокалов шампанского, которыми я регулярно наслаждаюсь.

Я содрогаюсь при этой мысли.

— Я знаю, это необычно, этот контракт... — Фред делает паузу и хмурится. Он барабанит пальцами по столу, робко поглядывая на меня.

Необычно? Как минимум отвратительно. Я мог бы посмеяться, если бы ситуация не была настолько мрачной.

Много лет назад они с моим отцом составили завещание с изложением того, что случится с их многомиллиардной компанией после их смерти. Пугающие стопки бумаг, в которых на юридическом языке прописано, что Оливия и я унаследуем компанию пополам... Но только если поженимся.

На прошлой неделе было созвано экстренное совещание. Ухудшающееся здоровье Фреда, да и трудности в самой компании, которые она претерпевает на протяжении уже шести кварталов, не позволили и дальше откладывать решение проблем. Нам с Оливией представили варианты.

На мой взгляд, не было никаких вариантов. Была только альтернатива, которой можно и нужно было воспользоваться. Мы должны пожениться, чтобы спасти наследие наших отцов, а также рабочие места шести тысяч человек в офисах Манхэттена, Чикаго, Сан-Диего и Брюсселя.

Оливия считала по-другому. Ее не прельщала идея быть связанной со мной, поэтому она настаивала на рассмотрении других вариантов.

Даже если мы убедим ее связать себя узами брака, нет ни единого шанса, что Оливия приблизится к моей кровати. *Проклятье!*

Мы были близки один раз... Только раз. Тогда она была пьяной студенткой колледжа на каникулах.

Наши семьи жили в домике на пляже в Пьюджет-Саунд. Тем летом мы отдали предпочтение Западному побережью. Наблюдение за китами, долгие прогулки на морском воздухе, распитие шардоне по вечерам (*Прим.: белое сухое вино из классического сорта белого винограда «шардоне»*) и поедание омаров, словно мы были взрослыми, а не девятнадцатилетними студентами.

Той ночью она пробралась из комнаты, которую делила со своей сестрой, в мою спальню. Я завелся в тот самый миг, когда почувствовал ее теплую ладонь на моей обнаженной груди. Я всегда хотел Оливию. Желал даже тогда, когда еще и не понимал, что за странное чувство уже давно теплится в груди. Мы целовались в темноте, наши языки изучали друг друга, руки искали, сердца колотились.

Потом я вдруг очнулся. Было много причин, по которым той ночью я не смог признаться ей в своих чувствах. У ее мамы был диагностирован рак. И я знал, что потом Оливия сожалела бы о сделанном. Она бы подумала, что использовала меня, чтобы справиться с ситуацией. Плюс ко всему из недавней игры «Правда или действие» я узнал, что она была девственницей. Так что я поцеловал ее еще раз, а затем остановился. Это было самое трудное решение, которое я когда-либо принимал.

А теперь она относится ко мне, как будто я кусок жвачки, приклеившийся к ее «лабутенам», которые она предпочитала носить. (*Прим.: туфли от знаменитого французского дизайнера-модельера Кристиана Лубутена. Отличительной чертой данных туфель является алая подошва*).

— Я действительно думаю, что это к лучшему, — добавляет Фред, вернув меня к реальности.

— Это то, что хотел твой отец, Ной, — говорит Прескот.

Прескот был доверенным лицом отца. Но при этом, в остальном — он полный придурок. В этот момент дверь конференц-зала распаивается, и даже не поднимая глаз от контракта, я понимаю, что это *она*.

Свежий цветочный аромат с четкими нотками жимолости достигает меня. Я понятия не

имею, где Оливия берет это дерьмо, но из-за него мой рот наполняется слюной. Всегда. Однажды я провел целую субботу в парфюмерном отделе магазина, пытаюсь понять, этот эффект; хотел доказать себе, что именно ее парфюм меня притягивает, что в ней самой нет ничего особенного. Но я так и не нашел его...

— Я здесь, — говорит Оливия, слегка запыхавшись.

Я поднимаю взгляд как раз вовремя, чтобы не упустить момент, как она приглаживает рубашку на соблазнительных изгибах. Пышная грудь и плоский живот приводят меня в мандраж. Ее жакет перекинут через руку, в которой она держит кожаный портфель с черной монограммой, вышитой курсивом.

— Мисс Кейн, — говорю я весело. — Ты выглядишь восхитительно, занималась сегодня утром?

Она любит ходить на тренировки перед работой. Говорит, что это дает ей заряд бодрости на весь шестнадцатичасовой рабочий день. Я рад, что физические занятия придают ее щекам розоватый оттенок... Предполагаю, так же как и секс. Одна мысль об этом, и мой член дернулся в штанах.

— Запомни, Ной. Это только бизнес, — произносит она, моргая своими густыми черными ресницами.

Ни улыбки. Ни смеха. Противоположность обычной реакции, которую я вызываю у представительниц слабого пола. И это чертовски раздражает меня.

Как будто Оливия Кейн обладает противоядием к моему очарованию. И это заставляет меня мечтать о том времени, когда она сдастся мне. Мысль о ней, стоящей передо мной на коленях, в то время как ее розовые губы глубже вбирают мой член, прося больше даже тогда, когда она давится моей длиной, — это больше чем просто сексуальная зависимость. Это практически цель жизни. Для меня секс является видом спорта. Я знаю правила, играю жестко и всегда выигрываю.

Я глубоко вдыхаю и пытаюсь успокоить свой член, понимая, что все наблюдают за мной. Оливия никогда не давала мне спуска, и я, черт возьми, уважаю ее за это.

— Я просто пытаюсь сделать то, что лучше в данный момент.

— Давай начнем с этого, — она выпускает мягкий вздох раздражения и ставит портфель на стол.

Ее отец похлопывает тыльной стороной ладони, приглашая:

— Садись, дорогая.

Оливия подчиняется, не теряя достоинства, и с уверенностью, присущей ей с рождения, опускается в кресло. С полным равнодушием она просматривает копию контракта, переданного ей Престоном.

— Я просто не понимаю, почему в завещании должен быть пункт о браке.

А эта женщина говорит дело. Мое предположение? Наши отцы всегда хотели быть сватами. Они пытались нас поженить, когда мы были еще в пеленках. Черт, у нас даже есть фото двадцатилетней давности в свадебной одежде.

— Я объяснял, дорогая. Это единственный способ удержать компанию в семье. Я думал, что ты этого хотела... Возможность руководить этим местом в будущем.

— Это так, папа, — мягко говорит она. Потом ее взгляд поднимается ко мне. — Я просто не думала, что ради этого буду вынуждена совершить что-то подобное.

— Никто тебя и не заставляет, — говорю я спокойным тоном, закинув руки за голову и перебирая пальцами. — Выбор за тобой, Оливия. Я тебе это уже говорил, я в игре.

В волнении она грызет красный лак на большом пальце, затем резко складывает руки на коленях и стреляет в меня ледяным взглядом.

— Я в курсе твоей позиции.

Черт, по крайней мере, она готова снова всех нас выслушать. Я знаю, что в глубине души она понимает, что мы правы. Вместе мы справимся. Это семейная компания. Ни один из нас не может позволить себе выкупить другую часть, так что она должна остаться поделенной пополам внутри семьи. На данный момент другого выхода нет. Для меня это больше чем просто деньги. Мы с Оливией выросли вместе. Родители не представляли иного будущего для нас. Я всегда знал, что в моем будущем она занимает отдельное место, даже если это просто работа бок о бок. Но сейчас она получила шанс опустошить мои яйца. И я с нетерпением ждал этого.

Фред продолжил:

— Доверие и преданность являются наиболее важными в бизнесе. Мы не можем впустить к нам чужака. Все должно остаться в этой комнате. Только между семьей.

Оливия вздыхает, скептически оглядывая его.

— Я подумаю об этом.

Хоть какой-то сдвиг, несмотря на то, что она, кажется, сердится еще больше.

Прескотт раздраженно вздыхает.

— Давайте мы встретимся снова. В четверг.

Оливия кладет контракт в сумку и в спешке поднимается из-за стола, будто собирается сбежать.

— Тогда до встречи.

— Спасибо за объективность, — говорит ее отец. — Эта ситуация может разрешиться таким способом, который вы и представить не можете.

Прощаясь, яжимаю руку Фреду и Прескотту. Когда приходит очередь Оливии, она вкладывает свою ладонь в мою, явно желая покончить с этим как можно быстрее.

У меня в голове возникают непристойные мысли. Может, рискнуть и проверить прочность ее ледяной оболочки? Не отрывая от нее взгляда, я подношу ее руку к губам и целую.

— Очень приятно иметь с тобой дело, миссис Тейт, — я дразню ее хриплым голосом, позволяя своим губам касаться ее костяшек.

Оливия судорожно вздыхает, ее глаза становятся еще больше. Воображение играет со мной злую шутку, когда я замечаю, что румянец ее щек становится ярче. Но не успеваю я проверить свое подозрение, как она уже сверлит меня свирепым взглядом.

Одернув свою руку, она огрызается:

— Не забегай вперед. Я еще не согласилась выходить за тебя замуж, а если и соглашусь, то никогда не возьму твою фамилию.

Она выходит, оставив меня стоять с глупой улыбкой на лице.

— Я видел этот взгляд, — сказал Фред, ухмыляясь. — У тебя проблемы, сынок!

От его предупреждения я смеюсь. У Оливии Кейн нет ни единого шанса. Она никогда не сможет поймать меня на крючок.

Несмотря на мое сопротивление, ее уникальный запах засел в ноздрах. Должно быть, она использовала этот аромат и на запястье, которое было так близко к моему носу, когда я поцеловал ее руку. Мои губы до сих пор помнят мягкость и гладкость ее кожи. Столь непродолжительная близость — простое прикосновение — не должна была распространять

по мне это покаяние. И, черт возьми, нет никаких сомнений — в этой комнате стало на несколько градусов жарче.

Будет интересно. Черт! Это, возможно, будет даже *забавно*.

Оливия

подавившись своим грушевым «Мохито», Камрин в изумлении приоткрывает рот:

— Что ты должна сделать? С кем?

Угрюмо кивнув, я делаю глоток тонизирующей сангрии. (*Прим.: среднеалкогольный напиток на основе красного вина с добавлением кусочков фруктов, ягод, сахара, небольшого количества бренди и сухого ликера, иногда пряностей*). Само объяснение всей этой душераздирающей истории заставляет чувствовать себя сумасшедшей.

Мы сидим за столиком для двоих в нашем любимом во всем Манхэттене тапас-баре «Бэндерилла». (*Прим.: традиционный испанский ресторан, в котором посетителям предлагают маленькие закуски — тапас*).

Этот ресторан был нашим местом встреч еще со времен колледжа, когда мы были соседками по комнате.

Здесь мы обсуждали все наши безумства и принимали бесчисленное количество решений: должна ли я порвать со своим дерьмовым парнем (я это сделала), следует ли Камрин лишиться анальной девственности со своим парнем музыкантом (она это сделала), должны ли мы сделать татуировки дружбы (я струсилась), должна ли она после стажировки принять предложение о работе от «Тейт и Кейн» (она это сделала).

Но это решение, вероятно, самое трудное в моей жизни. Теперь я нуждаюсь в совете лучшей подруги сильнее, чем когда-либо.

Камрин сочувственно вздыхает.

— Иисус! Я знала, что у компании трудности, но понятия не имела, насколько все плохо.

— Да, получается, что мы должны были вложить больше в социальные медиа.

Как и все другие маркетинговые фирмы. Папа использовал старую стратегию, и теперь клиенты думают, что мы застряли в мезозое.

— Итак, твое мнение, как я должна поступить относительно этого контракта? — снова спрашиваю я. Стараюсь не казаться нетерпеливой, но я в замешательстве с тех пор, как папа объявил о своем уходе, и я узнала, что именно мне нужно сделать, чтобы занять его место.

— Позволь мне убедиться, что я все правильно понимаю. До следующего финансового квартала ты должна унаследовать половину T&C, тем самым исправив ситуацию, иначе совет возьмет правление в свои руки.

— Ага.

— Но Билл Тейт решил, что ты не сможешь унаследовать компанию, пока не выйдешь замуж за его сына.

— Э-э, да.

Она стискивает зубы.

— Так... Вы должны стать мужем и женой в течение нескольких дней, да? Похоже, совет непреклонен, и условие завещания Тейта-старшего не изменить.

— Точно, — верность не является коньком Ноя, так что мне стоит побеспокоиться об этом прямо сейчас. — Кроме всего прочего моя личная жизнь вот-вот рассеется, как туман.

— Я не знала, что у тебя есть личная жизнь, — она кладет свою руку на мою и смотрит сердитым взглядом. — Я шучу. Шучу. Сожалею.

— Нет, ты права. Я не всерьез, — я тяжело вздыхаю. — Но, черт подери, почему я должна отказываться от того малого, что у меня есть? Это несправедливо! В конце долгого рабочего дня я хочу вернуться домой, в собственное пространство, в тишину и покой родных стен.

Не говоря уже о вине. И о мороженом. И телевизоре, который заглушает тишину, благодаря чему я не думаю о том, насколько одинока.

— Я не выдержу присутствие этого подонка в моей жизни двадцать четыре часа в сутки. Я смирилась с ним на работе. А теперь, если соглашусь, то буду видеть повсюду разбросанные грязные носки.

Черт, нет!

— Кто сказал, что ты должна делить свое пространство с ним?

Я фыркаю и поднимаю вилку с *rapas bravas* ко рту. (Прим.: от исп. — «сердитый картофель») — *острое блюдо из картофеля*).

— Муж и жена, которые не живут вместе? Да, для имиджа компании это будет выглядеть просто замечательно.

Это одна из многих причин, по которой папа никогда не позволял мне высказать свое мнение об условиях передачи компании.

Камрин пожимает плечами и поднимает руки ладонями вверх.

— По мне, так это не конец света.

— Да, просто часть независимости и уединения...

— Послушай. Постарайся думать о ситуации, как о любом другом бизнес-ходе. Этот брак — клочок бумаги. После того как вы с Ноем сойдете со сцены, вы сможете все обсудить как взрослые люди. Вы найдете решение, с которым сможете жить. Сейчас вы в одной упряжке и вынуждены принести себя в жертву ради компании.

— Я не уверена. Ною, кажется, эта идея по душе. Он был в курсе дела с самого начала.

Я тру руку, которую он поцеловал, думая о хриплом голосе, пробормотавшем «миссис Тейт». Его мысли о нашем супружестве явно не так невинны.

Камрин приподнимает бровь.

— Ох, ты думаешь, ему нравится идея делить постель с тобой?

— Я думаю, он любит делить постель со всеми, у кого есть пульс.

Кажется странным, что он, с его плейбойскими манерами вообще стремится связать себя и закрыть общий доступ к своему «дружку». Но кто сказал, что он прекратит свои похождения?

Этот брак — деловое соглашение, бизнес, как сказала Камрин. Правовая формальность. Ной, вероятно, взорвется, если проведет больше недели без киски.

Может, я и дочь босса, но я до сих пор подслушиваю офисные сплетни. Прошлым летом Ной переспал со всеми (шестью) практикантками. Он также спал с различными секретаршами на протяжении многих лет, и все просто закрывали глаза. Мужчины есть мужчины...

Ну, время игр закончилось. Если он рассчитывает получить эту компанию, нам предстоит много работы.

— Ну а что *ты* чувствуешь насчет этого? Ной Тейт довольно горяч.

— Камрин!.. — я издаю стон.

— Что? У меня есть глаза. Он горяч, и это факт. Это так же верно, как и то, что папа римский католик, а от углеводов толстеют. Он просто есть. Неужели видеть его голым настолько ужасно? — ее хитрая улыбка говорит, что она предполагает гораздо больше, чем просто *разглядывание*. — Как долго еще мы будем взвешивать плюсы и минусы...

Я делаю паузу, воображая его себе, а затем неохотно признаю:

— Нет.

Скорее всего, это будет фантастически. Я уже имела возможность созерцать его подтянутое тело, твердую грудь и шесть кубиков пресса. Летом, когда наши семьи проводили время в Хэмптоне, Ной использовал любую возможность, чтобы расхаживать без рубашки.

Черт, в девятнадцать лет я была близка к сексу с ним. Но тогда я была молодой, глупой и чертовски возбужденной. Теперь я старше, мудрее... И он до сих пор невероятно меня возбуждает. *Черт возьми!*

Легкость, с которой Ной притягивает меня к себе, поражает. Небольшое действие с его стороны может заставить меня трепетать. Как и вчера в конце нашей деловой встречи. Простая вежливость — рукопожатие, а Ной слегка наклонился и притянул руку для поцелуя.

«Очень приятно иметь с тобой дело, миссис Тейт», — дразнил он хриплым голосом.

Тогда во рту пересохло, и в животе что-то затрепетало. Возможно, что трепет находился немного ниже живота. Я неожиданно задумалась, сколько же лет, месяцев, дней и часов прошло с тех пор, как у меня что-то было.

Кем, черт возьми, он себя возомнил? Мы находились в небоскребе на Мэдисон-авеню, а не в замке XVI века. Это неприемлемое поведение на рабочем месте. Я могла бы пнуть его под зад с иском о домогательстве, если бы захотела. Вместо этого, я просто направила на дерзкого ублюдка смертоносный взгляд и выдала самую ледяную реплику, которую смогла придумать.

Но было поздно. Не было никаких сомнений в реакции моего тела. Дрожь первобытного желания прошла по моему позвоночнику, когда его мягкие полные губы коснулись костяшек пальцев, задевая кожу в то время, пока он говорил.

Даже сейчас я представляю образ Ноя Тейта, смотревшего на меня с греховной ухмылкой...

Я убираю подальше жаркие воспоминания. Да, Ной умеет флиртовать, но зачем же вести себя, как бесстыдная шлюха? Запудривать мозги — вот, в чем он хорош. Таких красавцев пруд пруди, особенно в Нью-Йорке. Черт! Пятидесятидолларовый вибратор сделает свою работу, и мне даже не придется его выслушивать. Я вкалывала в бизнес-школе не для того, чтобы стать очередной женщиной Ноя.

Опять же... я вкалывала в бизнес-школе не для того, чтобы смотреть, как компанию отца спускают в канализацию.

Мои мысли прояснились, превращая гнев в грусть. Я провела свое детство в кабинете отца, играя у его ног, пока он управлял финансовым «кораблем». Все дети думают о своих родителях как о богах, и я не исключение. Даже после того, как я заняла в семейном бизнесе место его правой руки с правом голоса, я уважаю его больше, чем любого другого человека.

А потом этот рак. Диагноз, поразивший сначала маму, когда я была на первом курсе колледжа, затем папу в прошлом году.

Несмотря на то, что за болезнью матери я наблюдала с первого ряда, диагноз отца по-прежнему вызывает у меня шок. Папа, как храбрый и гордый человек, старается держаться и

не показывать окружающим своего состояния, но, к сожалению, рак побеждает его. Я была его дочерью на протяжении двадцати шести лет, и кому как не мне знать и видеть правду? Это проявляется, например, в том, как трясутся его руки, когда мы говорим о будущем, а также в часто отсутствующем взгляде.

У папы в запасе не так много времени. Мне до сих пор трудно принять это. Слишком скоро мы с Рэйчел останемся одни. И моя младшая сестра точно не будет работать в «Тейт и Кейн». Она никогда не интересовалась деловым миром; она любит моду, а не финансы. Максимум, она сможет дать мне совет по графическому дизайну...

Я хмуро смотрю в свой бокал с сангрией. Черт, я размышляю так, будто «Тейт и Кейн» уже моя компания. Как будто подсознательно я уже взяла на себя обязанности руководителя.

А почему собственно нет? Папа всегда говорил, что когда-нибудь я займу его место. Это мое неотъемлемое право. Это наследие папы, завоеванное его кровью, потом и слезами. Он не должен прожить остаток своих дней, беспокоясь о будущем компании. Это все, что останется мне после отца. Конечно, если мне вообще удастся удержать на плаву это чертово предприятие.

Личные чувства в сторону. В «Тейт и Кейн» работает более шести тысяч человек. Шесть тысяч жизней под угрозой существования до тех пор, пока у конкурентов есть шанс обставить нас.

Черт! Я не могу поверить в реальность происходящего. Еще и этот контракт.

Моя карьера для меня на первом месте. Так было всегда. В то время как другие девушки наслаждались нормальной жизнью, я штудировала книги часами напролет. Они покупали платья и проносили спиртное из кабинета своих родителей, а я сдавала практику. Они вступали в женские клубы, я же была сопредседателем в клубе женщин-предпринимателей университета. Я успешно справлялась с каждым из старшекурсников и учениками класса МВА. Никаких вечеринок и новых знакомств. Я никогда не козыряла папиной репутацией. Уже тогда я была достаточно взрослой, чтобы понять, какая ответственность ждала меня в будущем, и я хотела быть готовой.

Теперь я готова. Я упорно трудилась всю свою жизнь и заслужила право проявить себя в качестве главы «Тейт и Кейн». Я уверена, что с достоинством смогу занять папино место.

Я не могу позволить папе упасть вниз. Я не могу позволить себе упасть вниз. Эта компания моя. Мысль о потере компании хуже мысли о Ное, делающем непристойные замечания всю мою оставшуюся жизнь.

Эта компания не может ускользнуть сквозь пальцы, так что я не отдам ее, даже если это означает сотрудничество с Ноем. Не только быть партнером по бизнесу, но и, Боже мой, *выйти замуж* за сукиного сына. Наши отцы, должно быть, были незыблемыми, когда составляли завещание. Хотя их взгляды на ухаживания всегда были консервативны.

Но безвыходных ситуаций не бывает. Если я успокоюсь и подумаю, то сумею найти оптимальное решение. Любую, казалось бы, невыполнимую задачу можно осуществить, разбив ее на составные части.

Я глубоко вздыхаю, пытаясь успокоиться и взять себя в руки.

Камрин упомянула два важных момента. Во-первых, Ной, так же как и я, хочет сохранить «Тейт и Кейн». Эта компания является нашим неотъемлемым правом, наследием наших отцов, и ее сотрудники — наша ответственность. И, во-вторых, этот брак — очередное юридическое партнерство. А это значит, что можно вести переговоры.

Да, зверски неприятно, что этот брак не по любви. Моя романтическая сторона

сжеживается при мысли об этом. Но я стараюсь упрятать эмоции глубже. Не каждый брак должен быть голливудским романом, в конце-то концов. Ною и мне не обязательно любить друг друга, чтобы успешно управлять компанией.

Вопрос на сто миллиардов долларов: сработаемся ли мы?

Сможем ли мы продвинуться? Будет ли наше партнерство стабильным и продуктивным? Или все взорвется... снося ударной волной «Тейт и Кейн» вместе с нами?

Это не только моя проблема, и все не должно ложиться лишь на мои плечи. Наши отцы всегда говорили, что вместе мы сильнее. Именно поэтому они свели нас. От Ноя тоже ожидают решительных действий. Могу сказать с уверенностью, что сейчас его работа заключается в том, чтобы убедить меня присоединиться к союзу, так как сам он уже в лодке.

Итак, пусть он сделает первый шаг. Пусть проявит себя. Пусть докажет, что этот брак может стать успешным. Я же буду выполнять свою работу — буду сохранять веру и оставаться восприимчивой к идее стать друзьями. Но я не тот тип людей, которые берутся за дело, не зная, смогут ли завершить его. Если я собираюсь выйти замуж за Ноя, то, Бог тому свидетель, я не дам ему спуска.

Конец моего внутреннего монолога, должно быть, отразился на моем лице, потому что Камрин вдруг в знак поддержки сжимает мою руку.

— Я собираюсь заказать нам десерт.

— Я люблю тебя, — говорю я со вздохом. Даже с обретенной решимостью мне нужен шоколад, чтобы пройти через это.

— Если тебе будет легче — ты очень храбрая.

Я выдавливаю улыбку.

— Спасибо.

Ворча, я достаю телефон из сумочки и звоню папе, чтобы запланировать еще одну встречу с Ноем и Прескотом. Я должна дать им ответ как можно скорее.

Позже, почти к окончанию рабочего дня я вновь открываю дверь, через которую входила вчера.

Никто даже не смотрит в мою сторону. Трое мужчин еще раньше подняли головы, заслышав цокот моих каблучков в зале.

Кривая улыбка Ноя слишком самодовольна. *Что ты говорила ранее? Кое-что о нежелании выходить за меня замуж?* Это кажется злорадством. *Каков вкус унижения?*

Сжимаю зубы. Он еще не сказал ни слова, а я уже раздражена. Черт подери, он настолько раздражающе привлекателен в своем угольно-сером костюме, в накрахмаленной белой рубашке с галстуком цвета мерло. (Прим.: цвет красного вина). Все это идеально сочетается с его ростом почти метр девяносто. И тот факт, что он так легко может залезть мне под кожу, раздражает меня еще больше.

Весь его вид кричит об уверенности. Его глубокий пыливый взгляд, замечающий слишком многое; сильные руки с аккуратно подстриженными ногтями; шея с соблазнительно передвигающимся кадыком каждый раз, когда Ной ухмыляется мне. Он то и

дело воплощает мои подростковые фантазии. Древесный мужской аромат. Стройное подтянутое тело. Прыткий ум, который всегда находит способ втянуть меня в спор.

Не обращая внимания на стук своего сердца, я отвожу взгляд от Ноя и обращаюсь к присутствующим:

— Спасибо, что так оперативно собрались. У меня есть предложение.

— Я думал, что это моя работа, — перебивает Ной.

Подчеркнуто не обращая внимания на шутку, я объясняю:

— Я подпишу контракт на наследство в конце месяца...

Все смотрят на меня. Папа и Прескот выглядят приятно удивленными. Ной сменяет раздражающую ухмылку на слегка нахмуренные брови.

— Но только, — продолжаю я, — если Ной сможет показать мне, что отношения между нами могут работать. В конце концов, судьба компании зависит от нашей способности сотрудничать как в качестве партнеров, так и в качестве супругов.

— Испытательный срок? — спрашивает папа.

— Можно и так сказать. Также я считаю, что возможность лучше узнать друг друга поможет имиджу компании. Наши отношения должны выглядеть правдоподобно. Нас должны чаще видеть вместе... прежде чем мы поженимся.

Это еще и возможность попробовать воду, прежде чем прыгнуть в холодный омут с головой. Попытка привнести небольшую нормальность в совершенно ненормальную ситуацию.

Но эту часть я не произношу вслух. Я не хочу признаваться, что брак до сих пор немного пугает меня. Ной с любопытством поглядывает на меня. А Прескот разочарован новым промедлением.

Наконец Ной говорит:

— По сути дела, ты просишь меня назначить тебе свидание.

Я киваю ему.

— Да. Мог бы хотя бы пригласить меня выпить, прежде чем я приму решение поменять фамилию, — я смотрю прямо на него, ожидая увидеть его реакцию, а потом добиваю его следующей фразой: — Да, и еще одно. Воздержись от секса... Совсем.

Ной

Она хочет, чтобы я ухаживал за ней?

Из всех наиболее вероятных сценариев, которые я представлял, — от разорванного Оливией контракта до еще более безумного, где она на самом деле подписывает его, — этот не был похож ни на один из них.

Она составила собственное соглашение, в котором гарантировалось мое непосредственное участие, — я должен был потрудиться, чтобы завоевать ее. Вероятно, сюрприза все же стоило ожидать. Это же Оливия Кейн, в конце концов.

— Если вопросов больше нет, я вернусь к работе, — говорит она. Когда никто не отвечает, Оливия разворачивается и с важным видом выходит из конференц-зала. Ее круглая попка покачивается в такт стуку каблуков. Дверь закрывается.

— Это было интересно... — шепчу я себе под нос.

Фред подходит ко мне, пока я пытаюсь переварить произошедшее.

— Похоже, что мяч на твоей стороне, сынок. *(Прим.: аналогия с игрой — мяч находится в опасной близости от его ворот)*. Но не волнуйся. Я знаю, ты справишься.

— Спасибо, — киваю я, затем иду к ней в кабинет. Она не может сбросить бомбу, а потом просто пойти прогуляться.

Оливия сидит в своем кожаном кресле кремового цвета, скинув с себя туфли на шпильке под рабочий стол. Ее ногти окрашены в светло-синий цвет. Она постукивает ногой в такт мелодии, которую напевает. Что-то на экране компьютера полностью захватило ее внимание.

Вздвигнув при звуке открывающейся двери, она смотрит вверх, и ее голубые глаза находят мои.

— Ты что-то хотел? У меня много работы.

Она предлагала позвать ее выпить. Это идеально подходит для того, чтобы показать ей, насколько совместимы мы можем быть. Но сначала мне нужно, чтобы она кое-что поняла. Это не просто игра; я хочу, чтобы она четко представляла, что поставлено на карту, чем мы рискуем в случае неудачи.

— Пойдем со мной. Я хочу показать тебе кое-что.

Я тяну ее из кресла, давая время на то, чтобы она смогла скользнуть своими нежными ножками в туфли, затем тащу ее из кабинета, не позволяя возразить.

— Куда ты меня ведешь?

Я бормочу себе под нос:

— Скоро увидишь.

— Не будь таким дикарем, используй слова.

— Мы идем в отдел обработки корреспонденции.

— Зачем? — усмехается она.

Я не отвечаю, просто нажимаю на кнопку лифта. Мы спускаемся на цокольный этаж в гробовой тишине. Когда открываются двери, я делаю глубокий вдох.

— Ах... Чувствуешь этот запах? — усмехаюсь я ей.

Ее ухмылка сменяется хмурым выражением.

— Плесень? — пристальным взглядом она окидывает большое открытое пространство, забитое коробками. — Департамент здравоохранения бы сюда.

Это мое любимое место во всем здании, поэтому я не слишком любезен, когда Оливия морщит свой нос.

— Не будь занудой. Пошли.

Я снова хватаю ее за руку и тащу дальше по освещенному проходу. Когда доходим до места, я надеюсь, что Росита еще не ушла на перерыв.

— Итак, что ты хотел показать мне? — Оливия приподнимает бровь. Одна рука покоится на бедре. Очевидно, она не впечатлена.

Все четыре стены занимают стройные линии широких полок. Они пронумерованы по этажам и хранят различные конверты и пакеты. Это не высокотехнологичный процесс, но это работает.

— Не что, а кого, — я киваю в сторону латиноамериканки, бодро напевающей себе под нос. Росита стоит спиной к нам и сортирует почту в дальнем конце комнаты.

— Росита, — окликаю ее я.

Она оборачивается, явно никого не ожидая. Ее волосы до плеч подпрыгивают от резкого движения. Приятные черты лица окрашиваются удивлением, особенно ее большие темно-карие глаза, и оттенок розового появляется на ее круглых щеках.

Росита иммигрировала сюда из Мексики, когда ей было всего восемнадцать лет, сама изучала английский и упорно трудилась, чтобы поддержать семью. Теперь она — сила, с которой нельзя не считаться.

Компания такого размера для этой работы обычно нанимает штат из трех-четырех человек. Но Росита сказала, что они будут только мешать ей, поэтому она одна выполняет всю работу. Она взяла на себя ответственность и за должность, и за помещение, и справляется с этим превосходно. Даже повесила веселые плакаты на стене: один с танцующими обезьянами, еще один с ярко-оранжевыми макаками.

— *Mi amor* (исп.: моя любовь)! — восклицает она, уже направляясь к нам. — *Abrazo* (исп.: объятия), — она раскрывает руки, ожидая обычного объятия.

— *Gracias, Mamacita* (исп.: спасибо, мамочка), — отвечаю я, легко обнимая ее.

Этим же способом она приветствует меня уже шесть лет. Я знаю целых четыре слова по-испански и всегда использую их с ней. Наверное, я хочу, чтобы она чувствовала себя как дома.

Так совпало, что мы с Роситой начали работу в компании в один день. Мы даже вместе прошли инструктаж. Я, выпускник колледжа, еще желторотик, и Росита, на пятнадцать лет старше меня, которая скептически относилась к сыну владельца. В отличие от Оливии, я не работал здесь. У меня была другая работа во время учебы в колледже. Я считал обязательным для себя прохождение стажировки в другой фирме, чтобы понять, что такое конкуренция.

Когда я впервые встретил Роситу, то подумал, что она считает меня богатым привилегированным мальчиком, который не должен трудиться, чтобы получать деньги. Это заставило меня доказать ей обратное. Во всяком случае, папа всегда был склонен к обучению с нуля. Так что свои первые две недели в «Тейт и Кейн» я провел с Роситой, обрабатывая корреспонденцию.

Именно тогда и зародилась наша дружба. Мы трудились бок о бок, разбирали пакеты и

конверты, шутили и делились разными историями. И когда Росита за ланчем поделилась со мной блинчиками с мясом, я влюбился.

Росита выглядит удивленной, когда замечает за мной Оливию.

— Мисс Кейн, — говорит она, ее голос мягкий и насмешливый. Не каждый день встретишь дочь гендиректора в подвале.

— Пожалуйста, называйте меня Оливией, — говорит она, с улыбкой исправляя Роситу. — Приятно познакомиться.

В компании все знают Оливию, даже если и не знакомы лично.

— Так... Тебе что-то нужно? — Росита снова переводит взгляд от Оливии ко мне.

Я качаю головой.

— Нет, просто пришел поздороваться.

Росита расслабляется, и ее улыбка становится шире.

— Ты получил мое приглашение на день рождения Марии?

— Конечно. Через две недели, верно? Этот день уже записан в моем календаре.

— Ты обедал? — она улыбается и протягивает руку, чтобы погладить мой шелковый галстук. — Я беспокоюсь, ты же знаешь.

— Я поел. Спасибо, — отвечаю я с улыбкой.

Бывает я так занят, что пропускаю ланч... ну до тех пор, пока Росита не поднимается в мой кабинет с сэндвичем из гастронома. Такое ощущение, что она чувствует, когда я пропускаю обед. Она часто стирает грань между коллегой, другом и матерью.

Я привел сюда Оливию для того, чтобы она увидела своими глазами, что в этой компании есть гораздо больше, чем многозначные числа. Некоторые вещи не могут быть усвоены из электронной таблицы. Перспектива, которую Оливия видит, сидя целый день в кресле в кабинете, очень отличается от перспективы, которую видят здесь, на цокольном этаже.

Стоя здесь и глядя в давно знакомые глаза, я чувствую всю теплоту и заботу, что льются из самой глубины чистой души Роситы. В этот момент невозможно не осознать всю важность нашего дела, ту ответственность, что возложена на нас. Мы не можем потерпеть неудачу. Если у нас ничего не получится, эти люди пойдут ко дну вместе с нами. *И я не позволю этому случиться.*

После обмена любезностями мы с Оливией возвращаемся к лифту.

— Она важна для тебя, не так ли? — спрашивает Оливия.

— Очень.

Она задумчиво кивает.

Я проверяю свои часы, когда мы заходим в лифт, и вздыхаю. На лице Оливии отражается то же напряжение, которое уже давно испытываю я сам. В последнее время мы находимся в состоянии сильного стресса, и у меня предчувствие, что он только усугубится.

— Сегодня произошло то, чего я совсем не ожидал, — говорю я. — Так как? Ты на самом деле собираешься подписать контракт, да? После нескольких недель переговоров?

— Я сделаю это на своих условиях, *если и когда* буду готова, Ной. Считаю следующие несколько недель испытательным сроком.

— Это будет легко, любимая.

— Ох, это будет нелегко, — говорит она, поправляя меня. — И не называй меня любимой.

— Ты уверена в этом, миссис Тейт?

— Я сказала тебе не называть меня так и как-либо еще.

— Я знаю. Ты сказала, чтобы я пригласил тебя выпить, прежде чем ты согласишься на вопрос о смене фамилии, — я ухмыляюсь ей. — Я думаю, что это чертовски отличная мысль! Даже гениальная, я бы сказал.

Я прячу свою победную улыбку и испытываю острое желание ударить кулаком в грудь.

Весь мой стол завален бумагами, которые требуют немедленного рассмотрения, но мысль о сидящей напротив Оливии, рассказывающей мне подробности об испытательном сроке, приносит гораздо больше удовольствия. Самое время двигаться дальше.

— Уже около пяти часов, ты знаешь?

— У нас сегодня выдался насыщенный день. Я думаю, мы могли бы выпить по коктейлю, — говорит она, удивляя меня своим согласием.

— Я встречу тебя в холле минут через пятнадцать?

Я знаю, что она никогда не согласится уехать, не ответив на последние электронные письма.

— Конечно, — отвечает она и выходит из лифта.

Я смотрю на ее удаляющуюся попку, когда она идет в направлении своего кабинета.

Разместившись в «Стэнтон Рум» — шикарном баре через дорогу от нашего офисного здания — мы с Оливией делаем заказ: водку с мартини для нее и виски со льдом для меня.

— Очень крепкий мартини, да? — я подмигиваю ей.

— Удивлен? — на ее губах появляется намек на улыбку.

— Что пуританка Оливия Кейн любит крепкий мартини? Да, я удивлен.

— Не думай об этом слишком долго, Ной. Я не хочу наблюдать за тем, как распадаются клетки твоего мозга.

Я хмурюсь, глядя на нее. Если и есть одна вещь, в чем Оливия и я преуспеваем, так это стейб. И хотя ей хочется верить в обратное, но сексуальное напряжение между нами существует. Я наклоняюсь к ней, ставя локти на стол.

— И как все это будет складываться? Я и ты? Я просто хочу прояснить для себя твои ожидания, чтобы превзойти их.

Ее взгляд пронзает меня холодом. По крайней мере, там уже нет того льда, что раньше. Но этот взгляд еще далек от того, каким я хочу его видеть.

— Ну, я мало думала об этом, но тебе придется убедить меня. Докажи мне, что это безумие может сработать.

Если и есть одна вещь, которую я знаю об Оливии, — она не терпит неудач. Что-то мне подсказывает, что трудности могут возникнуть. Но она должна знать, когда мы поженимся, я не облажаюсь и не стану ее смущать. Мы должны работать вместе, жить вместе. Пора уже запустить наш семейный корабль в большое плавание.

— Так ты хочешь встречаться? Я не хожу на свидания, Снежинка.

— Убедить — не значит встречаться.

Она отпивает из своего бокала и ставит его на место, пытливо поглядывая на меня. Она

может выглядеть как обычная милая девушка по соседству, но, по сути, Оливия — стерва. Тотальная тройная угроза. Сексуальная, умная и талантливая. Что идеально мне подходит, так как я всегда мечтал о том, что моя будущая жена будет обладать всеми этими качествами. Ну, на ряду с тугой, узкой... *Черт!*

— Убеждение заключается в том, что мы должны находиться в одной комнате, не пытаясь разорвать друг другу глотки.

Я киваю.

— Хорошо, мы будем вести себя цивилизованно.

— Прекрасно, — говорит она. — И мы должны выяснить, что, черт возьми, у нас с тобой общего.

Я думаю, мы уже знаем, что у нас общего. И, по-моему, это достаточно длинный список. Но я соглашусь со всем, что она хочет. Я выиграю независимо от того, чем это окажется.

— Поскольку мы должны сыграть на публику, я согласен. Я должен знать немного о своей невесте, — произношу я. — Например, твоя любимая поза в сексе...

Она кашляет и хрипит, подавившись оливкой из напитка. В какой-то момент кажется, что мне придется выполнить прием Геймлиха, но она проглатывает эту чертову штуку и впивается в меня взглядом. (*Прим.: данный прием описал врач Генри Геймлих для оказания первой медицинской помощи при попадании инородных тел в верхние дыхательные пути*).

— Какое это имеет значение? — шепчет она, ее голос все еще хриплый.

Я смеюсь.

— Успокойся. Я просто хочу знать, как понравиться своей будущей жене, вот и все.

— Ты можешь понравиться мне, взявшись за ум и приступив к работе в офисе, а не сидеть и попивать виски. Вот что будет предпочтительнее для тебя.

— Дорогая? — я медленно прикрываю глаза. Мне часто говорили, что мои ресницы слишком хороши для мужчины, так что теперь я надеюсь на определенный эффект. — Мы, как предполагалось, должны были обсудить то, что нас объединяет.

— Правильно. Ну... — она начинает перечислять, загибая пальцы. — Лето в Хэмптоне. Работа в «Тейт и Кейн», конечно же. Наши семьи дружат с давних времен.

— Мы оба потеряли наших матерей, — указываю я.

Она опускает взгляд, но я не чувствую себя виноватым. Это просто факт жизни, которую мы обсуждаем, и я предпочитаю пропустить поверхностную чушь и перейти к реальным вещам.

— Да. Что еще? — она нервно барабанит пальцами по столу.

— Я, например, люблю анал. А ты?

Проклятье! Снова подавилась. Я встаю и глажу спину моей невесты, пока она не приходит в норму.

— Еще коктейль? — спрашиваю я, заметив, что ее бокал уже пуст.

Она выглядит взволнованной, что выпила мартини с водкой так быстро, но подает сигнал официантке для следующего раунда.

— Я знаю, во что ввязываюсь, Ной. Все мое внимание сосредоточено на выводе компании из кризиса, не притворяясь при этом счастливой женушкой своего фальшивого мужа.

— Поправка, — я наклоняюсь ближе к Оливии. — Скоро будет *реальный* муж. Я добьюсь тебя, Снежинка. Это *произойдет*.

Оливия

Добьется меня... Реальный муж.

Нет ничего реального, если это касается Ноя. Он может называть это «свиданиями», если хочет. Мне необходима уверенность в будущем, я должна знать, что мы сработаемся, что у нас получится. Не стоит смешивать это с любовью и сексом, каким бы опасно притягательным он ни был. У меня есть ряд вопросов, на которые я хочу получить ответы.

Для чего Ной познакомил меня с Роситой? Он практически стащил меня вниз. Каковы бы ни были причины, для него это важно. Он пытался показать мне, что я тут не единственная, у кого проблемы? Что не следует строить из себя жертву и тянуть с подписанием контракта? Или же он хотел показать себя с другой стороны? Если последнее было его целью, то это сработало. Должна признать, что отношения Ноя с Роситой тронули меня. Словно мать и сын. Их преданность друг другу смягчила бы даже самое черствое сердце. Не то чтобы я думала, что Ною недостает мягкости. Чего ему не хватает, так это дисциплины. Так что у меня есть все основания полагать, что мы поладим, все будет не так уж и ужасно.

Не лучше ли услышать объяснения от него самого, чем теряться в догадках? К тому же, давно пора сменить тему наших споров.

— Зачем ты познакомил меня с Роситой? — спрашиваю я.

— Для того чтобы ты поняла всю глубину проблемы.

Я ожидала такого ответа, но все равно его самонадеянный тон заставил меня усмехнуться.

— Как будто раньше я не догадывалась о серьезности ситуации. В этом и состоит смысл испытательного срока — проверить наше взаимодействие перед командной игрой. Я делаю все возможное, чтобы подружиться с тобой, так что...

Он склоняет голову, самоуверенно улыбаясь.

— Просто друзья? Я рассчитываю на большее.

Да ну? Я бы никогда и не догадалась об этом... с его-то постоянной манерой сводить все разговоры к сексу.

Я скептически приподнимаю бровь.

— Дружба — это все, что нам нужно, чтобы сохранить компанию. И в значительной степени мы начали с нуля... Я бы назвала нас знакомыми, в лучшем случае. Тебе не кажется, что ты слишком амбициозен?

— Нет, — отвечает он, дерзкая улыбка все еще сияет на его лице.

Я закатываю глаза.

— Вау! Твоя наглость поистине не имеет границ.

— Если я могу вложить свои деньги туда, где будет находиться мой рот... — его похотливая ухмылка дает понять, где именно он хочет оказаться со своим ртом. — Тогда это не высокомерие. Просто уверенность в себе.

— Что заставляет тебя думать, что я захочу большего? Ты точно не мой тип.

Я ожидала, что он наградит меня понимающим взглядом или, возможно, ответит в том

же духе. Но я совершенно не ожидала услышать от него следующее:

— Потому что у меня девятидюймовый член (*Прим.: 22,86 см*).

Я чуть не подавилась своим мартини в третий раз, поэтому прошипела:

— Эта цифра должна меня впечатлить? — неужели он серьезно думает, что я поверю, что он своего рода порнозвезда? Да чушь собачья!

— Это правда, — мурлычет он, наклоняясь немного ближе. — И я знаю, как использовать его. Вместе со своим языком, своими руками... Просто спроси любую женщину, с которой я был.

— О, избавь меня от подробностей. Ты трахал половину Нью-Йорка. Я охотно верю, что ты чему-то *научился* в процессе.

— Во-первых, я не трахал половину Нью-Йорка. Веришь или нет, я довольно разборчив. Во-вторых, вместо чужих слов, почему бы просто лично не убедиться?

Я бросаю на него скептический взгляд.

— Ты хочешь показать мне свой член?

— Если это поможет убедить тебя, — он допивает последние капли своего виски и встает. — Давай, пошли.

Я смотрю ему вслед.

Он это серьезно? Он просто собирается его достать? Я озираюсь вокруг, чтобы удостовериться, что за мной никто не наблюдает, встаю и иду за ним в коридор возле туалетов. Почему, черт возьми, я потакаю ему? *Это смешно.*

Как только мы благополучно достигаем укромного уголка, Ной расстегивает ремень, ширинку и вынимает чертов пожарный шланг.

Святая Матерь Божья! В шоке я прикрываю рот рукой. Мне катастрофически не хватает воздуха.

Он был прав. Его член огромен... и он не в полной боевой готовности. Девять дюймов — довольно скромная оценка того, как это может выглядеть в эрегированном состоянии. Должно быть, самооценка мужчин падает всякий раз, как Ной входит в раздевалку. И я даже не хочу думать о том, что он вытворяет с женщинами...

— Хах! Я видела и больше, — я отхожу, стараясь сохранить самообладание.

Ной посмеивается.

— Я так не думаю, дорогая.

— Твой *монстр* не приблизится к моей матке. Нет, спасибо. Я предпочту держать свои органы невредимыми.

Улыбка Ноя становится шире.

— Это вряд ли. Но чтобы тебе было спокойнее, я введу его медленно и осторожно. Пара пустяков. У тебя же хорошая медицинская страховка, да?

— Это не смешно, Ной. Теперь убери эту штуку, или это придется сделать мне.

Пытаюсь казаться строгой, но дрожащий голос и ярко-красные щеки, конечно же, выдают меня. Почему я не могу перестать пялиться?

Ной смеется. Да, придурок определенно видит меня насквозь, но он не спорит, заправляя своего «зверя» обратно в «логово».

Я пытаюсь взять себя в руки, пока мы возвращаемся к бару. Как только мы садимся, я говорю ему со всей холодностью, на которую способна сейчас:

— Это не изменит моего мнения, ты же знаешь.

— В самом деле? Нисколько? — он приподнимает бровь.

Вид его члена, безусловно, произвел на меня впечатление. Разве могло быть иначе? Но будь я проклята, если скажу ему... Его это возрастет еще больше, чем есть сейчас.

— Слушай, эта идея со свиданиями нужна для того, чтобы убедиться, что мы сможем жить и работать вместе. Тебе не нужно быть свехубедительным.

— А если я хочу?

— Ной...

— Могла бы ты хотя бы попробовать? Мы можем начать очень медленно. Установим жесткие рамки. Скажем... — он машет рукой неопределенно, — остановимся на первой базе.

— Пробный прогон в течение испытательного периода, — проговариваю я медленно, пробуя идею на вкус. Я настроена скептически, но думаю, что не мешало бы пошалить немного. Всегда можно заявить об *окончании игры*. Эта мысль приводит меня в восторг.

— В точку. Проба воды. Можем сделать вид, что вернулись в среднюю школу или что-то типа того.

Я делаю большой глоток martinis, принимая во внимание сказанное.

— Я подумаю над этим.

Ной

Игра началась.

Оливия

Какая радость! Известная маркетинговая фирма «Вессон, Берк и Барсол» отправила к нам стервятника. И по какой-то чудовищной причине наш совет директоров позволил ему в течение часа сотрясать воздух через пожелтевшие зубы, называя это «переговорами».

С первого дня «Тейт и Кейн» и «Вессон, Берк и Барсол» были соперниками. Так что нет ничего удивительного, что, почуяв кровь, их генеральный директор начал пускать слюнки. Официально стервятник является представителем заинтересованной стороны, но это лишь формальность. Он здесь, чтобы прибрать к рукам добычу еще до того, как она перестанет трепыхаться.

Сдерживая тяжелый вздох, я ерзаю на своем месте. У меня нет времени на эту ерунду, но есть целая компания, которую надо реабилитировать. Так называемая встреча с потенциальными покупателями стоит далеко внизу в моем списке дел. Понятия не имею, что это ничтожество делает здесь, кроме того, что тратит наше время и заставляет подниматься мое кровяное давление. У нас в запасе девяносто дней, нет, уже восемьдесят шесть. Только после этого совет будет принимать решение о продаже «Тейт и Кейн», не говоря уже о том, кому именно они решат продать компанию.

Может быть, весь этот стресс делает из меня истеричку, но я не могу не скривиться, смотря на волосы представителя. У него, без сомнения, один из самых засаленных, тонких и тусклых зачесов, которые мне приходилось видеть. Я стала частью элитного делового мира, когда достаточно повзрослела, чтобы сопровождать папу на корпоративах. Поверьте мне, я знаю все о плохих зачесах.

Как соответствующе... Лысый стервятник. Возможно, я должна проверить когти на его руках. Я делаю глоток кофе, чтобы скрыть ухмылку.

Папа прочищает горло, прерывая бессвязную болтовню представителя.

— Простите, мистер Вальмонт, я бы хотел уточнить некоторые моменты.

Стервятник моргает несколько раз, как будто он забыл, что в комнате находятся и другие люди.

— Да, господин председатель?

— Ваша цена кажется очень низкой. Общая стоимость предприятия оценивается в более чем в два раза выше указанной вами стоимости. Да и планируемые изменения политики компании довольно обширны, — папа смотрит поверх очков на копию договора, предложенную «Вессон, Берк и Барсол». — Не говоря уже о масштабных увольнениях. Вы конечно же, не собираетесь увольнять всех наших сотрудников?

— Вновь приобретенные компании всегда проходят определенную реструктуризацию, — поправляет он свой галстук. — Это стандартная процедура, уверен, вам это известно. Покупатель должен убедиться, что новый актив вписывается в их, кхмм... их общую культуру.

— Конечно, — говорит папа. — Просто хочу удостовериться, что и совет это понимает.

О да, совет хорошо все понимает. Ни у кого из сидящих за столом переговоров нет и следа улыбки.

Я украдкой смотрю на Ноя, который сидит слева от меня. Он выглядит абсолютно загнанным: хмурый, губы плотно сжаты, плечи напряжены. Язык его тела шокирует, ведь обычно Ной совершенно невозмутим.

Острая боль сочувствия сжимает мою грудь. Я испытываю неожиданное желание взять его за руку. Пусть оно и исчезло так же быстро, как и возникло, но боль осталась. Бог знает, что я не самый большой поклонник Ноя, но с потенциальными покупателями в комнате... я выбираю Ноя. В конце концов, враг моего врага — мой друг.

Но Ной не только враг моего врага. Мы действительно находимся по одну сторону баррикады. Мы оба делаем это по одним и тем же причинам: для наших отцов, нашего будущего, для всех людей, чье будущее напрямую зависит от «Тейт и Кейн». Нам есть что терять. Я знаю, Ной не сдастся без боя.

Боль в груди усиливается, и я испытываю странное чувство... Солидарность.

Ной оборачивается ко мне; должно быть, он почувствовал мой взгляд. С осторожностью, чтобы не привлекать внимания, я склоняю голову и дарю ему улыбку в знак поддержки. Не хочу, чтобы стервятник и даже папа это заметили. Это сообщение предназначено только для нас двоих.

Не волнуйся. Мы собираемся перехитрить этих лохов. Клянусь могилами наших матерей, мы победим.

Стервятник со скрипом поднимается со стула. Ной оглядывается на него, разрывая нашу краткую связь.

— Мои работодатели призывают вас рассмотреть вопрос о совершении данной сделки как можно скорее, — говорит Вальмонт. — Наше предложение довольно щедрое, и оно не будет вечным.

— Мы будем иметь в виду «Вессон, Берк и Барсол», если решим продать компанию, — спокойно отвечает папа, игнорируя попытку угрозы. — Спасибо, что пришли к нам сегодня.

Я мысленно пускаюсь в пляс. *Да, черт возьми! Папа сказал «если», а не «когда».* Маленькая победа.

Вальмонт не выглядит впечатленным таким ответом. Вероятно, он понимает, что «мы будем иметь в виду» — это просто вежливое «пошел на...». Но чего же они ожидали, пытаясь проскользнуть через конкурентов, как не это?

Переговоры закончены. Папа извиняется, вероятно, спешит вымыть руки после пожимания скользкой руки представителя. Ной догоняет меня по дороге к моему кабинету.

— Ты в порядке? — спрашивает он.

Ной спрашивает *меня* об этом? Он был единственным на грани некоторое время назад.

— Да, я в порядке, — вздыхаю я. — Просто разозлилась.

— Я думал, злость — твое обычное состояние, — дразнит он.

— Только когда я рядом с тобой, — автоматически отстреливаюсь я, но без злого умысла. Я все еще под впечатлением от услышанного в конференц-зале.

Ной просто смеется, как будто мы играем в теннис, а не обмениваемся оскорблениями. Я должна признать, что его смех приятен на слух, и мне нравится видеть его именно таким — увиденное на встрече неприятно поразило меня. Хоть он и может быть раздражающим говнюком, но пусть уж лучше будет веселым.

Некоторое время мы идем молча, окруженные тихим эхом наших шагов и низким ропотом офисных будней.

— А что насчет тебя? — наконец спрашиваю я. — Ты в порядке?

— Теперь, когда ты рядом, я чувствую себя намного лучше.

Опять флирт. Почему он продолжает вести себя так со мной? И почему в моем животе всегда все переворачивается в ответ? Я ненавижу свою реакцию на него.

— Но там, в конференц-зале, было совсем по-другому, — продолжает Ной, — я думал, что врежу этому придурку по его самодовольной роже. Наша компания — не просто цифры на бумаге. Это жизни людей, которые они планируют сломать.

— Правильно... таких людей, как Росита. Ты так о ней заботишься, — со вчерашнего дня я знаю, что они близки, но, увидев Ноя таким расстроенным сегодня, понимаю, как важна она для него.

Он глубоко и тревожно вздыхает.

— Как иначе? Она самый замечательный человек на земле. И у нее есть семья, о которой нужно заботиться.

Вдруг он останавливается и смотрит на меня, уголки его рта снова поднимаются, но глаза говорят мне, что он по-прежнему обеспокоен встречей и тем, что мы узнали.

— Ну, таков уж я. Думаю, пришло время вернуться к работе.

Я осматриваюсь и вижу, что он прав — мы стоим около двери его кабинета. Уже здесь? Когда мы успели пройти весь этот путь? Время пролетело незаметно.

Я чувствую странный укол разочарования, не желая заканчивать этот разговор. Я не знаю, что еще сказать, просто испытываю желание поговорить с Ноем еще немного.

Или, возможно, я просто не хочу оставаться одной прямо сейчас. Я хочу держаться за тот момент, который мы разделили на встрече. Обнадеживающее и дарящее уверенность чувство, что мы боремся вместе бок о бок. Союзники в окопах. *Думаю, страдание любит компанию...*

Но список дел ждет меня, так что, стряхивая зарождающееся чувство близости, я киваю Ною в знак прощания.

— Увидимся позже.

— Не слишком поздно, я надеюсь, — подмигивая, Ной исчезает в своем кабинете.

Ух... в животе снова все перевернулось. Заверните мне его, нет, подождите, не заворачивайте. Я имею в виду, нужно забыть его. И его монстра тоже. У меня миллион дел, которые нужно сделать, а я уже потратила полдня.

Я поворачиваюсь на каблуках и направляюсь в свой кабинет. Может быть, мои чувства успокоятся, как только начну работать. Я похороню себя в жестких финансовых проблемах, вольюсь в поток и не позволю больше ничему меня отвлечь.

Но идея одиночества, обычно доставляющая блаженное удовольствие, сейчас почему-то беспокоит меня. И поскольку я не могу найти компромисс со своей головой, в дело вступают ноги. В итоге я оказываюсь перед дверью в кабинет отца.

Захожу в кабинет и позволяю себе насладиться блаженной тишиной — успокаивающий аромат древесины, кофе и бумаги. Я всегда чувствовала себя тут, как дома. Я практически выросла в этом офисе. Прочитала все книги и деловые журналы с полок. Я знаю каждый сантиметр этой комнаты, и это успокаивает меня.

Дверь снова открывается с мягким щелчком, и папа говорит:

— Я знал, что найду тебя здесь.

Я могу услышать улыбку в его голосе, даже не поворачиваясь. И это хорошо, потому что я так устала, что сил осталось лишь на то, чтобы дышать.

— Ты хотела о чем-то поговорить?

Обходя стол из красного дерева и внушительный трон позади него, папа садится в приземистое кожаное кресло за журнальным столиком. Я сажусь в кресло напротив. И оно все так же неловко скрипит, как и в течение последних восемнадцати лет.

— Нет. Я имею в виду... — я вздыхаю. — Может быть.

Я даже не знаю, что мне сейчас нужно. Мои мысли по-прежнему бегают и не могут ни на чем остановиться: пренебрежительный стервятник, напряженная поза Ноя, озабоченное лицо отца, на котором с каждым днем углубляются морщины. А еще временные рамки совета, и вся та работа, что ждет меня впереди... нас. Само слово «мы»... и эта идея, что скоро я стану «нами».

Но, возможно, это не так уж и страшно. У партнерства есть свои положительные стороны, не только отрицательные. У меня есть яркий пример: сотрудничество папы и Била Тейта.

И я помню ту связь, которую мы разделили с Ноем в конференц-зале. Та доля секунды взаимопонимания, которую я видела в его глазах. Могу сказать точно, он себя чувствовал одиноким, подавленным. Внезапное понимание того, что я не одна, сокрушило меня. Храбрясь перед ним, я укрепила свою собственную веру. Даже сейчас, вспоминая предназначенную ему улыбку, я чувствую себя более сильной и более спокойной.

Удивительно, на что способен один лишь взгляд. Сколько чувств он может передать. В один миг может вытащить меня из отчаяния, даже замедлить мое сердцебиение... Или ускорить его. Как это произошло между нами в зале несколько минут назад. Или на встрече, когда Ной поцеловал мою руку.

Ради Бога, мое либидо когда-нибудь заткнется? Сейчас не самое подходящее время, чтобы трахать свой мозг. *Уф, подождите. Плохой выбор слов.*

— Ты еще здесь, милая? — спрашивает папа.

Я мгновенно возвращаюсь к реальности. *Черт, я снова потерялась в своих мыслях.* Что-то в последнее время я стала часто отвлекаться.

— Извини. Я просто... Я не знаю с чего начать, — и это не ложь.

— Я налью нам кофе, — папа с ворчанием наклоняется вперед.

— Нет, папа, не вставай. Я сама, — я встаю и иду к буфету, чтобы включить одну из кофе-машин.

Он досадно вздыхает.

— Знаю, я больше не молодой и дерзкий, но...

— Все нормально. Я не против.

Папа гордый, и я не хочу заставлять его чувствовать себя беспомощным, но хорошо знаю, с каким количеством боли и усталости он имеет дело. И, честно говоря, я отчаянно пытаюсь *сделать* что-то. Что-либо вообще. Мне просто нужно действовать.

Так что я сама занимаюсь кофе. Кофе с фундуком для меня, колумбийский темной обжарки для папы. С сахаром, но без сливок для меня, со сливками, но без сахара для него. Этот ритуал сам по себе является почти столь же успокаивающим, как и богатые ароматы, доносящиеся из наших кружек.

Я надеялась, что разговор пройдет легче. Я стою спиной к отцу, мои руки заняты; я не должна позволять своим чувствам вырваться наружу, чтобы папашний раз не волновался. Но слова, которые вылетают из моих уст, застают нас обоих врасплох.

— Почему Билл Тейт поступил так с нами?

Папа снова вздыхает. Это один громкий, тяжелый, поднимающийся из глубины его

груди вздох.

Я открываю рот, чтобы извиниться. Но потом закрываю его. Потому что, знаете что? Даже если я никогда и не собиралась требовать ответа, черт возьми, я действительно хочу знать его. У меня есть право на это. Именно я вынуждена выбирать между молотом и наковальней, в конце концов.

— Мне очень жаль, дорогая, — говорит папа. — Мы никогда не предполагали, что это обернется таким образом. Мы написали эти пункты вместе, добровольно, потому что хотели сохранить «Тейт и Кейн» в семье. И мы знали, что вы, дети, предназначены друг для друга.

Я киваю немного нетерпеливо, когда отдаю ему кружку и сажусь со своей. Я уже знаю эту часть истории. Совместное предприятие, и этим все сказано.

Он делает глоток.

— Тем не менее, мы хотели убедиться, что у вас будут и другие варианты. Если вы с Ноем не захотели бы пожениться к тому времени, когда мы отошли бы от дел, — мы рассчитывали, что этот день далеко в будущем, — то управление по умолчанию перешло бы к совету. И даже в этом случае вы бы не потеряли компанию. Вам бы предоставили руководящие места, а также выплаты от прибыли компании. Так что нам нелегко далось это решение. Но мы никогда не ожидали...

— Что не будет никакой прибыли, — говорю я мягко. И, возможно, никакой компании вообще.

— Правильно. Потому что все самое худшее произошло сразу и быстро. Ранняя смерть Билла. Мой рак... И его прогрессия. «Тейт и Кейн» отстает от своих конкурентов, падая в долговую яму. Кризис доверия совета, — отец делает еще один глубокий вздох. — Мы всегда думали, что у вас, детей, будет много времени, чтобы составить план для будущего.

Я знаю, с каким трудом папа пытался спасти эту компанию самостоятельно. Он работал, пока его тело физически не начало препятствовать этому. К тому времени, когда он признал свое поражение, проблема достигла критической отметки. Я не злюсь на него за это, потому что знаю, что поступила бы также. Мы с ним из одного теста.

С мягким глухим стуком папа ставит свой кофе, к которому едва притронулся.

— Я не буду здесь всегда, дорогая.

Я смотрю на него, пораженная сменой темы. Он выглядит таким изможденным, и это разбивает мне сердце.

— Я... Я знаю, папа, но...

— Вы с Ноем поженитесь не только ради компании. Кто сможет позаботиться о компании, если моя маленькая девочка недовольна? Я доверяю Ною заботу о тебе.

— Обо мне не нужно заботиться, — говорю я автоматически.

— Всем нужен кто-то рядом. Я не говорю о деньгах или власти... Я говорю о любви. Уши, которые выслушают; плечи, которые дадут выплакаться на них. Партнер, который разделит трудности жизни. Если я буду знать, что у тебя это есть, родная, то мне будет проще дожить свой век.

Я сглатываю комок в горле, запивая его горячим кофе. Не хочу думать о том, что папа доживает свои дни.

— Несмотря ни на что, я все еще верю, что вы с Ноем будете вместе, — продолжает папа. — Вы созданы друг для друга. И вы нужны друг другу для того, что ожидает вас впереди. Желание Билла Тейта должно было лишь немного подтолкнуть вас в правильном направлении.

Я смотрю в чашку — темная жидкость блестит под люминесцентными лампами.

— Это все кажется нереальным. Я понятия не имею, чего ожидать. Каково это — быть замужем?

Я даже не уверена, какой ответ хочу услышать. Какой-нибудь милый анекдот или житейская мудрость, возможно, могли бы меня успокоить. *Все будет хорошо. Брак не поглотит всю твою жизнь. Ты все еще сможешь быть собой: бизнес-леди на первом плане и только потом уже жена.*

— Ну, по моему опыту, это замечательно, — папа нежно улыбается. — Твоя мама была лучшим, что когда-либо случалось со мной. Моя опора, мой солнечный свет, мой лучший друг. Мы не были двумя половинами одного целого, каждый из нас был самостоятельной личностью, и именно это делало нас удивительными в те моменты, когда мы объединялись, — он качает головой. — Я не поэт... Так что просто скажу, что это было волшебно.

Волшебно, да? Я должна поверить на слово. Мой единственный долгосрочный парень, как оказалось, был искусно манипулирующим самовлюбленным человеком, и я никогда не была достаточно близка с кем-либо, чтобы испытывать или понять те же чувства, которые попытался описать отец.

Сложив на коленях руки домиком, папа наклоняется ближе.

— Я знаю, что обстоятельства далеки от идеала, милая. Но дай Ною шанс показать себя. Я никогда бы не поставил тебя в ситуацию, с которой ты бы не справилась. Ты моя девочка... Я просто хочу видеть тебя с хорошим человеком. И этот человек — Ной.

Я не совсем разделяю мнение Тейта-старшего. Пока нет, хотя надеюсь, что все изменится к концу этого месяца. Но я вижу, как отчаянно Ной заботится о Росите и благополучии ее семьи. Он очень убедителен.

Я знаю, что могу рассчитывать на Ноя. Уже не так страшно дойти до грани и бороться за «Тейт и Кейн». Я смогу доверять ему, потому что он будет работать так же усердно, как я. И это хорошо, потому что ближайшие три месяца наша сверхурочная смена будет проходить в аду.

У меня хотя бы есть некая услада, будет на кого поглазеть в течение всех этих бессонных ночей в офисе. Но как я смогу смотреть на него, зная о том телефонном столбе между его ног...

Да помогут мне небеса.

Ной

Все знают, что мужчины по своей природе прямолинейны и решительны, в то время как женщины мягче и эмоциональнее. Чушь собачья. Мы с Оливией разрушили все гендерные стереотипы. Я — лицо компании, харизматичный парень, способный угодить любому, Оливия же у нас двигатель — сильная и энергичная. Используя это знание в бизнесе, у нас отлично получается разделять и властвовать.

Нет ничего странного в том, что большинство мужчин — особенно скучные богатые старперы — предпочитает иметь дело в бизнесе именно с женщиной. Я могу заключить сделку всего лишь за одну партию в гольф, заполучить клиентов любого пола одинаково быстро, с легкостью уболтав их. Именно этим я и занимался на прошлой неделе.

Сегодня я в офисе. И сейчас мне приходится стискивать зубы при виде Харрисона Риджфилда из бухгалтерии, искоса смотрящего на декольте Оливии.

— Я могу тебе чем-нибудь помочь? — рывкаю я Харрисону, когда захожу в кабинет Оливии.

Он вздрагивает и поднимает взгляд на меня, смущенно улыбаясь, как будто знает, что пойман с поличным.

— Ох, Ной. Не заметил тебя, — говорит он дрожащим голосом.

— Наверное, потому, что был занят разглядыванием у моей девушки... *электронных таблиц*.

Мы с Оливией еще не объявляли о своих отношениях, но сплетни идут впереди нас.

Новость распространилась по всему зданию, как чертов лесной пожар.

Харрисон с трудом сглатывает и отступает назад.

— Поздравляю вас, кстати.

Мой безразличный взгляд говорит: *я знаю о тебе, мудак*. Я даже немного выставляю свою грудь для полной ясности. Харрисон неплохой парень. Я слышал офисные сплетни и знаю, что он предмет желаний, по крайней мере, нескольких дам. Но я выше него, да и мышц у меня побольше.

— Ну, похоже, вы здесь сами разберетесь, Оливия, — сладко улыбается этот отморозок и отходит от стола.

— Спасибо, Харрисон, — говорит Оливия, провожая его взглядом.

— Чем занимаешься? — я опускаю взгляд на монитор. На экране светятся страницы с данными. Я понятия не имею, что это такое, но знаю, что Оливию это напрягает. И я хочу это исправить.

— Пытаюсь сопоставить прошлогодние клиентские счета с полученными по ним деньгами, — она стучит по толстой стопке распечаток на столе. — Что-то не так здесь.

— Оливия... — я медленно выдыхаю.

Она оборачивается ко мне.

— Что?

— Ты не должна тратить время на это бесполезное дерьмо. У нас слишком много работы по раскрутке бренда, чтобы зарываться с головой в рутину.

— Простите меня, мистер Недовольство, но «зарывание с головой» может в конечном итоге сэкономить нам чертову кучу денег, — ее голубые глаза ярко блестят, и я знаю, что окажусь в центре жесткого спора, если слишком сильно надавлю.

Ну, будет неприятно. Я даже поймаю тигра за хвост, если это поможет остановить ее.

— Я пытаюсь сказать, что ты зря растрачиваешь свой талант. Время бесценно. Вот, что я имею в виду, говоря, что ты слишком много работаешь. Такие задания как это, надо передавать помощникам. Ты не должна выполнять все сама.

— Харрисон помогал мне...

Я поднимаю руку в знак протеста.

— Харрисон наслаждался представленным видом. Ничего более, — я медленно опускаю взгляд к вырезу ее блузки. От вида верхней части ее упругой округлой груди, укутанной в тонкий телесного цвета бюстгальтер, мой рот наполняется слюной. Я игнорирую покалывание у основания позвоночника и кровь, приливающую к паху, и глубоко вздыхаю.

Взгляд Оливии перемещается от меня к декольте, и она поднимает свою блузку выше.

— Ах, черт побери, он не мог.

Да она бредит. Харрисон влюблен в нее в течение трех лет. И мне даже жаль его.

— Боже, какой ты ворчливый сегодня. Почему бы тебе не сходить за одним из тех минетов, которые ты так любишь? От Дженни из отдела кадров.

— Ха. Я удивлен, что ты знаешь об этом, — в начале года я побаловался немного с хорошенькой ассистенткой администратора, но теперь все кончено.

— Я знаю все, что здесь происходит, — ухмыляется она.

Черт!

— Во-первых, Дженни больше не работает здесь.

— О, ужас! — она щелкает пальцами в ложном негодовании.

— Во-вторых... — я опираюсь бедром о ее стол. — Даже если бы она делала мне минет, мне было бы совершенно неинтересно наблюдать за ее губами, обхватывающими мой член.

— Печально известный Ной Тейт не заинтересован в пикапе? Мне нужно вызвать скорую? — дразнит она. — Или ты просто получаешь слишком много удовольствия, доставая меня и отвлекая от работы?

Рассердившись, я стою на своем:

— Я считаю себя несвободным в настоящее время.

Ее брови взлетают вверх.

— Ты это серьезно? Ты действительно не собираешься ни с кем встречаться?

— Только с тобой, — говорю я ровно.

— Я... гмм... Итак, моногамия действительно является частью сделки? — бормочет она. — По средам я обычно встречаюсь с парнем из тренажерного зала. Должна ли я отменить следующую встречу с ним?

Мои ноздри раздуваются от ярости, и мне приходится сдерживать свой темперамент.

— Да, черт возьми, да, ты должна. Что касается меня, касается и тебя. Ты ни с кем не встречаешься, только со мной. Я не хочу даже думать о мужчине, трогающем то, что принадлежит *мне*, — наклоняюсь я и рычу последнюю часть близко к ее уху.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

У нее сбивается дыхание, зрачки расширяются, но потом она берет себя в руки и говорит:

— До тех пор, как ты понимаешь, пока это работает для нас обоих. Если я что-то заподозрю, считай себя кастрируемым. Вспомни Лорен Боббит, но без всяких находок... той самой части. *(Прим.: 23 июня 1993 года в городе Манассас, штат Вирджиния, Лорен Боббит отрезала ножом пенис своему спящему мужу из-за сексуального, физического и психологического насилия, после чего села в машину, выехала в поле, где и выбросила этот «отрезанный ломоть».* После врачам удалось пришить «находку»).

На первый взгляд ее реакция не кажется многообещающей. Но я знаю, что в глубине души затронул ее. Я видел, как она смотрит на меня в те моменты, когда не подозревает, что я за ней наблюдаю.

— И для записи: я пошутила про парня из тренажерного зала, Ной.

Слава Богу, потому что я уже собирался пойти в этот тренажерный зал после работы и врезать мудаку в челюсть.

Я отхожу от ее стола, замечая, как глаза Оливии сужаются, разглядывая меня. Засовываю руки в карманы, натягивая ткань, и еле сдерживаю смех — ее взгляд следует за моим движением, перемещаясь вниз к промежности. Я вынимаю руки, и Оливия разочарованно фыркает.

— Если ты так уверена в себе, может, заключим пари? — спрашиваю я.

— Назови свои условия.

Она ухмыляется, притворяясь равнодушной. Слишком плохо, поскольку я точно знаю, какой эффект произвожу на женщин, когда включаю все свое очарование.

Я наклоняюсь ближе.

— Уже через четыре дня ты будешь умолять меня заполнить твоё горячее маленькое влагалище, — шепчу я.

У нее отвисает челюсть, но она быстро приходит в себя.

— Даже не через четыре года.

— Я собирался сказать четыре часа, но не хотел быть дерзким, — дразню я ее.

— Поверь мне. Я могу продержаться в течение *долгого* времени, — Оливия откидывается на спинку рабочего кресла, ее поза непринужденная и уверенная.

— Период воздержания?

Она закатывает глаза.

— Вечно.

Блядь. От этого я хочу ее намного больше, зная, что она неудовлетворенная.

— Никаких парней на батарейках.

Ее взгляд темнеет.

— Прекрасно. Никаких «свиданий» с любыми руками.

Моя челюсть напрягается. Как бы я хотел, чтобы это произошло сейчас.

— Мы всегда можем осуществить пробный заезд, тот, что я предлагал ранее.

Она грызет ноготь на большом пальце.

— У меня не было времени подумать, но я буду держать тебя в курсе, когда приму решение.

Стук в дверь привлекает наше внимание. Это Фред.

— Эй, дети, время для встречи.

Оливия проверяет свои часы.

— Иду, папа.

Зная, что наш разговор еще не закончен, я протягиваю ей руку, чтобы помочь встать с

места. Наши взгляды встречаются.

— Мы закончим это позже, Снежинка.

Она усмехается и выходит в коридор, оставляя меня позади. Ее великолепная круглая попка покачивается, сводя меня с ума.

— Через четыре дня, — кричу я Оливии вслед.

Оливия

На следующий день стук в дверь после полудня вырывает меня из рабочего транса.

— Входите, — говорю я автоматически.

Дверь открывается, и в проеме показывается папа.

— Привет, милая. Извини, если помешал, но можем ли мы поговорить? У меня.

Я смотрю сначала на него, потом на экран и встаю, закрыв ноутбук.

— Конечно, папа. Что случилось?

— Это хорошие новости, честно, — это все, что он говорит.

Я прохожу за отцом в его кабинет, где в одном из кресел уже сидит Ной. При нашем появлении он встает.

С подозрением я перевожу взгляд от него к папе. *Что за чертовщина еще произошла?*

Папа берет со стола бумаги.

— Во всей этой суматохе, дети, я совсем забыл рассказать о своем свадебном подарке, — с гордой улыбкой он вручает мне документы.

Я просматриваю первую страницу, и мое сердце останавливается. Он подписал договор аренды на меблированные апартаменты в пентхаусе, в самом центре города. Залог уже внесен, а также арендная плата. И там только одна спальня.

Ни в коем случае.

Понимая, что нужно что-то ответить, а не стоять в полнейшем шоке, я говорю:

— Ох. Эмм... Ничего себе, папа. Это щедрый подарок.

Отец посмеивается и сжимает мое плечо.

— Все для моей девочки. Я предполагал, что у вас двоих не будет достаточно времени, чтобы заниматься поиском жилья. Так что я все сделал сам.

— Большое спасибо, сэр. Я уверен, что мы полюбим это место, — вставляет Ной.

Придурок. Он всегда знает, что сказать, как сгладить ситуацию. А я тем временем пытаюсь вспомнить, как дышать.

Я натянуто улыбаюсь моему любимому будущему мужу.

— Да. Ной, мы можем поговорить об этом у тебя в кабинете? Еще слишком много мероприятий, о которых стоит позаботиться.

Как только мы оказываемся одни, я позволяю эмоциям вырваться наружу.

— Какого черта мы будем делать? Он уже потратил столько денег, что, кстати говоря, «Тейт и Кейн» действительно не может себе позволить. И папа ждет, что мы сблизимся и... какой кошмар! — я хватаюсь за волосы, не заботясь о своей идеально уложенной прическе, которая теперь находится в совершенном беспорядке.

Ной останавливает меня взмахом руки.

— Эй, эй, успокойся. Жить вместе не так уж и страшно, это ведь не катастрофа, не так ли?

— Конечно, катастрофа. Я не хочу с кем-либо жить, особенно с тобой.

Он прищуривает глаза.

— Что это значит?

— Ох, приди в себя. Я уверена, что и ты не хочешь жить со мной и с кем-либо вообще.

— На самом деле хочу.

Я смотрю на него в недоумении.

— Почему? Разве это не будет мешать твоим гулянкам?

— Я уже говорил тебе, что не собираюсь этого делать, — Ной в раздражении пробегается пальцами по волосам. — Хорошо... послушай меня секундочку. Даже если мы проигнорируем тот факт, что ты сексуальная штучка, и любой нормальный мужик отдал бы свое левое яичко за ночь с тобой...

Мой смех звучит немного истерично.

— Ты что, флиртуешь со мной сейчас? Это твой единственный метод общения с женщинами?

— *Даже если* мы проигнорируем тот факт, — рычит он, — нам следует подумать еще и об имидже «Тейт и Кейн». Насколько плохо то, что мы даже не живем под одной крышей, как думаешь?

Я потираю лоб, чтобы немного приземлить себя, а заодно и скрыть выражение лица. Я не могу расплакаться перед Ноем. Я не плачу, никогда.

Почему я вообще так расстроилась? Я же знала, что рано или поздно нам нужно будет съехаться. Я это предвидела с первого дня. Именно поэтому я и не хотела подписывать тот идиотский договор. Да, я по-прежнему оптимистично отношусь к нашей с Ноем дружбе, зарождающимся отношениям. Я не в восторге от того, что снова придется делить свое личное пространство с соседом, но я выживу. Черт, это может быть даже весело. У меня осталось много замечательных воспоминаний из жизни с Камрин.

Действительно, Ной прав. Это не катастрофа. Но по какой-то причине это раздражает меня. Как будто я теряю частичку себя.

Ненавижу сюрпризы. Свадебный подарок папы взорвал мое хладнокровие и забрызгал все ненужными эмоциями. Мне нужно время, чтобы склеить себя, собраться.

— У нас нет выбора, Снежинка, — говорит Ной. — СМИ, наши сотрудники конкуренты, наши акционеры — все они должны видеть нас вместе. Самая романтическая пара, готовая возглавить одну из крупнейших компаний страны. Вот, кем мы *должны быть*.

Я опускаю глаза, покусывая губу. Наконец, я признаю:

— Да, я знаю. Ты прав... Наши руки связаны. Я сорвалась, сожалею.

Я ожидала от Ноя какой-нибудь извращенной шутки в ответ. Но вместо этого он мягко касается моего подбородка, как бы говоря: *Эй, встряхнись*.

Я встречаюсь с ним взглядом, поскольку он притягивает мое лицо к своему. Может ли он понять, какой глупой и разбитой я себя чувствую? Почему мне не удастся скрыть от этого человека свои чувства? Почему я не могу перестать показывать свои слабые стороны?

Сочувственное выражение лица Ноя и успокаивает, и оскорбляет. Ярываюсь между желанием расслабиться, позволить ему поддержать меня и желанием ревностно беречь свою независимость.

— Я тоже сожалею, — говорит Ной гораздо мягче, чем раньше. — Я знаю, тебе тяжело, но мы что-нибудь придумаем. Вместе мы справимся со всеми трудностями, как всегда говорили наши отцы, да?

Я делаю глубокий вдох, затем медленно выдыхаю, начиная приходить в себя. На обратном пути к своей холодной собранной личности.

— Ты прав, — говорю я. — Мы должны это сделать, чтобы наши отношения выглядели правдоподобно. Так мы убьем двух зайцев — это позволит нам соблюсти приличия и узнать друг друга получше.

Ной склоняет голову с непристойной ухмылкой.

— В самом деле? Ты передумала насчет...

— Я не это имела в виду, так что перестань бредить, — говорю я раздраженно. Только позволь бабнику понять тебя неправильно. — Я имела в виду, что есть определенные вещи, которые мы должны знать друг о друге. Пустяки, забавные факты, ситуации, которые могут пригодиться в разговоре, — хоть мы и росли вместе, но точно не тратили много времени, чтобы получше узнать друг друга.

— Как, например, вчера, когда ты просто *предположила*, что я пью кофе, — Ной приподнимает брови в притворном негодовании.

— Правильно. Если бы кто-то наблюдал за нами, то решил бы, что мы друг другу не знакомы, — пытаюсь я пошутить, — Хотя я до сих пор думаю, что это было разумное предположение с моей стороны. Я имею в виду, кто пьет только чай? Чай для отдыха, кофе для пробуждения.

— Извини, Снежинка, — усмехается Ной моей попытке. — Ты предпочитаешь, чтобы я стал дерганным наркоманом, как ты? Я видел, какую дрянь ты пьешь. Черную, как деготь... как твое сердце.

— Это не так, — отвечаю я спокойно. — Я брала сахар. Если ты его не видел, то это не значит, что его не было.

— Правильное замечание. У нас обоих есть несколько вещей, которые нужно узнать друг о друге, — он засовывает руки в карманы и на секунду отводит взгляд в сторону. — О чае... Моя мама была англичанкой, и она действительно жила с этим стереотипом. Она любила *хорошую чашку чая*, — он подражает ее мелодичному акценту. — Так что я пью чай... Чтобы почтить ее память. Да, можно и так сказать. Так я вспоминаю о ней каждое утро, хоть и на одно короткое мгновение.

Моя челюсть почти падает. Его мама умерла, когда ему было всего десять. Боже, я помню тот год, словно это было вчера. Это было мрачное время. Так темно и так тихо, словно вся жизнь была высосана из Ноя и его отца в одно мгновение.

Я открываю рот, чтобы ответить, но ничего не выходит. Я знаю, что его мама была британкой, но почему-то мне никогда не приходило в голову, что он может иметь особую связь с ее родиной.

Ной качает головой, глядя немного смущенно, и обходит меня, чтобы устроиться на краю своего стола. Я чувствую себя стервой.

Закусив губу, я снова поворачиваюсь к нему.

— Мне так жаль. Я не хотела смеяться над тобой. Я считаю твой маленький ритуал чаепития... очень милым.

Он пожимает плечами.

— Спасибо, но не беспокойся об этом. Я не обиделся. Ты ведь тоже потеряла свою

маму.

— Да, но я была уже взрослой, когда она умерла. Тебе же было только десять. Просто маленький ребенок. Тебе нужна была мама, — нежные воспоминания о нем на ее коленях, когда он был уже достаточно большим, чтобы сидеть там, но не слишком взрослым, чтобы не желать этого...

— Уверен, что твоя боль сильнее — воспоминания ярче, — вздыхает Ной. — Слушай, давай не будем играть в Олимпийские игры скорби, хорошо? Конечно, я скучаю по маме, но твой опыт был не лучше или хуже моего, просто другой. Важно то, что мы можем понять друг друга.

Он всегда настолько мягкий и уверенный во всем... даже в вопросах смерти. Прежде чем я могу сказать еще что-либо, Ной меняет тему.

— О квартире... Видимо, нам следует переехать туда как можно скорее. Сегодня у меня ужин со Стерлингом. Что, если мы встретимся в квартире ... — он смотрит на свои часы, — в восемь?

Принимая во внимание всю работу, которую мне нужно сделать, я медленно киваю.

— Конечно. Это даст мне время поесть и собрать сумку, — я поворачиваюсь, чтобы уйти, но Ной останавливает меня.

— Эй, Снежинка... Ты могла бы оказать мне одолжение?

Я оглядываюсь.

— Да?

— Могла бы ты снова улыбнуться?

По какой-то причине его прямота волнует меня, и я произношу:

— П-почему я должна?

Мне хочется провалиться сквозь землю.

Что, черт возьми, с тобой происходит, Оливия? Ты говоришь, как непослушный подросток.

— Потому что я не хочу, чтобы ты уходила несчастной, — Ной протягивает руку, чтобы коснуться моей щеки тыльной стороной ладони. Самое легкое, самое мимолетное прикосновение. — Потому что она идет тебе. Я хотел бы видеть эту улыбку чаще.

Мое лицо пылает. То ли из-за моего позора с заиканием, то ли из-за обжигающего и пристального взгляда Ноя, не знаю...

— Я... я думаю, теперь, когда мы будем жить вместе, у тебя будет больше шансов, — опять заикаюсь я.

Он наклоняет голову, не отрывая от меня взгляда.

— Прекрасно. С нетерпением жду этого.

Я сглатываю комок в горле. *Он на самом деле с нетерпением ждет этого?*

— Эй, Ной?

— Да? — говорит он сладко.

— Почему ты называешь меня Снежинкой?

Он подходит ближе и проводит пальцем по моей щеке, заставляя мою кожу покалывать.

— Потому что ты точно такая же, как снежинка: красивая и уникальная, и от одного моего прикосновения становишься мокрой.

Ной отворачивается и отходит. Я же с открытым ртом провожаю взглядом его широкие плечи.

Находясь все еще в шоке, я закрываю дверь позади себя. Он хотел вывести меня из себя?

На это был направлен его последний комментарий? Или он думал, что я флиртую?

А я флиртвала? Я думала, что просто была резкой, но... Возможно, чуть-чуть. Я даже не знаю. И воспоминание о вчерашнем пари только усугубляет мою растерянность.

Я ем в одиночестве в маленьком итальянском бистро в двух шагах от здания «Тейт и Кейн». Немного еды и комфортная обстановка — это то, что мне сейчас необходимо. Спагетти с фрикадельками и бокал мерло делают свое дело.

Я беру такси и еду домой. Связавшись по электронной почте с арендодателем, сообщаю ему о расторжении договора. Затем я начинаю упаковывать сумку, собирая все необходимое для одной ночи. Вся остальная одежда и другие личные вещи будут доставлены на новое место позже. Мебель будет просто продана.

Через час мой маленький темно-бордовый чемодан набит до отказа. Задерживаться тут нет больше смысла. Но я все равно иду медленно, провожая взглядом всю обстановку в последний раз.

Эта квартира была моей обителью в течение последних четырех лет, с тех пор как я закончила учебу и получила степень по специальности и съехала от Камрин. Я выбрала это место из-за свободной планировки, деревянных полов медового цвета, так же из-за синей плитки в виде ромбов на кухне и в ванной комнате. Я купила всю мебель, соблюдая идеальный баланс между стилем и уютом. Украсила все стены теми изображениями, которые мне нравятся. Заполнила холодильник и шкафы своими любимыми закусками. Захламила ванную комнату своими флакончиками и пузырьками, не заботясь о свободном месте для других вещей. Я организовала все в соответствии с системой, которая наилучшим образом помогала мне вспомнить, где и что я положила. Это был мой выбор, только мой и больше ничей. Поэтому теперь... Я готова расцеловать все, с чем суждено проститься.

Конечно, я могу привезти несколько своих вещей в пентхаус, но так же может сделать и Ной. Он добавит свой собственный неповторимый колорит в наш новый дом.

Наш новый дом... Интересно, сколько времени мне понадобится, чтобы привыкнуть к этому. И в нем уже полная обстановка, значит, я не смогу привезти свой любимый мягкий серый бархатный диван. Там только одна спальня. Больше нигде не будет моего личного пространства.

Ной должен чувствовать себя таким же образом. Он так же жертвует уединением и свободой своей холостяцкой берлоги. Он даже больше потеряет, чем я, так как у него была личная жизнь, бурная личная жизнь. Думаю, он серьезно решил покончить с плейбойской жизнью. А ведь он, вероятно, никогда в жизни не был верен одной единственной женщине.

Зная Ноя и его неспособность удержать член в штанах, становится смешно. Интересно, что он намерен предпринять в том случае, если я действительно *соглашусь* встречаться с другим мужчиной? Начнем ссориться как пара обезумевших подростков?

Я качаю головой. Этого никогда не произойдет. Работа — вся моя жизнь, у меня нет времени, чтобы заводить знакомства. И хотя я никогда не признаюсь Ною, но у меня не хватит мужества согласиться на одну ночь. Я не могу представить себе, что буду

наслаждаться физической близостью без душевной. В отличие от Ноя, который, кажется, не прочь вывалить все наружу при малейшей провокации.

Именно так он и поступал, пока мы не начали встречаться.

Я совершенно не понимаю, что творится в голове у этого человека. Все, чего я хотела для нас, так это перейти от знакомых к друзьям. Почему он настаивает на большем? Почему он так жаждет играть идеального парня, даже в те моменты, когда у нас нет зрителей, способных оценить его игру по достоинству. Почему он считает, что должен быть верным мне?

Только чтобы соблюсти приличия? Чтобы потешить свое мужское самолюбие? Или потому что... он действительно хочет ухаживать за мной по-настоящему?

Неожиданно я осознаю, что смотрела в окно на протяжении почти пяти минут. Я даже не смотрела на темный мерцающий пейзаж: движущиеся огни машин, статические огни офисов, работающих допоздна, или на семьи, отдыхающие вместе. Проблеск жизней миллионов людей, возникший в звездах и отразившийся в ночном небе. Я вдруг почувствовала себя очень маленькой... и одинокой.

Обычно я абстрагируюсь от чувства одиночества, от нелепых фантазий о безликом любовнике, так что сейчас мне требуется какое-то время, чтобы распознать это гнетущее чувство. Какое-то до боли невыносимое желание близости, чтобы чьи-то руки зарывались в мои волосы, а голос шептал сладкие обещания на ухо, чтобы держали в объятиях и говорили, что все будет в порядке, чтобы этот кто-то пошел ночью разведать, что за шум я услышала... Теперь мое одиночество имеет определенный и острый характер.

Я хочу видеть Ноя.

Он единственный человек в мире, понимающий мои сегодняшние переживания. Камрин может попытаться посочувствовать, и она определенно сделала многое, чтобы помочь мне, но не она сидит рядом со мной в окопе. Это Ной.

Я не уверена, что хочу *поговорить* с ним прямо сейчас, но определенно хочу увидеть его. Я хочу знать, что он все еще на моей стороне. Мне нужно услышать оптимизм в его голосе и увидеть ухмылку на его губах... что, возможно... только возможно, я соглашусь на это безумие.

Я забираю свой чемодан, выключаю свет и выхожу из этой квартиры в последний раз.

Даже в это позднее время движение на Манхэттене не приносит радости. Пока такси ползет по переполненным городским улицам, меня посещает идея.

— Есть ли поблизости магазин чая? — спрашиваю я таксиста.

Он непонимающе смотрит на меня в зеркало заднего вида.

— Типа кафе?

— Нет, я имею в виду место, где я могу купить... оборудование? Заварники, чайники и прочее.

Он начинает постукивать по экрану GPS-навигатора. К счастью, мы остановились на красный свет, но я чувствую, что и при зеленом он сделал бы то же самое.

— Около трех кварталов на запад, — говорит он через минуту. — Вам надо кое-что купить там?

— Да, пожалуйста.

Он быстро поворачивает на правую полосу движения, игнорируя несколько окриков и средних пальцев от других водителей. Так или иначе мы доезжаем до магазина, не вызывая непредумышленных дорожно-транспортных происшествий.

Отсчитывая деньги за проезд, я говорю:

— Можете ли вы подождать меня? Мне потребуется не больше двадцати минут.

Он вскидывает густые брови.

— Так долго? Вы уверены? Мне придется объехать вокруг квартала, и счетчик бежит...

— Я могу себе это позволить, — пока, во всяком случае. «Тейт и Кейн» еще не затонула.

Он пожимает плечами.

— Хорошо, леди, как скажете.

Я выхожу из машины, и она отъезжает прежде, чем я добираюсь до входной двери.

В крошечном магазинчике целая стена отведена под принадлежности для чая — чашки, чайники, ложки с ситечками, фильтры, бумажные фильтры, маленькие корзинки для подарочной упаковки, герметичных банок и банок для хранения сыпучих листьев. Я читаю этикетки, постукивая пальцем по губам.

Наконец, я выбираю приземистый в японском стиле керамический чайник с пятнистым темно-зеленым рисунком. На этикетке выведены японские иероглифы. Я не имею ни малейшего понятия, что это значит. И цена немного пугающая. Но его цвет и изящная форма совершенны — скромно и со вкусом, не слишком мужской и не слишком женственный. Символ компромисса, надежды на гармонию. Подарок, который я выбрала сама в знак признания ритуала, которым дорожит Ной.

Я также беру пару чашек, соответствующих чайнику. Но определенно буду придерживаться кофе по утрам. Иногда, возможно, поздно вечером, было бы не так плохо выпить чашку горячего чая с Ноем.

Улыбаясь, я подхожу к кассе. Наконец я чувствую себя умиротворенной.

Ной

— Я в настроении для красного мяса, — говорит Стерлинг, когда после работы мы идем среди толпы вниз по тротуару.

— Черт. Сухая полоса, приятель? — я задумчиво потираю свой подбородок.

— Что? — он щурится на меня в меркнувшем свете.

— Тяга к красному мясу обычно означает отсутствие секса. Стремление к другому виду мяса, так сказать, — усмехаюсь я.

— Заткнись.

Ах да, он же трус. Я знаю, что он переживает некоторого рода «сухую полосу», но не знаю причины. Только я собираюсь спросить об этом, как слышу его хихиканье.

— Что? — спрашиваю я.

— Ты так заблуждаешься, это даже не смешно. Ты единственный, кто собирается стать мировой сенсацией с огромными синими шарами. Жениться на горячей цыпочке, Оливии Кейн, и не трахнуть ее? — он издает жалкий звук. — Просто позор.

— Кто сказал, что у меня не получится трахнуть ее? — я открываю дверь в «Грасслэнд Стейкхаус» и жестом предлагаю ему войти первым.

Он бросает на меня странный взгляд, но подходит к хостес, чтобы попросить меню.

Мы садимся с нашими напитками: виски для меня, пинта импортного пива для Стерлинга.

— Ты и твоя прекрасная невеста собираетесь сделать огромный шаг вперед в отношениях, как я понял? — спрашивает он.

Я пожимаю плечами.

— Пока нет, — она далеко не моя невеста. — Лично я не теряю надежды, — я делаю еще один глоток виски. — На самом деле, мы с ней сегодня встречаемся в нашей новой квартире. Подарок ее отца.

— Да ну на хрен?

Я киваю.

— Совместное проживание, ха. Это большой шаг.

— Точно.

На мгновение я ставлю себя на место Стерлинга и задумываюсь над тем, чувствует ли он, что теряет своего лучшего друга и напарника. Раньше каждые выходные мы ездили на охоту за сексом и удовольствием, именно в таком порядке. Сейчас я практически женатый человек. С новым соседом и, вероятно, с комендантским часом.

Но взглянув на Стерлинга и увидев, что он улыбается, как кошка, которая съела канарейку, я понимаю, что чего-то не знаю.

После ужина я сразу же мчусь в пентхаус — это потрясающее место в самом сердце города. Пользуясь моментом, оглядываю все вокруг, щелкая по пути выключателями. Шикарный вид с балкона на двадцатом этаже, современная кухня с итальянской кофеваркой, которую, я уверен, Оливия сразу же облюбует. Декоративная лепнина, мраморная столешница, дубовый паркет. Выглядит как утешительный приз... Стены и мебель, ковровые покрытия и постельное белье — все в различных оттенках белого и кремового. Все выглядит чистым и нетронутым.

Как в музее, и это немного смущает. Потребуется время, чтобы обжиться тут и принять это место за свой новый дом.

Я держался за свою небольшую холостяцкую берлогу так долго, что мне не хочется оставлять ее. Но я знаю, что это неизбежно и пойдет только на пользу. Именно этого хотел отец для меня — будущее с Оливией.

Кстати, об отцах... Бутылка красного вина и два бокала оставлены на столе с запиской от Фреда.

Ной,

Спасибо за то, что сделал это, сынок. Я не всегда буду рядом. От осознания того, что ты рядом с ней, что позаботишься о моей маленькой девочке, мне становится теплее и спокойнее. Я знаю, что ты не подведешь меня. Нет другого человека, которому я доверил бы и свою компанию, и свою дочь. Я надеюсь, что ты знаешь это.

Фред Кейн

Я складываю записку и кладу ее в карман. Фред всегда доверял мне Оливию. Даже когда я был озабоченным шестнадцатилетним подростком с новыми водительскими правами. Лишь я один был удостоен чести брать ее с собой на прогулки, о чем она не знает и по сей день. Мы плавали на лодке, играли в мини-гольф, ходили в кино.

Я открываю бутылку, чтобы дать вину «подышать», и выхожу на балкон посмотреть на город. Не могу не вспоминать о тех моментах, которые мы с Оливией разделили. Хороших и плохих. Вместе мы прошли через потерю близких, вместе наблюдаем, как рушится наша компания.

Я понял, что стою здесь уже долгое время, что потерял счет времени. Удивленный, я возвращаюсь обратно и смотрю на часы. *Она опаздывает.*

С замиранием сердца я жду ее, хотя не удивлюсь, если Оливия вообще не придет.

Какого черта я должен заботиться о том, хочет она жить здесь или нет? Она ясно дала понять свое отношение ко мне. Ей противна сама эта идея — жить со мной. Я похож на кусок собачьего дерьма на подошве ее туфель за пятьсот долларов.

Если она не появится, я буду разочарован. Самого себя обмануть мне не удастся.

И вот слышится щелчок замка. Я стараюсь не бежать до двери, как золотистый ретривер.

Оливия проходит внутрь. Она переоделась, сменив деловой костюм на пару легких джинсов и свитер.

— Привет, — оставив чемодан у двери, она пересекает гостиную, направляясь ко мне.

— Ты опоздала на час, — говорю я, направляясь на кухню.

— Я кое-что покупала, — она ставит яркий пакет на стол. — Точнее, кое-что для тебя.

Оливия смотрит на меня с редкой теплой улыбкой, потом достает коробку из пакета и ставит рядом.

— Ну? Ты собираешься открыть ее? — спрашивает она.

Я думал, сначала она захочет посмотреть квартиру, но угождаю ей и подхожу к столу. Воздух рядом с ней наполнен легкими нотками жимолости — ее запах. Черт, это будет постоянно отвлекать, ведь теперь мы живем вместе. Я буду в состоянии постоянного возбуждения. *Потрясающе.*

Сняв крышку с коробки, роюсь в упаковке, пока не нахожу *его*:

— Это чайник для заварки, — говорю я, поднимая его вверх и с любопытством рассматривая.

Теперь смысл ее подарка понятен мне. Сразу же вспомнился наш разговор о матерях. Не думаю, что когда-либо получал нечто подобное раньше.

Из того же пакета Оливия достает две небольшие чашки и ставит их на стол.

— Мы можем пить чай вместе... если тебе нравится эта идея.

Слышу нотки неуверенности в ее голосе. Неужели она думала, что мне может не понравиться эта идея?

Даже и не знаю. Я чертовски люблю ее!

— Это было очень трогательно, Снежинка.

Я думал, что Стерлинг единственный, кто заразился моей одержимостью чаем. К тому же, он британец, но, видимо, Оливия теперь с нами.

Поставив чайник на полку, я притягиваю Оливию к себе, чтобы обнять.

Я ожидал, что Оливия не подастся или вообще отойдет от меня с комментарием о неподобающем физическом контакте. Но вместо этого она уютно устроилась в моих руках, и ее тело подходит моему. Ее руки упираются в мои плечи, и она смотрит на меня немного удивленно.

— Спасибо, — говорю я, скользя большим пальцем по ее подбородку.

— Нет проблем.

— Ты же знаешь, что я собираюсь поцеловать тебя, не так ли?

Мы стоим так близко, что я слышу, как она сглатывает. Кончик ее языка высовывается, когда она быстро и нервно облизывает губы, и даже не замечает этого.

Блин, это так чертовски мило... Не думаю, что когда-либо видел подобное. Но я хочу больше, чем просто бессознательные сигналы. Жду, когда Оливия решится.

Наконец, она кивает.

— Может быть, — говорит она, пытаясь казаться легкомысленной.

Я смеюсь и ослабляю свою хватку.

— Давай. Ты должна рассмотреть это место. Оно невероятное.

— Папа перестарался, как обычно, — она отворачивается от меня и смотрит на балкон.

— Вина?

— Почему бы и нет?

С бокалами красного вина в руке мы обходим всю квартиру. Оливия указывает на архитектурные детали, обсуждает график использования ванной комнаты, которую мы разделим, а я просто смотрю на нее и киваю.

Находясь здесь с ней, слушая ее идеи по оформлению комнат, разделяя это место с ней... Я понимаю, что это начало. Может быть, начало даже чего-то реального.

— Все не так уж и плохо, да? — дразню я.

Она бросает на меня взгляд.

— Просто потому, что у меня чуть не случился приступ паники при мысли о совместной жизни с тобой, не означает, что ты можешь злорадствовать.

— Хорошо. Я не буду. Но это хорошее место. Твой папа молодец.

Она кивает. Затем отводит взгляд в сторону на секунду.

— Я кое-что хотела тебе сказать.

Мы идем по коридору, я пропускаю ее, и она оказывается передо мной.

— Я рассмотрела твоё предложение и вот, что предлагаю, — тон Оливии уверенный. плечи расправлены.

— Мое предложение? — спрашиваю я. Она так беспристрастна, что я не могу дождаться, чтобы услышать её решение.

Она останавливается, чтобы посмотреть на меня.

— Ты знаешь, та идея, которую ты предложил в баре на прошлой неделе. Я готова попробовать.

Да, черт возьми. Я, наконец, добился кое-каких реальных успехов.

— Конечно. Мы могли бы попробовать, — *и как можно быстрее.*

— Но пока с условиями, — продолжает она.

Условия. Правила. Рекомендации. Почему я не удивлен? Эта женщина не похожа ни на одну из тех, которых я когда-либо встречал. Она, конечно же, заставляет меня гадать.

— Например?

— Только первая база, так, кажется, ты сказал. И полностью одетый, — она сощуривается, когда её взгляд опускается к моей ширинке. — Что означает, ты держишь эту гигантскую штуковину в штанах.

— Ты сказала «гиганская»? — я не могу удержаться от ухмылки.

— О, ради Бога, перестань напрашиваться на комплименты. Ты знаешь, что это впечатляет, иначе бы не засунул мне его в глотку, — как только она замолкает, её лицо становится ярко-розовым, эта оговорка по Фрейду выдает её тайные желания.

— Ох, Снежинка, — я глажу её горячую щеку большим пальцем. — Я не засунул его тебе в глотку, но с нетерпением жду этого.

— *Давай* просто забудем про это. Никто ничего не будет никуда пихать. Первая база. Понял?

Я смеюсь.

— Так медленно, как ты пожелаешь.

И это правда. Медленно, может быть, и не мой обычный стиль, но есть определенное удовлетворение от осознания, что я выиграю её доверие и подготовлю для большего. Идея довольно приятна. Это сделает мою победу ещё более сладкой.

— Это сработает: я и ты, — говорю я ей, когда мы приближаемся к спальне.

Да, одна чертова спальня. И прежде чем ещё больше увлечься, собираю всю силу воли, чтобы сказать ей, что буду спать на гребаном диване.

— Ты можешь спать на кровати одна, — говорю я, останавливаясь в коридоре.

Это по-джентльменски, не спорю. Но после нашей милой беседы минуту назад я понял, что у меня имеются некоторые проблемы...

— Ты уверен? — её голос звучит удивленно.

Я сглатываю.

— Конечно. Я лягу на диване.

Наши взгляды одновременно перемещаются от современного стильного твидового дивана в гостиной к массивной двуспальной кровати в спальне и обратно на диван. Нет сомнений, что с моим ростом нельзя поместиться на диване.

— Знаешь, что? — отчетливо заявляет Оливия. — Мы взрослые люди. Это огромная кровать. Мы можем спать на своих половинах, верно?

— Я буду котиком, — усмехаюсь я.

— Вот этого я и боюсь, — бормочет она в ответ.

Оливия

Я уступила Ною ванную, чтобы он первым почистил зубы. Мы еще не достигли того уровня отношений, когда можно спокойно смотреть, как другой человек плюет в раковину рядом с тобой. Пока он там возится, я переодеваюсь в спальне в свою любимую флисовую пижаму.

Ной встречает меня, прислонившись к стене за дверью ванной. Наклонив голову, он смотрит на меня с веселой улыбкой.

— Что? — спрашиваю я через минуту.

Его взгляд пробегается по изгибам моей фигуры.

— Ничего. Просто ты выглядишь слишком мило.

Мило? Мои щеки розовеют, его слова действуют на меня странным образом, заставляя все внутри искриться и приятно сжиматься. Внезапно мне становится неловко за принт на пижаме в виде маленьких порхающих бабочек лавандового цвета. Я совсем не подумала о том, что ему может быть интересна моя пижама или, что он начнет дразнить меня по этому поводу. Не говоря уже о тех приятностях, что заставляют меня лишаться дара речи.

— Где твоя пижама? — спрашиваю я.

Он озорно улыбается:

— Ну, обычно я сплю обнаженным.

Ну конечно. Почему я не удивлена?

— Больше ты так не спишь, — говорю быстро, прерывая его. — Найди какие-нибудь спортивные штаны или что-то типа того, — когда мы проходим по коридору, меняясь местами, я добавляю через плечо, — и не забудь футболку!

Чего стоит один только вид его божественного тела с кубиками пресса... и это в то время, когда я еще свыкаюсь с мыслью о совместном проживании. Не говоря уже об общей кровати. Я этого не переживу.

Я практически заканчиваю свои процедуры, когда слышу, как Ной кричит мне из спальни:

— Эй, Снежинка? Раз уж мы проводим ночь вместе, может, запустим первый тест-драйв?

Сердце чуть не выскочило из груди. Как только я немного успокаиваюсь, совсем немного, то понимаю, что он говорит о «первой базе» наших отношений. Господи... дай этому мужчине палец, он всю руку откусит.

Удивительно, но это не вызывает у меня протеста — я не против поцелуев, лишь любопытство, неожиданный приток тепла, приятное возбуждение. Хотя наше соглашение строго ограничено объятиями, как у пары застенчивых старшеклассников, которыми мы были семь лет назад. Наверно, не стоит пересматривать свою позицию по этому вопросу — никакого секса пока. Нас ждет длинный путь. Эта мысль одновременно очень успокаивает и чуть-чуть обижает.

— Конечно, — наконец отвечаю ему, пытаясь казаться беспечной. Именно я предложила попробовать, в конце концов. Только вот я никак не думала, что это случится

так скоро. Но чем плох этот момент? Впрочем, как и любой другой.

Момент истины. С трудом сглотнув, я приподнимаю одеяло и заползаю в кровать. Постельное белье шуршит, когда Ной делает то же самое на другой стороне кровати.

Я чувствую его дыхание и движение. Я улавливаю каждый крошечный звук, в высшей степени осведомлена о том, насколько близко он ко мне.

Слишком давно я не спала в одной комнате с другим человеком, что уж говорить об одной кровати. И это совсем не похоже на сон с сестрой или Камрин. Мой новый сосед очень красивый мужчина, который ясно дал мне понять, что хочет трахнуть меня своим огромным членом. Мы спим вместе, *не спя* вместе, но все же... Я делю постель с гребаным Ноем Тейтом. И я на расстоянии приблизительно в тридцать секунд от поцелуя с ним.

Меня накрывает сладкий коктейль из нервозности и дикого возбуждения, и мне никак не удастся отделить их друг от друга. Внезапно совсем по-детски мне хочется отвернуться и уставиться в стену, пока Ной не заснет. Но тут же упрекаю себя за малодушие. Мы же не дети и не подростки, которые краснеют и хихикают при каждом упоминании о сексе. Мы два взрослых свободных человека, которые благоразумно решили...

Еще одна головокружительная волна тепла проходит сквозь мое тело. Я заставляю себя успокоиться и перевернуться.

Ной приподнимается на локте. Его улыбка гаснет, когда он ловит мой взгляд.

— Эй, ты в порядке?

Мой мандраж настолько очевиден?

— Ну, д-да, я в порядке, — отвечаю я. Может быть, это не совсем правда, но это и не ложь. Я действительно хочу попробовать. А значит, надо действовать. — Давай, вперед.

Ной кивает и быстро придвигается ближе. Он протягивает руку, чтобы убрать волосы с моего лица, и я рассыпаюсь на части от его легкого, щекочущего прикосновения.

— Ты со мной? — спрашивает он.

Я киваю.

— Мы не должны делать того, чего ты не хочешь.

— Я знаю.

Его прикосновения мягче, чем я ожидала. Кончики пальцев едва касаются моей щеки, шеи, заправляют волосы мне за ухо. Это... приятно.

Тогда, наконец, он переносит вес своего тела и наклоняется.

Первое касание наших губ настолько легкое, что я едва чувствую его. Это больше похоже на паузу перед поцелуем, чем на сам поцелуй. Но и это заставляет мое сердце биться с бешеной скоростью.

— Все в порядке? — бормочет он, его теплое мятное дыхание нежно касается моих губ.

Я приподнимаю подбородок и отвечаю на его вопрос целомудренным поцелуем.

Ной касается моих губ, смеясь. Он ложится ко мне лицом, убрав одну руку под голову и обнимая меня второй. Держится на расстоянии. Джентльмен... Пока, во всяком случае.

Его губы снова медленно накрывают мои. Ни языка, ни зубов, ни большого давления, только приятное ощущение от взаимной сладкой уступки. Я расслабляюсь, и моя нервозность сменяется более приятным чувством.

Все совершенно очевидно. Ной пытается не испугать меня своим напором, хочет убедиться, что мне комфортно. От этого мне становится легче, но я понимаю, что надо и самой действовать. Настало время повысить ставки.

Я обнимаю его за талию, чувствуя приятную твердость его мышц, и открываю рот. С

низким рыком одобрения Ной немедленно отвечает на мое приглашение. Кончик его языка пробивается через мои губы. Не уступаю ему в дерзости и тихо вздыхаю от ощущения мягкого скольжения его языка. Низ живота мгновенно откликается на это прикосновение. Мои трусики становятся влажными, и сейчас я задыхаюсь в этой чертовой флисовой пижаме. Его полные мягкие губы умело атакуют мой рот.

Мое тело непроизвольно прижимается ближе к Ною... Все эти ощущения оказались намного лучше, чем мне запомнилось.

И тогда я чувствую это. Его полуэрегированная длина трется о мое бедро.

Мысль о Ное, которого я представляла в каждой своей фантазии еще подростком, готовом для меня здесь и сейчас, почти невыносима. Импульсы возбуждения отдаются внизу живота, и я в шаге от того, чтобы потереться о Ноя бедрами...

Какого черта я творю?

Это же Ной Тейт, который переспал с половиной Манхэттена, который, вероятно, делает все это, чтобы выиграть пари и добавить еще одну зарубку на спинке кровати.

Я замираю от этой мысли, и он тут же отстраняется.

— Что случилось? — спрашивает он в замешательстве.

— Думаю, пора остановиться, — удается ответить мне, не заикаясь.

Ной хмурит брови в явном раздражении.

— Серьезно?

— Да, серьезно. Спокойной ночи, — я выпутываюсь из его объятий и переворачиваюсь на бок. — Но спасибо. Это было забавно.

— Просто забавно? — недоверчиво переспрашивает он. — Черт. Не забудь оставить двадцатку на моей тумбочке.

— Хочешь сказать, что уже бывал в такой ситуации?

— Да пошла ты.

Ной переворачивается, и я слышу, как он встает и выходит в коридор.

Я заставляю себя закрыть глаза и дышать глубже. И почему я никогда не замечала, как душно в этой пижаме?

Мне становится интересно, куда же он пошел — прошло уже пятнадцать минут, как его нет. Может, он все же решил спать на диване? Надеюсь, что нет... Чувствуя за собой вину, встаю и отправляюсь на его поиски.

В гостиной пусто, но в ванной закрыта дверь, и сквозь щель пробивается луч света.

Надо было подумать о ванне в первую очередь, глупость какая... А вдруг он упал или еще что?.. Но чувство тревоги быстро проходит.

Я поднимаю руку, чтобы постучать, но резко останавливаюсь... Мои щеки горят, пульс ускоряется... Я слышу стон удовольствия. Однозначно.

Широко распахнув глаза, стою и не верю в то, что могу быть такой идиоткой. Что, черт возьми, я ожидала от человека, которому обеспечила стояк?

Я должна его оставить. Прямо сейчас. Просто вернусь в постель и притворюсь, что ничего не слышала. Та-а-ак. Почему же я не двигаюсь?

Низкое хриплое рычание доносится из ванной, отчего у меня сбивается дыхание.

Бессознательно я склоняюсь ближе к двери. Мне становится слышно его тяжелое дыхание, он очень громкий... Интересно, близок ли он к кульминации? Скорее всего, ведь он там уже пятнадцать минут. Если он не слишком вынослив...

Еще один стон — этот громче и вибрирует. Слишком легко представить себе сцену,

разворачивающуюся по другую сторону двери. Я не могу остановить поток образов, обрушивающихся на меня: Ной стоит со спущенными до бедер штанами, его футболка задралась, демонстрируя подтянутый живот и темную дорожку волос. Грудь вздымается, ноги дрожат. Темные глаза полуприкрыты или вовсе закрыты, он сконцентрирован на получаемом удовольствии. Разгоряченный и потный, откинув назад голову, он покусывает полные губы, чтобы сдерживать стоны, или, наоборот, приоткрывает их, задыхаясь. И его огромный твердый член (сейчас он бы впечатлил меня больше, чем тогда, в баре), гордо приподнимающийся, опухший и жилистый с влажной розовой головкой, он напрягается, сжатый в кулаке, которым Ной дергает себя быстро и грубо.

Мои трусики еще больше промокают.

Теперь Ной задыхается, каждый выдох сопровождается стонами, в которых слышны обрывки слов. Что он говорит? О чем он думает? Я прислушиваюсь, сжимая бедра вместе, стараясь облегчить ноющую боль внизу.

— Оливия... — стонет он.

У меня отвисает челюсть. Киска сильно сжимается, и теперь мои трусики промокли насквозь. Ной звал меня по имени так рьяно, с таким отчаянием — это самое горячее, что я слышала в своей жизни.

Он достигает пика и медленно затихает.

Во рту все пересохло, и я чувствую, как мое сердце колотится где-то в горле.

Очнувшись, я понимаю, что Ной может в любую минуту выйти из ванной и застучать меня тут, подслушивающей под дверь.

Я бегу назад по коридору, запрыгиваю в кровать, и дергаю на себя одеяло. И тут дверь в ванной открывается. Закрываю глаза. Ной быстро и тихо шагает по ковру, приближаясь к кровати. Матрас под ним прогибается с тихим скрипом.

Лежу смирно, стараясь дышать как можно медленнее и ровнее. Это не легко, так как меня одолевает похоть. Однако если Ной и понимает, что я притворяюсь спящей, то он никак не реагирует на это.

Я лежу, чувствуя себя идиоткой, — мое сердце все еще трепещет, тело на взводе и готово к неземным удовольствиям. Ну а удовлетворенный и умиротворенный Ной погружается в спокойный сон.

На следующее утро настойчивый звук будильника застает меня в пустой кровати — я одна. Странно... Я не относила Ноя к жаворонкам. Потом я слышу лязг металла и чувствую запах кофе. Должно быть, Ной готовит. Он даже не пьет кофе, значит, сварил его только для меня. Мой желудок одобряет эту идею. Может, Ной и не сильно расстроился из-за моего отказа вчера? Надеюсь.

Не желая пропускать горячий завтрак, я выбираюсь из постели, быстренько принимаю душ, чищу зубы и одеваюсь.

Ной действительно стоит у плиты, но я никак не ожидала, что он будет без рубашки, с растрепанными и влажными после душа волосами. Мышцы на руках красиво и

притягательно перекатываются под слегка загорелой кожей. Не могу не пялиться на него. Выпендрейник. Придурок точно знает, насколько хорошо выглядит.

Он оборачивается с улыбкой, прерывая мои похотливые мысли:

— Хорошо спала?

— Да, без задних ног, — отвечаю я легкомысленно. *Ага, уснула, но только спустя час.*

Влажная больше, чем река Гудзон.

Возможно, я могла бы взять пример с Ноя и найти свое облегчение, но в тот момент я думала только о том, что он проснется и поймает меня. И тогда пришлось бы мириться с его самодовольством... Бог знает, как долго. Вечность, скорее всего.

Свист чайника избавляет меня от необходимости продолжить эту тему:

— Я возьму.

— Спасибо, — говорит Ной через плечо, поскольку сконцентрирован на сковороде, наполненной шипящими яйцами. Мой желудок сразу же откликается — завтрак почти готов. — Я уже положил листья чая в заварник.

Я наливаю кипяток в наш новый чайник, беру чашку кофе для себя и несусь к столу. Ной подает две тарелки, в каждой из которых лежит аппетитный омлет с грибами и шпинатом.

Мы едим в столовой с эркерным окном, наслаждаясь ранним солнечным утром и видом на Манхэттен. Мы приятно проводим время, разговаривая о работе, подкидывая друг другу различные идеи для нашего нового бизнес-плана. Мне хорошо, спокойно. Возможно, у нас получится ужиться. У нас была только одна ночь в этой квартире, но она уже начинает ощущаться как дом.

С довольным вздохом я проглатываю последний кусочек омлета. Свежий, горячий завтрак — это определенно хороший способ начать утро. Мой обычный распорядок состоит из рогалика или маффина по дороге на работу. Если это попытка Ноя подлизаться ко мне, то она сработала.

Девушка может привыкнуть к этому...

Мы опаздываем — незаметно завтрак отнял у нас слишком много времени. Нужно добраться до офиса как можно быстрее. Я складываю свою тарелку и кружку в посудомоечную машину и собираюсь пойти в ванную, чтобы нанести макияж. Как только я поворачиваюсь, Ной ловит меня за плечи и разворачивает к себе лицом. Его сильные руки крепко обнимают меня. Я даже не успеваю понять, что к чему, как он уже сминает мои губы.

Я задыхаюсь. Это совсем не похоже на вчерашний поцелуй. Тот был мягким и сладким, с самыми легкими прикосновениями, словно попытка не спугнуть зверька. Этот же другой вид приручения — жесткий, грубый, огненный. Малыш настроен решительно? Ной поймал меня и унес в мир всепоглощающего возбуждения, поражающего мое тело жаром раскаленного железа.

Застигнутая врасплох, я не успеваю сдержать стон. Я потрясена, и мои мышцы превратились в желе. Цепляюсь за него, чтобы просто удержаться на ногах.

Такое ощущение, что Ной переливается в меня, наполняет собой все мои мысли и чувства. Я впитываю в себя тепло его тела, касание щетины вокруг своих губ, мужественные ароматы соснового мыла и пряного одеколona.

Он пожирает мой рот, отчего голова идет кругом, мне не хватает воздуха. Зубами Ной мягко покусывает и царапает мои губы. Его язык глубоко проникает в мой рот, дразня и намекая на более жаркие ласки моего клитора. Яркое обещание удовольствия... Если только

я позволю ему...

Я вспоминаю, как он стонал мое имя в ванной. Этот образ тут же посылает новый поток тепла через меня. Возможно, я не просто очередное завоевание для него; возможно, он так же незащищен в некотором роде.

Вдруг мне становятся непонятны мои же сомнения. Передо мной горячий мужчина, готовый умолять меня. Какой смысл отказывать себе в удовольствии? Я выгибаюсь, прижимая наши бедра вместе, и чувствую двойную вспышку голода и торжества, когда длинная, толстая твердость упирается мне в живот.

И тогда Ной делает шаг назад. Все прикосновения, которые я жажду — теплое, мускулистое тело и горячий, влажный рот — вдруг просто исчезают. Мне нужно время, чтобы понять то, что произошло.

Еще ошеломленная от похоти я оглядываю его снизу вверх.

— Что?..

— Пора выходить. Иначе мы опоздаем на работу.

— Работа? — слово выходит из моего рта, как разочарованное хныканье.

Он ухмыляется, словно только что выиграл Суперкубок.

— Именно ты настаивала на ограничениях. Хотя, если желаешь большего, я думаю, что компания могла бы пережить еще один час без нас. Только тебе придется вежливо попросить меня об этом.

Когда туман похоти рассеивается, я с ужасающей ясностью понимаю, что только что произошло. *Ах ты, сукин сын...*

Все это время он играл со мной. Он собирается дразнить меня, надеется, что доведя меня до отчаяния, сможет ослабить мою оборону. Вот его план. Его цель соблазнить меня и заставить признаться в том, что я хочу большего. Ной рассчитывает, что, переспав со мной, докажет свою правоту. Убить двух зайцев одним выстрелом.

Что ж, забудь об этом. Оливия Кейн не просит. Никогда.

Я даже больше разозлилась на себя, чем на него. О чем, черт возьми, я думала? Ни с чем, это точно. Мое либидо сыграло со мной злую шутку. Никогда еще я не чувствовала себя настолько неконтролируемой. Что я могу сказать на это? Это первый и последний раз.

Черт, мои губы все еще покалывает от его поцелуя. Мое лицо горит от смущения и последних следов возбуждения.

Пытаясь взять себя в руки, я дарю Ною самый убийственный взгляд, на который способна.

— Ты дьявол.

— Уверен, что смогу сделать тебя королевой ада,— он делает паузу. — Кто знает, может, так оно и есть...

— Поздравляю, умник, ты закончишь с уборкой посуды, пока я наношу макияж, — я резко разворачиваюсь и несусь в ванную.

— Как пожелаешь, — кричит он мне вслед.

Я стискиваю зубы, пытаюсь приглушить раздражение и возбуждение. Я знаю только об одном верном способе заткнуть его. Но, к сожалению, Ной использует его против меня же.

Не могу забыть хвастовство Ноя. Всего через четыре дня я буду упрашивать его?.. Я думала, что нет такого способа, что я не сдамся так легко. Но теперь... спустя всего один день, я не так уверена в этом.

Ной

Конференц-зал полностью заполнен сотрудниками компании. Заняты все места за длинным столом, а также места в задней части комнаты.

Я вижу Роситу, стоящую в дальнем углу, и она приветливо машет мне рукой. Я попросил ее прийти, потому что не мог позволить ей пропустить такую новость. Я знаю, что она гордится мной, как своим собственным сыном.

Отец Оливии стоит во главе стола, небрежно переговариваясь с Прескотом и несколькими членами совета, которые решили прийти. Знаю, что совет не столь оптимистичен, как мы с Оливией, но мы постараемся исполнить все обещания.

Народ разбился на небольшие группки в ожидании начала. Некоторые говорят о работе, которой они так увлечены, в то время как другие просто болтают с друзьями, с которыми проработали на протяжении многих лет. Все эти люди потеряют работу, если мы не преуспеем. Реальные люди. С реальными проблемами и реальной жизнью. И это вот-вот случится.

Живот скручивает.

— Мне нужно выпить, — ворчит Оливия рядом со мной.

— Хорошая идея, — шучу я.

Интересно, злится ли она еще на меня за то, что оставил ее этим утром ни с чем? Скорее всего. Но вчера в постели она повернулась ко мне своей упругой маленькой попкой, после того как обеспечила мне стояк своими мягкими влажными поцелуями и вздохами поощрения. Мне пришлось пойти и позаботиться о себе самому, чтобы иметь хотя бы шанс на сон... Да, судьба та еще стерва.

Ее взгляд скользит в сторону столиков возле окна, на которых размещены подносы с кофе и пирожными.

— Я не вижу чая. Хочешь кофе? — спрашивает она, уже продвигаясь в сторону столов.

Я качаю головой.

— Все в порядке, спасибо.

Спустя несколько мгновений Оливия возвращается с дымящимся черным кофе в бумажном стаканчике.

— Начнем, — объявляет Фред своим громовым голосом.

Тишина окутывает комнату, и все взгляды устремляются на него. Он делает шаг вперед.

— Я собрал вас всех тут для того, чтобы поделиться радостной новостью, — он смотрит на нас с Оливией, кротко улыбается и вновь обращается к залу. — Мне выпала большая честь объявить о следующем поколении правления «Тейт и Кейн» ... Моя дочь, Оливия, и Ной — сын Билла, новые генеральные директора компании.

Шепот волной проносится по залу.

— Я знаю, знаю, — Фред заставляет замолчать толпу взмахом руки, — семья решила отклонить предложение комиссии, по крайней мере сейчас, и доказать вам, что мы сможем сделать компанию прибыльной под их руководством до конца текущего финансового квартала.

Кое-кто соглашается, кивает, но большинство людей по-прежнему в замешательстве. Я их не виню. Их рабочие места находятся под угрозой, и никакой уверенности в завтрашнем дне. Сможем ли мы с Оливией решить проблему в столь короткий срок?

— Пожалуйста, поприветствуйте наших новых руководителей, — он с энтузиазмом хлопает в ладоши, и все следуют его примеру, вознаграждая нас аплодисментами.

Как только все стихает, Оливия делает шаг вперед и выступает с короткой, но проникновенной речью о нашем преданном отношении к делу, о том, как сильно мы нуждаемся в сотрудничестве и долгой и упорной работе всех присутствующих в зале. Это наше общее дело. Честно говоря, не уверен, что слежу за ее речью, потому что замечаю, как Харрисон трахает Оливию своим взглядом с противоположного конца комнаты. Кровь закипает.

Когда Оливия заканчивает, я подхожу к ней и беру ее за руку. Это для тебя, Харрисон! Чтобы наверняка понял, кому она принадлежит.

— У меня для вас есть новость. Уже можно сказать обо всем открыто, нам скрывать нечего, — я улыбаюсь Оливии, которая, похоже, готова меня убить. — Слухи правдивы. Мы с Оливией встречаемся.

— Но это не мешает нашей компании, — говорит она, прерывая меня.

Блин. Жесткость и безжалостность — все, из чего состоит эта женщина. Мне нужно заставить ее расслабиться и отдохнуть. Она очень замкнута. Она должна научиться останавливаться и вдыхать запах роз время от времени. Работу в сторону — это будет моим следующим приоритетом.

Еще нужно решить, каким способом я собираюсь выиграть наше пари. Только три дня, чтобы заполучить ее голой, мокрой и умоляющей меня... И это тоже на повестке дня. В первую очередь.

Я отбиваюсь от волны возбуждения, которая накрывает меня, и с улыбкой отвечаю на вопросы сотрудников.

Встреча закончилась. Как только мы перестали быть центром всеобщего внимания, Оливия тут же умчалась прочь, отказываясь разговаривать со мной и отвечать на стук в дверь ее кабинета. Вероятно, мой маленький экспромт разозлил ее больше, чем я думал.

Но почему? Мы встречаемся, не так ли? Проклятье... Если я собираюсь завоевать ее, то должен выяснить, что заставляет ее убегать. Я не гордый и от помощи не откажусь. А кто знает женщину лучше? Ее подруга!

Камрин работает в отделе маркетинга. Найти ее не составляет труда. Она сидит среди хаоса из бумаг и папок, все в жутком беспорядке, но я уверен, что спроси я ее об этом, она будет уверять меня, что знает, где что находится.

Она печатает, и когда я захожу, ее пальцы останавливаются. С подозрением она смотрит на меня.

— Чем я могу вам помочь?

Я чуть не смеюсь. Она так официальна. Они с Оливией из одного теста, теперь понятно.

почему они лучшие подруги.

— Мне нужно поговорить с тобой об Оливии, — говорю я, отчего Камрин хмурится.

Вряд ли она захочет помогать мне, но я решил выложить все карты на стол и посмотреть, сможет ли моя откровенность расположить ее.

— Ты же знаешь про брачный контракт, да? — заговорщически наклоняюсь я к ней.

— Да. И если вы здесь из-за этого, то я не стану помогать, убеждая ее. Оливия уже большая девочка, и у нее своя голова на плечах.

— Я здесь не для этого.

— Хорошо. Что вам нужно? Я точно не в «команде Ноя», вы же понимаете?

— И это нормально, потому что мы вдвоем в «команде Оливии».

Она откидывается на спинку кресла подальше от клавиатуры и грозно говорит:

— У вас пять минут.

— Почему Оливия настроена против? Не хочу показаться самоуверенным, но большинство женщин сбрасывают трусики при малейшем интересе с моей стороны.

— Оливия *не большинство* женщин.

— Я заметил.

— Кажется, у вас проблема, любовничек? — она меняет позу в своем кресле, глядя на меня с удивлением. Слишком долго наслаждается моим отчаянием. — Я никогда бы и не подумала, что у Ноя Тейта, легендарного бога секса, возникнет проблема с соблазнением женщин.

— Бог секса, да?

Она пожимает плечами.

— Так это правда или нет?

— Зависит от того, что ты имеешь в виду.

— Что у вас есть волшебный девятидюймовый член... со вкусом клубники?

Я хохочу, не обращая внимания на то, что мы в офисе, где люди находятся в пределах слышимости, а она обсуждает мой член, словно мы рассматриваем образцы ковров.

— Как ни печально мне это говорить, но хватит обо мне, давай сменим тему.

Она расправляет плечи.

— Правильно. Оливия.

— Скажи мне, что ей нравится. Хобби. Интересы. Вещи, которые она любит.

У Камрин занимает секунду, чтобы все обдумать.

— Всю себя она отдает работе, всю неделю, о чем, я уверена, вы знаете. Так что если намекаете на выходные, то она любит смотреть романтические комедии, она скрытый романтик. Покупает себе букет пионов на фермерском рынке каждую субботу.

— Это хорошо, — я достаю свой телефон и ввожу в заметках пионы. — Что еще? Любимый цвет? Еда? — я уже знаю, что она любит крепкий martini и красное вино, но чтобы очаровать Оливию потребуется гораздо больше, чем просто выпивка.

— Зеленый. Как деньги, — улыбается Камрин. Оливия всегда была сверхэнергичной. — И она любит тапас.

— Разве это не просто закуска на ужин?

— В основном, — говорит Камрин, пожимая плечами.

— Понял. Что-нибудь еще?

Она отводит взгляд на мгновение.

— Ну, есть одна вещь, но я не думаю, что вы захотите услышать это.

— Положись на меня.

— У нее есть альбом о свадьбе своей мечты. Она сделала его, когда была маленькой.

— Оливия? — мои глаза округляются. — Та самая Оливия Кейн, которая протестует выходить замуж, мечтает о большой свадьбе?

— Точно. Она всегда мечтала о большой красивой свадьбе. На самом деле под всей этой оболочкой железной леди она мягкая и ранимая. Она мечтает о тех отношениях и чувствах, что разделили ее родители. Идеальная свадьба. Идеальный муж.

Все это мгновенно поражает меня.

— А этот договор губит ее мечту.

— Ну, да.

Камрин, кажется, не замечает, какую бомбу сбросила на меня. Не имеет никакого значения, что я знаю любимый цвет Оливии или ее любимый ресторан. Она хочет того, что я никогда не смогу ей дать — настоящего «долго и счастливо».

Мое сердце немного сжимается. Неважно, насколько хорошо мы ладим, я не настолько глуп, чтобы мечтать, что смогу стать для нее родственной душой. Если... Я сглатываю, когда нервная дрожь пробегается по телу. Святой долбаный брак. Действительно ли я готов к этому?

— Еще один вопрос, — продолжаю я. — Почему она никогда не встречалась? — не считая того мудака с колледжа, с которым я видел Оливию.

— В основном? Она разборчивая стерва, — говорит Камрин с любящей улыбкой.

— Она ждет своего принца, который падет к ее ногам.

— Что-то вроде того.

— Спасибо, это было информативно.

— Удачи, — кричит Камрин, когда я направляюсь к своему кабинету, позволяя словам — *она нуждается в вас* — остаться невысказанными.

Блядь... Как же много еще предстоит сделать.

Оливия

Держась за руку Ноя, одетого в смокинг, я иду в «Клэр де Лун», пятизвездочный французский ресторан с видом на Ист-Ривер. Улитки, икра, белые скатерти, стодолларовые бутылки, короче говоря, все.

Хотя это событие является чисто деловой встречей, чтобы завоевать нового клиента, Ной принес мне букет пионов, когда пришел в офис, чтобы забрать меня. Он был вежлив и внимателен, и это почти заставило меня простить его за то, что взбесило на днях.

Кого я обманываю? Этот мужчина раздражает меня каждые пять минут.

Хостес ведет нас к бронированному нами столику, где мисс Эстель Осборн, директор по маркетингу «Обувь от Пэрриш» сорока с копейками лет, уже сидит с бокалом шампанского. Она выглядит аристократично в лавандово-сером шифоновом вечернем платье. Прозрачные рукава со вставками кружева серебристого цвета создают сексуальный, но в то же время изысканный образ. Я вдруг понимаю, что одета в непривлекательное, простое, черное платье до колен.

Я читала биографию мисс Осборн в интернете перед приходом на ужин. После завершения учебы в одном из университетов Лиги Плюща, она получила работу у гиганта моды «Люксор Бренд» и с тех пор поднималась по карьерной лестнице. Она заняла должность начальника в прошлом году, и до сих пор делает большие успехи.

Талантливая, успешная, красивая, с большим бизнес-инстинктом... Она именно та женщина, которой я стремлюсь стать. Из-за чего перспектива произвести впечатление на нее еще более раздражает.

— Она пришла раньше? Похоже, мы опоздали, — шиплю я Ною.

— Успокойся, Снежинка, — бормочет Ной, выдвигая для меня стул.

Ему легко говорить. Как же он всегда остается настолько спокойным? Я балансирую на грани волнения и тревоги. Привлечь нового клиента такого уровня было бы невероятной удачей. Если нам удастся очаровать эту женщину, контракт с ее компанией будет иметь большое значение для выкапывания нас из долговой ямы. «Тейт и Кейн» отчаянно нуждается в этом деловом ужине, и чтобы он прошел без сучка и задоринки.

После того, как все представляются и обмениваются рукопожатиями, мы с Ноем садимся. Официант появляется с картой вин и тремя меню. Я заказываю мясо по-бургундски и бокал прошлогоднего «Божоле-нуво». (*Примеч. (фр. Beaujolais nouveau — новое божоле) — сорт молодого французского вина, вырабатываемого из винограда сорта гаме в исторической области Франции Божоле (Бургундия).*)

Официант уходит, и я делаю глоток воды со льдом, чтобы промочить пересохшее горло. *Не волнуйся, ты сделаешь это.*

— Итак, как я говорила вам ранее по телефону, «Тейт и Кейн» в настоящее время осуществляет основательный план относительно...

— О, несомненно, бизнес может подождать до окончания основного блюда, — с улыбкой перебивает мисс Осборн, или Эстель, как она попросила, чтобы мы называли ее, и это говорит о том, что она явно привыкла действовать по своим правилам. — Как давно вы

вместе?

— Эээ...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Как, черт возьми, я объясню, что мы находимся в стадии юридического оформления брака по расчету? Мы только начали встречаться несколько дней назад, но в каком-то смысле, мы вроде... Помолвлены? Я, наверное, просто придумаю что-нибудь. И должна сделать это быстро, потому что слишком долго не отвечаю. Но также я хочу убедиться, что моя ложь не вернется, чтобы укусить нас за задницы позже.

— Столько, сколько знаем друг друга, — говорит Ной, плавно прикрывая неловкое молчание. — Наши отцы были близкими друзьями и деловыми партнерами, поэтому мы провели большую часть нашего детства вместе. Это было предначертано.

— Как мило, — улыбается Эстель, глядя на нас с любопытством.

— На самом деле, это напоминает мне историю, когда наши семьи проводили лето вместе...

О, Боже, начинается. Ной применяет одно из своих секретных оружий: милая история о том, как он когда-то спас щенка в заливе Шайнкок. Этот старый рассказ, дико украшенный за многие годы, гарантированно заставляет женщин подлизываться и срывать с себя трусики.

Я концентрируюсь на ароматной еде, которую только что принесли, и позволяю Ною продолжить свой рассказ на данный момент. Это, вероятно, достойная стратегия — позволить нашему потенциальному клиенту выпить пару бокалов напитка, прежде чем обсуждать дела.

Наконец, Ной заканчивает свою историю под ропот одобрения Эстель. Я начинаю прислушиваться к нему, когда он наклоняется немного к ней, словно собирается сказать что-то интимное. Но все, что он спрашивает, это:

— Скажите мне... Вас назвали в честь Эстель Кармен, голливудского дизайнера?

Эстель хихикает.

— Вы и я, мы оба знаем, что я слишком стара, чтобы это было правдой. Она была маленькой девочкой, когда я родилась. Но я ценю попытку лести.

— В самом деле? Я поклялся бы в обратном, — он улыбается ей улыбкой, сверкающей на тысячу ватт.

— Остановите его, — говорит она лукаво, что означает не верить ее словам. — Но я удивлена, что вы знаете это имя. Вы эксперт моды, мистер Тейт?

— Я всегда заинтересован в том, что носят красивые женщины... Или что снимают.

— Вы должны быть более осторожны с этим дерзким ртом, — говорит она, игриво его ругая.

Какого черта здесь происходит? Я вдруг стала невидимой для них?

Я поднимаю взгляд на нашего официанта, который убирает тарелки из-под основных блюд и уже второй раз спрашивает, будем ли мы десерт. Он выглядит почти таким же раздраженным, какой я себя чувствую, так что это и обнадеживает, и пугает.

По крайней мере, я знаю, что не просто схожу с ума, но я ненавижу такого Ноя, и ужимки Эстель весьма заметны. Любой, кто увидел бы, как они ведут себя, предположил бы, что это старые знакомые... Или, может быть, даже пара. Я странный человек. Мои спутники — это пустые бокалы и первые намеки надвигающейся головной боли.

— Извините, — говорю я официанту. — Да, пожалуйста, принесите нам десертное меню. И менюс коктейлями тоже. Спасибо, — *нужно выиграть время, чтобы направить*

этот ужин в нужное русло...

Серьезно, я не понимаю, что происходит. Мы с Ноем рассмотрели наш план и выстроили тактику в офисе буквально несколько часов назад — поговорить о цифрах, объяснить, почему Эстель стоит доверять рекламные кампании своей фирмы «Тейт и Кейн», и получить согласие, даже неформальное. Но он идет совершенно не по сценарию.

Они обсуждают широкий спектр тем: от любимого суши-бара (им нравится один и тот же), лучших отелей Вегаса, до прошлогоднего падения на фондовом рынке, которое «Обувь от Пэрриш» перенесла достаточно хорошо благодаря дальновидности Эстель, но ничего общего с обеспечением безопасности нашему бизнесу. Нет неопровержимых фактов, ни убедительных аргументов, ни признания гребаной причины, из-за которой мы пришли сюда.

До сих пор мне не удалось вымолвить ни одной фразы, касаемо коммерческой сферы, на подготовку которой я потратила три часа. Не говоря уже о том, что он флиртует с ней, и это вызывает у меня тошноту. Разве мы не должны вести себя как пара? Потому что Ной точно не играет эту роль.

Мы не можем уйти сейчас, пока не будем уверены в том, что «Пэрриш» с нами, а это значит, у меня впереди длинный проклятый путь. И первое, что мне нужно сделать, это поговорить со своим дорогим сладким парнем. Желательно в уединенном месте, где наш клиент не сможет услышать, как я отрываю ему яйца.

Я проверяю свой телефон, делая вид, что он звонит, затем со льстивой улыбкой прерываю их праздник любви:

— Дорогой, я могу украсть тебя на минутку? Отец только что написал мне важный вопрос.

Не дожидаясь ответа, отодвигаю свой стул и встаю, хватая Ноя за руку. Я тащу его на протяжении всего пути к задней части ресторана к дверям кухни. Официант, проходя мимо, смотрит на нас любопытным взглядом.

— Какого черта ты делаешь? — рычу я, пытаюсь говорить тише, несмотря на пылающую ярость.

Ной моргает от удивления. Затем самодовольная ухмылка появляется на его лице.

— Не говори, что ты ревнуешь меня, когда я уделяю внимание другой женщине. Это так мило. Не волнуйся, Снежинка. Ты единственная девушка, на которую я смотрю.

Я исправляю его с еле сдерживаемой яростью.

— Даже не пытайся флиртовать со мной, это тебе не поможет, ты, самодовольный осел. Мне наплевать, на кого ты смотришь. Я злюсь, потому что ты делаешь из наших отношений посмешище, и я не хочу стоять где-то на горизонте. Ты практически слизывал беарнский соус с ее пальцев! *(Примеч. Беарнский соус, Беарнез (фр. Sauce béarnaise) — французский яично-масляный соус. Готовится из растопленного сливочного масла, яичных желтков, лука-шалота, кервеля, эстрагона и белого винного уксуса).*

Другой официант проходит мимо. Это выглядит смешно. Я не виню его в этом, мы, должно быть, выглядим нелепо — пара светских людей, одетых с иголки, ругаются возле кухни.

Я сжимаю зубы. Я уже унижена и достаточно безумна, из-за чего чувствую себя еще хуже.

Ной издевается надо мной.

— Ой, да ладно. Это называется налаживание контактов. Смазка механизма. Она знает, что это ничего серьезного не значит. Я делал подобные вещи миллион раз.

Почему я не удивлена?

— Это не помогает чувствовать себя лучше. И наш официант, кажется, запутался в том, кто здесь пара — я и ты или ты и она.

— Да кому, черт возьми, интересно, что он думает? У нее есть деньги. Она та, ради кого мы здесь, чтобы произвести впечатление.

— Я прошу тебя поинтересоваться о том, что я думаю!

Он моргает.

— Что? Конечно, я...

— Нет, ты явно не знаешь, поэтому сейчас слушай внимательно.

Он разводит руками.

— Ладно, хорошо. Я слушаю. Просто объясни, в чем проблема.

Я глубоко вдыхаю через нос, пытаюсь успокоиться, и привести мысли в порядок.

— Позволь мне доходчиво разъяснить тебе. Именно ты раздул проблему, заставив наши отношения выглядеть настоящими. И сейчас ты ведешь себя, как кобель, каким всегда и был. Только теперь я здесь, чтобы исправить твою ошибку, и твое поведение неприемлемо. Ты *позоришь* меня.

Он широко открывает глаза.

— Я никогда не имел в виду...

— Это не важно! Твои намерения не изменяют результат. Возможно, тебе даже и не приходило в голову, что мне может это не нравиться. Но я стою сейчас здесь и говорю, что чувствую. Так что, пожалуйста, заканчивай.

Он прикрывает рот рукой, резко опускает ее вниз и издает громкий, затравленный вздох.

— Я... Не смотрел на это с такой стороны. Просто пытался расположить клиента. Как я всегда делаю.

Вау, он действительно выглядит озадаченным.

Несколько потрясенная, я позволяю голосу смягчиться.

— Ну, если я действительно присутствую в твоей жизни, то этого больше не должно происходить.

— В моей жизни? — он рассматривает меня с таким выражением на лице, которое я не могу понять. — Выходит, это взаимно, я полагаю. Я нахожусь в твоей жизни также?

— Кажется, — вздыхаю я. — Мы застряли вместе на долгое время.

Теперь я могу понять выражение на его лице — первые вспышки той знакомой греховной улыбки. Он протягивает руку, и сначала я думаю, что он коснется моего подбородка. Но потом он просто ведет пальцем по моей шее, по открытому участку кожи, вниз до плеча. Я не могу сдержать дрожь.

— Прозвучало так, словно это тюремный срок, — дразнит он.

Я улыбаюсь. Лишь немного улыбка касается моих губ.

Он наклоняется еще ближе и спрашивает:

— Ты уверена, что не ревнуешь?

Два бокала вина, выпитые мною, ослабили чувство самосохранения. Легкое опьянение — мое оправдание, почему вместо того, чтобы сказать ему заткнуться, я произношу:

— Возможно, чуть-чуть, — затем прихожу в чувство и добавляю, — но это не изменит моего начального плана.

Он приподнимает бровь, но ничего не говорит.

К щекам приливает тепло, когда он касается меня. Зачем этот придурок спрашивал, если просто собирался стоять и смотреть?

— Что? — я снова начинаю смущаться, но ощущаю щекотливый, почти возбужденный поворот в животе, а не осадок и болезненные стягивания. И оборонительный тон моего голоса только усиливает чувство.

— Ничего. Я просто немного удивлен, вот и все.

Я закрываю глаза, пытаюсь перестать пялиться на него.

— Да ладно, не скромничай. Ты знаешь, как действуешь на женщин.

Его улыбка перерастает в призывную ухмылку.

— Может, расскажешь как?

— Нет. Я отказываюсь играть роль экскурсовода лишь бы потешить твое эго.

— Если хочешь, могу начать первым, — прежде чем я успеваю его остановить, Ной начинает перечислять мои достоинства. — Ты самый умный, самый трудолюбивый человек, которого я встречал. Я заметил, что ты чертовски сексуальна за работой — ты в своей стихии, уравновешенная и уверенная в себе, а красивые голубые глаза сверкают, когда ты готова растерзать какого-нибудь беднягу на части. Не удивлюсь, если ты также неистова, неутомима и изобретательна в постели. Ты не умеешь скрывать свои чувства... Интересно, твое тело тоже? Или будешь стараться казаться неприступной? Поверь, я готов к вызову.

От его слов у меня перехватывает дыхание. Какого черта только что произошло? И почему покалывает в том месте, где мне сейчас меньше всего этого хочется?

Полу-хвастливые, полу-пошлые разговоры поражают в слабое место, о существовании которого я даже и не подозревала. Или, может, это все из-за Ноя, который говорит такие сладкие, непристойные вещи, так страстно смотря на меня. Его хриплый голос успокаивает и согревает, и я вдруг чувствую себя такой беззащитной. Безоружной. Но не в плохом смысле, не как «беззащитная-на-важной-встрече», потому что знаю, Ной никогда не навредит мне. Он никогда не воспользуется моей уязвимостью.

Или, может, воспользуется, но только в моих фантазиях.

Ной берет меня за руки, поворачивает ладони вверх, большими пальцами поглаживая легкими круговыми движениями мягкую тонкую кожу запястий. Когда я не могу подавить дрожь, что бежит по мне, он скалится, как волк. О, он заметил мою реакцию. Он точно знает, что делает, и я одновременно и ненавижу, и люблю это.

— И я сделаю все, чтобы прикоснуться к этому удивительному телу, — продолжает он беспощадно. — Я никогда не видел женщину прекрасней. Мне хочется коснуться каждого сантиметра твоего тела, упругой попки и сочной груди, а ноги просто обернуть вокруг талии. Вчера мне было недостаточно одних поцелуев. Я хочу видеть твое лицо, когда войду в тебя. Видеть, как ты теряешь контроль, отключаешь мозг и просто отдаешься чувствам.

— Т-ты играешь не по правилам, — наконец, говорю я, заикаясь.

— Эй, ты не это должна говорить. Compliments, а не оскорбления. Поверь, мне известно все, что ты думаешь о моих отрицательных качествах.

— Ммм... — я сплываю. — Ты профессионал, но по-своему. Умеешь словами расположить людей к себе, ничего не понимая в цифрах и стратегиях.

— Так вот почему ты краснеешь?

В некотором смысле, да. Но его подбородок, полные губы и пронзительные темные глаза — вот, что делает его слова по-настоящему опьяняющими. И тот факт, что он до сих пор не отпустил мою руку.

— Ты берешь на себя слишком много, и иногда я это ненавижу, но иногда... Приятно сделать перерыв.

Его улыбка превращается в озорную.

— О? Я обязательно это запомню. Что-нибудь еще?

Я отступаю на безопасное расстояние. И произношу довольно резко слова, которые позже смогу выдать за *обыкновенную шутку*:

— Ты просто пытаешься заставить меня признать, что у тебя классная задница?

Но когда его единственным ответом становится лишь порочный смех, я осознаю свою ошибку. Он не повелся — *почему я думала иначе?* — и теперь я сама загнала себя в угол. В прямом и переносном смысле. Пока я говорила, Ной медленно наклонялся ближе, постепенно, пока я не почувствовала его дыхание на своей коже.

Внезапно остро осознавая, как между нами накалилась атмосфера, я отступила назад.

— Не должны ли мы вернуться? Невежливо заставлять мисс Осборн ждать.

Ной так настойчиво смотрит на меня, что я не в силах отвести взгляда.

— Единственная женщина, которую мне интересно сейчас развлекать — это ты.

Нужно уйти, но так хочется остаться, и я понимаю, что мои трусики промокли насквозь. Все, что я никогда не позволяла себе раньше чувствовать или думать о Ное, вырывается наружу. Тело не волнует, что он незрелый придурок. Я ненавижу, что мое либидо полностью взяло контроль надо мной. Ненавижу, что всегда была так влюблена в Ноя. *Судьба, должно быть, повернувшись ко мне задницей, смеется прямо сейчас.*

Ной наклоняется еще ближе, останавливаясь лишь в миллиметре от соприкосновения. Я почти ощущаю прикосновение его губ к моим, и мой желудок сжимается от желания.

— Все еще на первой базе? — шепчет он напротив моей кожи. — Или хочешь большего?

Я не отвечаю. Я даже не уверена, что могу говорить. Просто облизываю губы.

Это крошечное движение словно дает сигнал к действию. Ной бросается вперед, жадно впиваясь в мои губы. Ноги слабеют от такого натиска. Он обнимает меня сильными руками, касаясь пальцами всего, до чего только может добраться, лаская каждый миллиметр обнаженной кожи. Я чувствую вспышку разочарования от того, что мое платье такое скромное; я желаю ощутить его прикосновения на всем своем теле.

Он рывком соединяет наши бедра вместе, и я чувствую, как его эрекция прижимается к моему животу. Какое-то дикое чувство пронзает меня изнутри, я жажду получить удовлетворение. Эта твердость — для меня. Не для Эстель, не для других девушек из прошлых завоеваний. Я — та единственная, кто заставляет его чувствовать это прямо сейчас. Такая мощная, необузданная необходимость направлена прямо на меня и только на меня.

Он весь мой. Эти непрощенные мысли где-то глубоко внутри пробуждают во мне животные инстинкты, о которых я раньше и не подозревала.

Сгорая от желания, я провожу рукой по выпуклости на его брюках, желая самоутвердиться и показать свою сексуальную силу. Но это оказывается большой ошибкой. Именно *большой*. Я возбуждаюсь еще больше, чувствуя, насколько он впечатляющий и твердый, словно сталь. Я стону и сжимаю его в своей ладони.

— Если ты не прекратишь, у нас возникнут проблемы, — рычит Ной.

Я хихикаю, чувствуя себя почти опьяненной от похоти.

— Уверен, что это *наша* проблема, а не только твоя?

Он резко отстраняется, вырывая невольный стон разочарования из моего горла. Но

страсть снова завладевает мной, когда он берет мою руку и тащит в сторону туалета. Он тянет меня внутрь и запирает дверь. Я бросаю свою сумочку в угол, когда он прижимает меня к стене.

Наши рты снова сплетаются друг с другом, губы и язык двигаются так, словно были созданы лишь для этого. Наша страсть разгорается еще сильнее в тот момент, когда пальцами он начинает возиться с платьем на моей спине. Он находит молнию, наполовину расстегивает ее, затем оставляет, чтобы спустить рукава вниз по моим плечам, придерживая их.

Я вскрикиваю от изумления, затем быстро закрываю рот ладонью, когда он немного приседает, чтобы обвести языком сосок, с силой сжимая в это время другой.

— Сегодня без лифчика? — бормочет он в перерывах между нежными покусываниями и поцелуями. — Непослушная девочка.

Я хочу объяснить, что под это платье не требуется бюстгальтер. Хочу сказать, чтобы он заткнулся и трахнул меня. Но все, что я могу делать, это трепетать от искр, стремящихся из моей груди прямо к клитору.

— Боже, они прекрасны, — говорит он со стоном, взяв сосок в рот.

Я в отчаянии, могу лишь смотреть, как он целует мою грудь, отчего издаю беспомощный стон.

— И так чувствительны, — он переходит к другому соску, даря ему влажный поцелуй, который завершается громким всасывающим звуком. Он поднимает вверх подол платья и пробегается пальцами по центру трусиков. — Как я и думал, — бормочет он. — Манящая и влажная.

Я открываю рот, чтобы возразить, но Ной выбирает именно этот момент, чтобы снова поцеловать меня.

Затем он отодвигает в сторону мои трусики и пальцами касается разгоряченной плоти. Никаких поглаживаний, дурачеств, поддразниваний — он точно знает, что я на пределе. Одним длинным пальцем он раскрывает меня, ласкает, потирая опухший клитор с нужным давлением. Я издаю какой-то невразумительный стон. Язык Ноя продолжает кружить напротив моего. Затем двумя ловкими пальцами он скользит глубоко в меня, лаская большим пальцем мой чувствительный, опухший клитор. Тепло разливается из самого моего центра, и я вскрикиваю от облегчения. *Да...*

Ной собственнически удовлетворенно рычит:

— Вот, что я хотел услышать, детка. Эта киска теперь моя, и мы оба это знаем. Я собираюсь хорошенько позаботиться о своей *жене*...

Его развратные словечки одновременно бесят меня и разжигают в теле пламя. Я не знаю, что чувствовать. Не могу мыслить. Я просто держусь за Ноя, пытаюсь устоять на ногах, в то время как раскаленное добела удовольствие стягивает внутренности все туже и туже. Я прикусываю губу в попытке заглушить стоны.

— Черт... Ной... — стону я, двигая бедрами напротив его руки. Еще чуть-чуть. Всего несколько секунд...

А затем я слышу, как кто-то стучит в дверь.

Мы вдвоем застываем на месте: я обнаженная по пояс держусь за плечи Ноя, Ной с рукой под подолом моего платья. Абсурдность данной картины поражает меня. Я бы посмеялась, если бы не была в таком ужасе, балансируя на краю умопомрачительного оргазма. От страха быть пойманной стынет в жилах кровь, но я до сих пор вся горю.

— Если двинешь пальцами — убью, — лихорадочно шепчу я Ной. Я не в состоянии пережить этот оргазм молча. Последние долгие шесть месяцев прошли в напряженной работе. Поэтому этого я хочу больше, чем следующего вдоха.

— Эй? Здесь есть кто-нибудь?

О, Боже. Это Эстель. Наш клиент стоит меньше чем в метре от нас, а рука моего глупого сексуального бойфренда *по-прежнему находится в моих трусиках*.

— Здесь Ной и Оливия, — говорит Ной небрежным тоном. — Мы обсуждали кое-какие важные проблемы.

— В туалете? — спрашивает она с явным скептицизмом.

Она подозревает нас или просто в недоумении? Черт возьми, я просто выброшусь прямо сейчас в окно.

— Семейные дела, вы же понимаете. Мы будем через минуту.

После паузы, от которой сердце перестало биться, я, наконец, слышу ее отдаляющиеся шаги.

— Прекрати лапать меня, — шикаю я.

Ной смотрит на меня «эй, это не честно» взглядом.

— Ты сказала не двигать своими...

— Ты знаешь, что я имела в виду, умник! А теперь убирайся из моих трусов!

Посмеиваясь, он отходит от меня.

— Кажется, впервые женщина просит меня об этом.

— Если хочешь услышать кое-что похуже, я могу это устроить. Теперь помоги мне застегнуть молнию.

После того, как Ной помогает мне с платьем, я смотрю на себя в зеркало над раковиной. Иисус, я выгляжу так, будто пережила крушение поезда. Помада размазана, волосы растрепаны. Мой внешний вид практически кричит: *я только что трахнула парня в туалете!* С одной большой поправкой... Это был публичный унижительный секс без пункта «достигла оргазма».

Я поднимаю сумку из угла, поправляю руками волосы, а затем смываю помаду с губ. Наносю свежий слой губной помады, я замечаю, что Ной даже не сдвинулся с места. Он поправил галстук и застегнул пиджак, а сейчас просто терпеливо ждет меня.

Он может, по крайней мере, быть более порядочным, и стыдиться, что вовлек меня в этот кошмар...

— Не хочешь вымыть руки? — шикаю я на него. Одна из его рук находилась сами знаете где, в конце концов.

С коварной усмешкой он поднимает руку к носу и демонстративно вдыхает мой запах, отчего мое лицо становится ярко-красным.

— Ни в коем случае, — говорит он.

Я отвожу от него голодный взгляд.

— Как хочешь. Позволь вернуться к столу и надеяться, что мы не провалили эту сделку.

— Ах, милая...

Я оглядываюсь на него.

— Что?

Он медленно глубоко вдыхает через нос.

— Если я вернусь туда, то буду арестован за непристойность.

Я слежу за его взглядом, который падает на переднюю часть его брюк.

Святой ад. Похоже, он провозит контрабандой ананас в своем нижнем белье.

— Возьми эту штуку под контроль.

Он зажмуривает глаза и снова вздыхает. Открыв их, он выглядит немного спокойней.

— Пошли.

Когда мы выходим из туалета, я пытаюсь взять себя в руки. При виде Эстель я снова переключаюсь в привычный рабочий режим.

Конечно, Ной может быть несправедливо привлекательным — теперь я знаю, что он слишком хорошо владеет руками и отлично целуется, но мне все равно нужно быть начеку. Он высокомерный, самоуверенный, молодой плейбой, который не воспринимает дело достаточно серьезно.

«Так, думай головой, Оливия», — напоминаю я себе.

Но боль от неудовлетворенности между бедрами практически невозможно вынести. Этот ужин наверняка можно назвать самым долгим вечером в моей жизни.

Ной

— Что ж, все прошло отлично, — говорю я, выезжая на своем сверкающем черном «Тесла» из гаража. Затем слегка нажимаю на педаль газа, и мы летим вниз по улице.

Я словно стал выше ростом, таким самодовольным я еще никогда себя не чувствовал, и это чистая правда. Даже то, что мой член так чертовски ломит от возбуждения, не портит моего настроения.

Оливия бросает на меня вопросительный взгляд, и я понимаю, она задается вопросом, что я под этим имел в виду — деловую встречу с новым клиентом, которого мы, по-видимому, заполучили, или мою любимую часть, когда я почти взял ее в туалете. Мое тело все еще на взводе и готово доставить удовольствие.

— Не могу поверить, что ты не помыл руки, — огрызается она.

— Я больше никогда не буду мыть эту руку, — улыбаюсь я и делаю неприличный жест пальцами.

Она отворачивается в раздражении и остаток пути в молчании смотрит в окно.

Приехав, мы обнаруживаем, что в пентхаусе темно и тихо, и я чувствую, как мои гормоны все еще бушуют. Оливия кладет свою сумочку и мобильный телефон на столик, затем поворачивается ко мне спиной.

— Расстегнешь?

Я тяну молнию вниз по спине, касаясь пальцами ее кожи, оценивая две ямочки на поясице и кружевные стринги.

Пытка. Это чистая пытка.

Пользуясь шансом, я наклоняюсь вперед и оставляю мягкий поцелуй на ее шее.

— Мы могли бы закончить то, что начали в ресторане.

У нее учащается дыхание, и я почти чувствую запах ее возбуждения. Знаю, ее трусики все еще мокрые. От мысли, что снова прикоснусь к ней, у меня сносит крышу.

— Думаю, это не самая хорошая идея. Мы должны сохранять исключительно деловые отношения. Нужно сосредоточиться на бизнесе, не думаешь?

Но ее голос звучит немного неуверенно, и это все, что мне нужно. Он словно шепчет, что это только вопрос времени, пока я не получу то, что хочу. А все, чего я хочу — это ее узкое влагалище, насаженное на мой член, куда бы я проникал несколько часов. Или дней.

— Ты была так близка. Я чувствовал, как твоя киска сжимала мои пальцы, как опухший маленький клитор пульсировал с каждым ударом сердца. Ты почти кончила, — шепчу я.

От моего дыхания по ее шее бегут мурашки. Я знаю язык женского тела, знаю, как прочесть все знаки и сигналы, и в Оливии сейчас все кричит, что она должна быть оттрахана. Ее просто необходимо раздеть, уложить на постель и поклоняться, словно богине.

— Ной... — почти стонет она, и мой член мгновенно твердеет.

— Тебе известно что-нибудь о развлечениях, Снежинка? Нельзя все время думать о работе. Иногда нужно выпускать пар.

— Всему свое время, — она выпрямляется. — И сейчас именно тот момент, когда нужно взяться за ум и сосредоточиться на бизнесе, а не лапать друг друга. Уверена, тебе это

понятие чуждо, но...

— Поверь, я говорю серьезно о «Тейт и Кейн». Днем можно заниматься бизнесом. После — развлекаться. И, если ты не заметила... — я скольжу пальцем вниз по ее спине, задерживаясь на резинке трусиков. — На улице темно. А мы — двое взрослых людей.

— Двое? Попробуй снова посчитать.

Ледяная принцесса уходит от меня, направляясь в спальню, и я в последний раз успеваю бросить взгляд на ее открытую спину и бедра, прежде чем она закрывает дверь. Могу лишь представить, как платье скользит вниз по ее длинным ногам, как сминается ткань вокруг каблуков, могу представить упругую попку, прикрытую лишь клочком кружева...

Боже. Черт возьми. Проклятье.

Я провожу пальцами по волосам, разочаровано вздыхая. Около секунды я не могу понять, почему расстроен: то ли потому, что возбужден и меня безумно влечет к ней, то ли потому, что она делает невозможной мою победу в нашем пари.

Нет. Черт. Это просто потому, что я хочу ее. Хочу взять за руки и понять, действительно ли у нас получится это. Она чертовски упряма. И ее тайная мечта о романтической свадьбе — я не первый в списке возможных женихов, но хочу стать больше, чем другом. Я просто должен найти способ справиться с этим, чтобы все были счастливы.

Я иду в ванную и закрываю за собой дверь. Но не запираю ее: все же, есть крошечный шанс, что Оливия передумает. Я расстегиваю ремень и стягиваю брюки вниз, чтобы высвободить пульсирующий член. Затем наливаю ее душистый лосьон в ладонь и начинаю поглаживать себя.

Ее легкий женственный аромат опьяняет меня, и я чувствую покалывание вдоль позвоночника, а значит, это не займет много времени. Второй раз за неделю я пытаюсь довести себя до оргазма, желая, чтобы вместо моей руки оказались ее маленькие нежные ручки.

Воспоминания о сегодняшнем вечере в туалете ресторана вспыхивают в моем сознании, словно эротический сон. Боже, она была готова всего лишь после нескольких минут поддразниваний и поцелуев. Ее розовые соски затвердели, превратившись в маленькие бутоны, и, когда я посасывал и облизывал их, то чувствовал, как они упирались мне в язык. Она была такой сладкой, и так мило стонала и хныкала, я никогда не слышал ничего подобного.

А потом, когда я залез пальцами в ее трусики, то подумал, она велит мне остановиться, но она промолчала. Вместо этого, напротив, расставила свои ножки на каблуках шире. Я заметил, что откликался на каждое малейшее движение с ее стороны. Она *хотела*, чтобы я прикоснулся к ней. Жаждала этого так же сильно, как и я. Такая теплая, влажная, словно сладкое шелковистое совершенство. И когда я скользнул двумя пальцами внутрь, то чуть не кончил. Ее киска была такой узкой, она сжала мои пальцы, умоляя трахнуть ее.

Я содрогаюсь от нахлынувших воспоминаний. Она так совершенна. Красива. Умна. Сексуальна. Полный комплект.

Несколько быстрых движений рукой, и я со стоном достигаю кульминации.

— Ты уверен в этом? — спрашивает Оливия.

Ее взгляд блуждает по паре десятков завсегдатаев вечеринок, рассредоточенных по всей лужайке у дома Роситы. Люди смеются и болтают в небольших группах, зажигательная мексиканская музыка доносится из проигрывателя, стоящего на террасе. Забор отделяет двор от автосервиса за ее домом. Одинокое дерево возвышается в центре двора с висящей на ветке праздничной пиньей. *(Прим. Пинья — мексиканская игрушка крупных размеров, изготовленная из папье-маше или легкой оберточной бумаги с орнаментом и украшениями. Своей формой воспроизводит фигуры животных или геометрические фигуры, которые наполняются различными угощениями или сюрпризами для детей).*

— Конечно. Будет здорово. Пойдем, — я тяну ее в сторону Роситы и именинницы, Марии.

Я опускаюсь на одно колено перед Марией.

— Вау! Тебе сегодня исполняется тридцать шесть, да?

Она качает головой, ее заплетенные косички подпрыгивают в такт движениям.

— Нет. Мне семь лет! — с гордостью произносит она.

— Ах, семь. Ну, с днем рождения! — подмигиваю я, отчего она брезгливо морщит носик. Она наверняка все еще в том возрасте, когда мальчики кажутся непривлекательными. — На тебе сегодня очень красивое платье.

Она смотрит вниз на свое ярко-розовое платье с аппликацией мандарина.

— Спасибо. Мне его мама сшила, — она улыбается, глядя на Роситу.

Я поднимаюсь на ноги и обнимаю Роситу.

— Все выглядит замечательно. Спасибо за приглашение.

— Конечно, *mi amor* (исп. любовь моя). Спасибо, что пришли, — говорит она, обращаясь ко мне и Оливии. Час езды до Джерси, но это того стоило.

— Конечно, — отвечает Оливия, немного улыбаясь. Она явно не в своей тарелке, но старается изо всех сил этого не показать.

— Пожалуйста, чувствуйте себя как дома. Здесь много еды, а напитки в доме.

Я оглядываюсь на столик для пикника, который так плотно заставлен едой, что не видно ни сантиметра свободного места. Блинчики с мясом, жаркое, курица с рисом, море блюд, которые мне совершенно не знакомы, но которые я с удовольствием попробую, а в центре стоит красивый торт.

— Этого достаточно, чтобы прокормить целую армию, — усмехаюсь я.

— У моей семьи большие аппетиты, — улыбается Росита, глядя на меня.

Я вручаю ей подарок. Несколько книг на испанском для Марии. Я знаю, как важно для Роситы поддерживать в семье культуру, чтобы ее дети свободно общались на двух языках. Раньше мы разговаривали с ней об этом, и я считаю, это очень разумно. У человека, который знает два языка, будет преимущество в деловом мире в будущем.

— О, ты не должен был приносить подарок. Достаточно и того, что ты здесь.

Я качаю головой.

— Конечно, я принес подарок. Какой день рождения обходится без огромной кучи подарков?

Улыбка Роситы слегка угасает.

— Сейчас немного туговато с деньгами. В этом году я сама сделала Марии подарки.

Черт. Я хотел пошутить, а не обратить внимание на небольшое количество подарков.

— Все хорошо?

Росита кивает.

— При всей неопределенности на работе я пытаюсь растянуть наш бюджет и что-то отложить. На всякий случай.

Ее взгляд падает то на Оливию, то на меня, словно она ищет ответы. У нее шестеро детей, и я знаю, с ее бюджетом с самого начала нельзя было рассчитывать на многое.

Я беру руки Роситы в свои и слегка сжимаю.

— Все будет хорошо, обещаю. Я позабочусь об этом.

Оливия нерешительно мнется рядом со мной. Несмотря на сексуальное напряжение, витающее между нами, у нас еще много работы. И это никогда не было более очевидно, чем сейчас.

— Хватит об этом, — говорит Росита, натягивая на лицо улыбку. — Вы двое, идите веселиться, — она покидает нас, направляясь в сторону своего кузена, которого я встретил в прошлом году на Рождественской вечеринке.

— Ты голодна? — спрашиваю я Оливию. Еда пахнет невероятно, ведь Росита удивительный повар. Я собираюсь попробовать каждое блюдо, стоящее на столе. Может, даже дважды.

Она кивает.

— На самом деле голодна, но я не уверена, — она хмурится, когда смотрит на красочные тарелки с аппетитной едой.

— Что-то не так?

Она оглядывается вокруг.

— Просто ищу нож с вилкой.

Я догадываюсь, что она опасается испачкать свою дорогую блузку.

— Пойдем, я тебе помогу. Когда впервые приехал сюда и откусил кусочек буррито, я забрызгал его содержимым все, что только можно. Это выглядело так, будто ребенок сходил по большому и запачкал всю мою рубашку от Армани. Мы смеялись не переставая.

Она смотрит на меня скептически.

— Росита научила меня, как правильно складывать буррито. Здесь есть одна хитрость. Я покажу тебе.

Она кивает и следует за мной к столу.

Мы наполняем наши тарелки ассорти из маринованного и жареного лука, риса, бобов и лепешек. Через несколько секунд мы возвращаемся с нашими любимыми блюдами. Оливия поражает меня здоровым аппетитом и предприимчивым духом.

После обеда мы вливаемся в толпу и беседуем с семьей и друзьями Роситы. Хоть Оливия и уверяет, что наслаждается вечеринкой — и я ей верю — она весь день не отходит от меня, нервно улыбаясь окружающим и пытаясь вежливо разговаривать с ними. Из всех удивительных качеств, которыми она наделена, нельзя сказать, что она общительная.

Кажется, Оливия чувствует себя неуместно в сандалиях за шестьсот долларов, шелковой блузке и с часами, украшенными бриллиантами. Не понимаю, почему она не выбрала что-то менее формальное. Или это самый повседневный наряд в ее гардеробе? Может, она просто неспособна надеть что-то менее парадное — Оливия всегда ухожена с ног до головы, настоящее воплощение утонченной красоты. Я, конечно, не могу на это жаловаться.

Мы с ней выросли без случайных вечеринок на заднем дворе с одноразовыми тарелками и банками пива «Сауза». Такая жизнь, безусловно, имеет свои преимущества, но, выбирая

между тем, что лучше: выпивать в одиночестве самый дорогой виски или дешевое пиво на фоне дружного хохота — я всегда выберу теплую семейную обстановку.

Позже, когда все начинают танцевать, я веду Оливию в сторону дома.

— Сейчас нам нужна «Свободная Куба», — я захожу в дом, придерживая Оливию одной рукой за талию, чтобы дать ей понять, что не брошу ее на произвол судьбы. (*Прим. Свободная Куба — коктейль на основе рома и Кока-Колы*).

— Разве это не обычный ром с колой? — спрашивает она скептически.

— Да, но это мексиканская кола с настоящим сахаром, а не фальшивое дерьмо с кукурузным сиропом, и ром... Черт, подожди, пока не попробуешь это.

Я наполняю два стакана со льдом, а затем разливаю из большого кувшина уже размешанные Роситой ром и Кока-Колу.

— Ммм, — стонет Оливия, когда пробует первый глоток шипучего напитка.

— Аплодисменты, — я смотрю на нее сверху вниз и касаюсь краем своего стакана ее.

— Кому? — спрашивает она.

— Нам, — отвечаю я, смотря ей в глаза.

— Ной... — она прикусывает нижнюю губу. — Ты же знаешь, что это может не сработать, да? — ее тон мрачен.

— Черт возьми, этого не будет. На самом деле мы действительно должны обручиться.

Возможно, я говорю это лишь потому, что чувствую себя веселым и слегка опьяненным, но продолжаю стоять на своем, мой взгляд все еще устремлен на нее. Я спрашиваю себя, о каком предложении пойдет речь — о деловой встрече, где мы обсудим условия, или о романтическом предложении, где я встану на одно колено и пообещаю сделать для нее все самое лучшее, что смогу.

Оливия опускает взгляд на пол.

— Я просто еще не готова к этому.

— Понимаю... Но ты могла бы попробовать, — я наклоняюсь еще ближе, возвышаясь над ней, позволяя ощутить тепло своего тела.

— Попробовать?

— Да, *попробуй*.

— И как ты себе это представляешь? — она изо всех сил старается казаться уверенной, но голос ее выдает.

Почувствовав себя смелее, я усмехаюсь.

— Ты отстранилась вчера вечером. Можешь поцеловать меня, прикоснуться ко мне, открыться мне, любить меня.

— Что, прямо здесь? — ее голос повышается, и брови взлетают вверх.

— Я рассчитываю на поцелуй.

— Я делала это раньше, или ты забыл?

— Забыл? Снежинка, я регулярно дрочу, вспоминая об этом.

К ее щекам приливает краска.

— Ты не мог бы быть серьезнее?

— Я серьезен. Тебе станет не по себе, если я скажу, что ночью, в темноте, я пытаюсь достигнуть разрядки, вспоминая твое нахальное поведение, острый язычок и великолепную грудь?

Ее рот распахивается, а щеки вспыхивают ярко-красным.

Я приближаюсь к ней.

— Всего один поцелуй. Черт, ты можешь даже закончить сегодняшний день на веселой ноте, — дразню я ее, уверенный в том, что, хотя она и казалась напряженной и неловкой, когда мы приехали, в целом приятно провела время. Ей просто требуется немного времени, чтобы почувствовать себя как дома.

Положив одну руку на талию, я притягиваю ее ближе к себе.

Ее дыхание становится прерывистым, то ли от удивления, то ли потому, что она ждет поцелуя, я не уверен.

Я опускаю свой рот к ее губам, чувствуя тепло ее дыхания, мой член начинает набухать, когда громкий вопль пронзает тишину.

— Пчела. Жало осталось в ранке, — поясняет Росита, неся кричащую именинницу через кухню.

Отступив от Оливии, я освобождаю место на столе.

— Посади ее сюда.

У Марии льются слезы, из груди вырываются тихие рыдания.

— Шшш. Сейчас я кое-что сделаю, и ты будешь как новенькая, принцесса, — говорю я Марии.

Оливия и Росита собирают все необходимое для оказания первой медицинской помощи, пока я отвлекаю Марию историей о том, как угодил в улей. С сосредоточенным взглядом Оливия безмолвно наблюдает за моими действиями, и я не могу не думать о том, позволила бы она мне поцеловать себя или нет.

Привезти ее сегодня сюда не было ошибкой. Само собой разумеется, что такие люди как Росита и эта маленькая девочка — одна из главных причин, почему мы с Оливией должны пойти на это.

Мы должны.

Оливия

Боже, наблюдать за общением Ноя с Роситой и уж тем более с маленькой Марией? Это слишком для меня.

Нужно держать себя в руках. Потому что в противном случае я с легкостью могу представить, как теряю голову от этого мужчины.

Ной

Оливия — организованный человек, всегда хорошо одета в шитые на заказ юбки и блузки, ухоженная с головы до ног. Поэтому у меня появилось навязчивое желание помять ее всю и запачкать. Я делаю вид, будто не замечаю ее в этой деловой одежде, но, конечно, она волнует меня. Ведь я всего лишь мужчина. Мужчина, который, видимо, принял обет безбрачия с начала наших *лже свиданий* или как там они называются.

Боже, что мы делаем? В любой обычный пятничный вечер я бы ухлестывал за каждой юбкой вместе со Стерлингом. Вместо этого сижу дома в спортивных штанах с пивом и планшетом, занимаясь тем, чем никогда бы не стал заниматься раньше — составлением родословной своей семьи и просмотром случайных новостей по CNN. Это приятно расслабляет.

Но постоянное присутствие Оливии здесь, в моем личном пространстве, в *нашем* общем пространстве, становится невыносимым. Как, например, сейчас, когда она сидит в столовой на стуле, поджав под себя ноги, в очках с черной оправой на своем тоненьком носике и смотрит в ноутбук.

Это чертовски очаровательно. Она всегда носит контактные линзы, и мне редко доводится видеть ее такой. Приятно осознавать, что она чувствует себя достаточно комфортно, чтобы позволить себе расслабиться рядом со мной.

К тому же она надела хенли с маленькими пуговками на груди, которая привлекательно облегает ее изгибы. (*Примеч.* Хенли — футболка с пуговичной планкой спереди). Главное не смотреть на эти маленькие пуговицы. От одной мысли о них я хочу расстегнуть каждую и проложить путь от одного упругого холмика к другому.

— Что мы будем на ужин, Снежинка? — кричу я в сторону столовой, где она увлеченно печатает что-то на своем ноутбуке.

— Ммм? — спрашивает она, переводя взгляд сначала на меня, а затем снова на монитор.

— Уже семь, — говорю я ей.

— Ох, что ж, не думаю, что ты должен оставаться дома и угождать мне. Можешь сходить куда-нибудь.

Она прикусывает губу, говоря это, хотя что-то мне подсказывает, что она будет не в духе, если я пойду куда-нибудь без нее. Черт, я бы чувствовал то же самое. Словно мы заключили некий негласный договор, по которому должны упорно работать всю неделю, а теперь вместе отдыхать.

— Я в пижаме. Поэтому никуда не пойду, — усмехаюсь я, глядя на нее.

— Точно, — Оливия бросает на меня лукавый взгляд. — Тогда, может... закажем пиццу?

Она всегда ест полноценную и здоровую пищу, как, впрочем, и я, если на то пошло, но мне нравится, что она не прочь насладиться чем-то менее полезным.

— Хм, не знаю, — я потираю подбородок. — Похоже, это настоящее испытание для брака — может, мы выберем пиццу с одной и той же начинкой.

— Хорошо, — она приближается ко мне. — Выбирай.

Я качаю головой.

— Давай вместе.

Наши взгляды встречаются, и она открывает рот:

— Ар... — начинает она.

— Артишок, — говорю я.

Она улыбается мне.

— В точку.

— Может, с колбасой?

Она усмехается.

— Конечно. Почему нет? Разнообразие — это изюминка жизни.

Возможно, в браке на разных этапах совместной жизни приходится сталкиваться с разногласиями, но нужно стараться идти на компромисс.

Когда доставляют пиццу, я отрываю Оливию от ноутбука, размахивая перед ней коробкой и двумя бутылками холодного пива.

— Боже, это великолепно, — говорит она, спустя несколько мгновений, издавая стоны, когда откусывает кусочек пиццы.

Я согласно киваю. Кто знал? Артишок не так уж и плох.

— Погоди, — я протягиваю руку, вытирая салфеткой соус с ее нижней губы.

— Неужели я запачкалась? — спрашивает она.

— Да, запачкалась.

Каждый из нас наслаждается вторым ломтиком пиццы и уютной тишиной, окружающей нас. Когда мы заканчиваем, я отношу тарелки на кухню и возвращаюсь в гостиную. Оливия облизывает свой большой палец, откинувшись на диван.

Я изучаю ее, словно художник изучает свою музу. Все это время я продолжаю искать знаки, продолжаю задаваться вопросом, сработает ли то, что я задумал, и пока не нахожу на него ответ, но в наших отношениях все же появилось что-то новое. Мне нравится находиться рядом с ней. Я каждый раз предвкушаю, как мы проведем время вместе.

Прежде чем окончательно не впасть в сентиментальность, я решаю сменить тему на что-нибудь отвлеченное.

— Итак... — я наклоняюсь к Оливии. — Испытательный период, установленный для меня. Что ты думаешь о нем сейчас?

— Честно? — спрашивает она, ухмыляясь.

— Конечно. Я бы хотел оценить свою работу в качестве фиктивного парня.

— Это было не так плохо, как я полагала, — ее голос мягок, и она смотрит вниз на свои руки.

Слова Камрин о большой мечте Оливии — влюбиться до потери пульса — громко звенят в моей голове. Я не могу дать ей все, но знаю, что смогу быть хорошим соруководителем компании, отличным другом и прекрасным любовником. Если она, конечно, позволит.

Может, этого недостаточно, но это все, что я могу ей предложить.

— Иди сюда, — бормочу я, привлекая ее к себе на колени.

Оливия подчиняется, садясь на мои бедра прямо напротив полувозбужденного члена.

Не удивлюсь, если она еще обдумывает мои слова с вечеринки по случаю дня рождения, когда я предложил ей попробовать.

— Ближе.

Она придвигается вперед, пока ее средоточие тепла не прижимается к моему паху, а наши губы не оказываются в паре сантиметров друг от друга.

Я наклоняюсь и целую их, мягко, чтобы не спугнуть мою робкую принцессу. Я не тороплюсь, исследуя ее рот своим языком, посасывая и слегка покусывая ее губы.

Оливия стонет от удовольствия, что заставляет меня раздуться от гордости, а также некоторые части моего тела. Осмелев, она начинает совершать круговые движения бедрами, и я кладу руки на ее талию, побуждая к действиям. Она сильнее прижимается ко мне, отчего я бормочу что-то невнятное, так как теперь после ее теплого трения мой член полностью готов.

Прервав поцелуй, я пристально смотрю на нее. Небольшие очки на носу, грудь вздымается от тяжелого дыхания, а эти пуговицы на футболке так и притягивают взгляд к ее груди. Она прекрасна, как никогда.

— Что случилось? — спрашивает она, тяжело дыша. — Почему ты остановился?

— Я просто подумал, что смогу помочь тебе.

Она прищуривает глаза.

— В смысле?

Я сжимаю ее бедра, сильнее прижимая к своему члену.

— Если ты хочешь покататься на нем, отвлечься от работы, то я в игре.

— Прямо сейчас? — ее тон легкий, дразнящий.

Я пожимаю плечами.

— Я вызываюсь добровольцем.

Она смеется глубоко и гортанно, и это замечательно.

— Чтобы ты выиграл наше пари? Ни в коем случае, — она качает головой.

— Хорошо, тогда давай называть вещи своими именами, потому что мы уже переступили через первое основное правило, когда я проник своими пальцами в твой *нежный цветок* тогда в ресторане.

— Ты думаешь, мой цветочек нежный?

— Да, я, правда, так думаю. Мне кажется, что, несмотря на показную жесткость и твердость, внутри ты ласковая, нежная и мягкая.

Ее щеки розовеют, и она опускает взгляд вниз.

— Ты же знаешь, что я не сделаю ничего, что причинило бы тебе боль, да?

Она кивает, не задумываясь.

Хорошо. Это означает, что она стала доверять мне.

Может, это начало.

Оливия

Вся наша компания ведет активную деятельность. Даже находясь у себя в кабинете с закрытой дверью, я постоянно слышу приглушенный гул голосов, быстрые шаги и телефонные звонки. Мне нравится этот шум на заднем плане; он помогает уйти с головой в работу и говорит о том, как много людей упорно трудится рядом со мной.

Несмотря на все трудности, мы заключили небольшой контракт с фирмой «Обувь от Пэрриш» — с испытательным сроком, но это лучше, чем ничего, — и еще сумели вернуть давнего клиента. Но будет ли этого достаточно? Мы не имеем права на неверный шаг.

Но не каждый прилагает максимум усилий.

Я открываю почту и хмурюсь. Черт побери, Харрисон до сих пор не прислал мне отчет о расходах. Я просила его об этом еще вчера днем и сегодня в семь утра, когда пришла. Какого черта он делал все это время? Вся необходимая информация находится под его рукой; ему понадобилось бы около пятнадцати минут, чтобы закончить с ним.

Я решаю написать ему в третий раз, но передумываю. Пора прекращать просить. Я хочу, чтобы он объяснился лично. Может, Ной все это время был прав насчет него.

Я быстро набираю номер бухгалтерии и прошу секретаря Харрисона направить его ко мне. И в ожидании его прихода, обсуждаю с ней его рабочий график.

Пять минут спустя он стучится в дверь. Харрисону лет двадцать с небольшим, и я уверена, многие девушки находят его привлекательным. Но, по моему мнению, он ничем не примечателен. Таких парней можно встретить на улице каждый день, и я их даже не запоминаю. Хорошая работа. Скромная внешность. Средний уровень интеллекта. Отсутствие остроумия и очарования Ноя.

Подождите, почему я думаю о Ное?

Харрисон заходит, закрывая за собой дверь. Он думает, что ему вот-вот устроят разнос? Или просто хочет побыть со мной наедине, чтобы опять подкатить?

— Здравствуйте, Оливия, — говорит он. — Вы как всегда прекрасно выглядите.

Я должна была догадаться.

— Существует ли какая-то причина, по которой вы до сих пор не закончили работу над отчетом, который я просила отправить мне вчера? — спрашиваю я его холодным тоном.

Он моргает.

— Я... был занят другими делами.

— Несмотря на просьбу первостепенной важности от вашего генерального директора?

— Первостепенную? Я не знал, что это было настолько срочно.

Я нажимаю на папку «отправленные» в почте, поворачиваю монитор экраном к Харрисону, чтобы показать ему нашу недавнюю переписку, и указываю на свое последнее предложение.

— Вы можете прочесть мне его вслух?

Он наклоняется, чтобы посмотреть на экран. Неохотно он начинает читать:

— Пожалуйста, пришлите отчет как можно скорее. Мне нужен он, чтобы закончить работу над проектом нашего нового бюджета, который нужно будет представить в четверг

перед советом директоров.

Затем его взгляд поднимается ко мне.

— Послушайте, мне жаль, но я должен выполнять поручения в том порядке, в котором они поступают. Делать работу в порядке поступления единственный правильный способ...

— Если вы можете позволить себе опаздывать на работу, обедать два часа и уходить раньше положенного времени каждый день, то также можете позволить потратить пятнадцать минут, чтобы сделать отчет, который я дважды просила прислать, — я поворачиваю монитор обратно. — Учитывая нынешний кризис в компании, большинство людей вашего должностного уровня в последнее время вынуждены работать сверхурочно. Я не буду просить вас поступать также, потому что уважаю личную жизнь своих сотрудников, но если хотите продолжать работать на полную ставку, то будете работать в штатном режиме. Я ясно выражаюсь, мистер Риджфилд?

Широко распахнув глаза, он нервно облизывает губы.

— Д-да, мэ.

— И в следующий раз, когда вы не сможете закончить какой-либо отчет в срок, то должны предупредить меня об этом, чтобы я смогла найти кого-то, кто сможет сделать его за вас. Только попробуйте снова оставить мои сообщения без ответа, и меня всерьез заинтересует чем, черт возьми, занимается ваш отдел.

— Да, мэ, — повторяет он. — Я понял. Простите. Вы получите отчет к концу дня.

Я киваю в знак согласия.

— Спасибо. До обеденного перерыва, если сможете, — *а если не сможете, то вам лучше придумать чертовски хорошее оправдание.*

Он поворачивается и начинает уходить. Но в последнюю секунду, положив руку на дверную ручку, останавливается и оглядывается назад.

Я подавляю вспышку раздражения. *Просто идите, выполняйте свою работу и позвольте мне выполнять свою.*

— Э-э, насчет обеда... — он смущенно потирает шею, будто такое откровенное заискивание смягчит меня. — Я виноват в этом недоразумении. Позвольте сегодня пригласить вас на обед со мной в качестве извинения.

Я бросаю испепеляющий пустой взгляд на него.

— Это пятьдесят четвертый раз, когда вы приглашаете меня пообедать с вами с момента нашей первой встречи. Я считала. Мой ответ всегда был и всегда будет отрицательным. Поэтому вместо того, чтобы отвлекать меня своими неудачными попытками домогательств, я предлагаю вам направить свою нерастраченную энергию в работу.

Он вытягивается, раздувая волосатые ноздри.

— Простите? Домогаюсь вас? Вы не можете так легко бросаться подобными обвинениями. Сексуальные домогательства — это серьезное...

— Я могу делать все, что считаю нужным, — огрызаюсь я. — Я достаточно долго терпела ваши оправдания. Эта компания балансирует на грани банкротства, и если мы хотим, чтобы появился хотя бы какой-то шанс на спасение, все должны действовать быстро.

Я сталкиваюсь взглядом с Харрисоном, бросая вызов. Он должен понять, что я больше не просто дочь босса — не говоря уже о наивном молодом специалисте, в чей вырез блузки он может заглядывать, делая вид, что помогает.

— Но если вы не заинтересованы в сохранении вашего рабочего места, тогда и дальше продолжайте испытывать мое терпение.

Наше состязание взглядами длится почти двадцать секунд. Наконец, он опускает свои темно-карие глаза. Он выглядит растерянным и больше, чем просто раздраженным, но, думаю, мне удалось поставить его на место. С другой стороны, только время покажет, дошло ли до него послание.

Я вздыхаю с облегчением, как только он уходит. Мой первый опыт в обрушивании своего гнева на работника прошел так хорошо, что лучше и быть не может. Но встреча все-таки оставила меня раздраженной и неуравновешенной.

Артериальное давление повышается, и я подавляю раздражение, когда вижу новое сообщение в электронной почте. Это Камрин, как новоиспеченный глава новоиспеченной команды социальных медиа «Тейт и Кейн», предлагает «лучшую десятку» новых кандидатов для найма консультантами.

Я никогда не слышала об этом проекте. И если бы услышала, то захотела бы его возглавлять. Неужели они уже на стадии составления окончательного списка? И почему это сообщение пришло быстрее отчета о расходах, который я на самом деле просила?

Вселенная просто не хочет, чтобы я сегодня закончила с этим бюджетом?

Подождите минуту... Кажется, у меня есть подозрение, о чем этот проект. Мы с Ноем пересмотрели предмет обучения социальным медиа пару дней назад, но кажется, не пришли к какому-то единому решению по поводу этого вопроса. Обсуждение было захватывающим... *Но он, очевидно, смотрел на это иначе.*

Я звоню секретарю Ноя, только чтобы мне напомнили, что он на каком-то важном завтраке пытается вернуть некоторых давних клиентов. Сгорая от нетерпения, я звоню ему на мобильный.

Спустя шесть гудков Ной сухо отвечает:

— Да, дорогая? — на заднем плане я слышу автомобильный двигатель и порывистый ветер; он, должно быть, уже едет обратно.

— С каких пор команда Камрин выбирает консультантов? — спрашиваю я.

— С тех пор, как нам они стали необходимы. И, насколько я знаю, ее команда отвечала за проблемы социальных медиа.

— Ты знаешь, что я имею в виду. Зачем ты дал ей согласие на проект, о котором мы так и не закончили разговор? Почему это должно иметь приоритетное значение по сравнению с другими моими задачами? И почему она возглавила этот проект вместо меня?

Ной недоверчиво фыркает, что слишком походит на сдавленный смех.

— Ты серьезно? Ты хотела бы искать консультантов?

— Почему нет? Это очень ответственное дело. Почему ты смеешься надо мной?

Он громко вздыхает в трубку.

— Позволь спросить тебя кое о чем. По-твоему, Камрин дура?

— Конечно, нет, — у меня перехватывает дыхание. — Как ты можешь так говорить? Она моя лучшая подруга.

— Но ты, кажется, сомневаешься в ее компетентности. Ради Бога, Оливия, научись передавать обязанности другим. Твое время гораздо ценнее. Либо тебе, либо мне в любом случае придется принимать окончательное решение, так что в этом плохого?

— Папа всегда учил меня, что лучший способ сделать что-то хорошо — сделать это самому.

Слышится еще одно недоверчивое фырканье, больше похожее на откровенную насмешку.

— Невероятно. Ты так помешана на контроле.

— Я не была бы такой, если бы могла доверять людям, которые держали бы меня в курсе происходящего! — где-то в глубине души я понимаю, что веду себя неразумно, но я временно утратила способность беспокоиться об этом.

— Просто успоко... — кто-то начинает сигналить, отчего Ной что-то бурчит себе под нос. — Послушай, мне неудобно сейчас говорить. Я вернусь через десять минут, и мы все обсудим.

Он вешает трубку. Я бросаю телефон и начинаю массировать лоб. Господи, я не знаю, сколько еще неорганизованности смогу вынести за один день. От этого бардака я заработаю себе язву.

Через несколько минут безуспешных попыток успокоиться, я сдаюсь и отодвигаю свое кресло. Надеюсь, небольшая прогулка и смена обстановки помогут.

Я направляюсь к кулеру рядом с регистрационной стойкой и наливаю себе стакан ледяной воды. Огромный серебристый пузырь поднимается через бак с громким *бульк*. Не в первый раз меня удивляет, как подача небольшого количества жидкости создает такой большой пузырь.

Мое время почти истекает, но я до сих пор не знаю наверняка, сможем ли мы с Ноем работать в качестве супружеской пары. Конечно, вместе мы испытали моменты наслаждения и страсти.

Было и несколько положительных моментов на вечеринке по случаю дня рождения Марии. Сначала я чувствовала себя неуютно, вторгаясь на праздник их семьи. В конце концов, я не была приглашена. Я была просто девушкой Ноя — да и кто приглашает девушку на свидание на детский праздник?

Но Ной был таким уверенным в себе, и все приветствовали меня с распростертыми объятиями. Часть обаяния Ноя, должно быть, передалась мне. Хотя я могла бы обойтись без поздравительных подмигиваний от Роситы.

В очередной раз мне напомнили о матери, любящей и гордящейся своим сыном. Ной был определенно частью этой семьи. Он считал своей обязанностью поговорить со всеми на вечеринке. Не просто холодно спросить: «Как дела на работе?», а задать конкретные вопросы типа: «Это ваш двоюродный брат все еще ходит с гипсом на ноге?» или «Вы получили повышение, о котором планировали попросить?». Он явно старается запомнить подробности их жизни.

Но может это не так уж удивительно. Хотя Ной временами может быть эгоцентричным, он очень общительный человек. Иногда я завидую этой его способности... Когда она не сражает меня наповал, как остальных. Ему всегда так комфортно на своем месте, словно в любой ситуации он чувствует себя в своей тарелке. Он выглядит так же естественно в шортах и глупом бумажном колпаке, безудержно веселясь с детьми на грязном заднем дворе, как и в сшитом на заказ костюме-тройке на официальном обеде.

Наблюдение за его улыбкой в тот день... определенно убедило меня позволить ему сблизиться со мной.

Итак, Ной — порядочный мужчина. Даже очень. Но значит ли это, что я должна распрощаться со своей мечтой о безумной любви?

Мне нужен знак.

Я пристально оглядываю приемную, пока пью воду. Парадная дверь открывается, и в течение секунды я думаю, что Ной, должно быть, доехал за рекордное время.

Потом я узнаю вошедшего человека и чуть не давлюсь водой. *О нет. Нет, нет, нет...*

Мой живот сжимается, каждый нерв горит от инстинкта «борись-или-беги». Я даже не могу сказать, испугана ли я или в ярости — это чувство просто чистый стопроцентный адреналин.

Брэдфорд Дэниелс, мой бывший парень из ада, стоит всего в нескольких метрах от меня. Какого хрена он здесь делает? Я думала, что покончила с ним навсегда. Думала, что сбежала. Но теперь он пришел в мою компанию, мое убежище, безо всякого предупреждения, и *я к этому не готова*.

Я потрясена, мое сердце выскакивает из груди и, наблюдая за ним, я чувствую себя оленем в свете фар, пока он подходит к регистрационной стойке. Он наклоняется к регистраторше. Я не слышу, что он говорит, но догадываюсь по его кокетливой улыбке и ее хихиканью в ответ.

Это не ее вина. Красивое лицо Брэда и манеры члена загородного клуба однажды тоже обманули меня. Она не может знать. Не видит, какая мерзкая душа скрывается под этой маской.

Я начала встречаться с Брэдом в колледже, потому что он был привлекателен, происходил из знатной семьи и был первым парнем, которого я когда-либо встречала, который разделил мое стремление и амбиции. Но я слишком поздно осознала, что он готов был играть по грязному в любой честной игре. Все привилегии, которыми он был наделен с рождения, служили ему на пользу, но ему было мало. Он чувствовал себя вправе добиться большего любыми средствами.

Его отец был единственным человеком, к которому он испытывал истинную преданность. Все в мире существует для его личного блага. И то, что делает его опасным — это способность хорошо замаскировывать свой хищный эгоизм. Он нагло использовал своих подчиненных, потому что знал, что сможет выйти сухим из воды, но всегда подлизывался к начальству и манипулировал своими сверстниками так искусно, что никто, желая остановить его, не в силах был уловить ход его игры.

Мне до сих пор стыдно признавать, как долго я позволяла Брэду использовать себя. Он убедил меня в том, что изо всех сил старается полюбить, ведь я была «сложным» человеком. Я цеплялась за обрывки чувств, которые он проявлял тогда, когда чего-то хотел от меня.

Мне потребовалось более двух лет, чтобы понять, что Брэд — не мой. Не «сложный» человек, не стресс от стажировки и обязанности по кружкам стали причинами моего несчастья. Лишь через шесть месяцев я смогла признать это. Я рассталась с ним во время церемонии окончания колледжа, чтобы мне никогда не пришлось встретиться с ним снова.

Или я так думала.

Брэд поворачивается и узнает меня. Заметив мой потрясенный пристальный взгляд, он дарит мне небольшую язвительную ухмылку.

Ярость побеждает панику, и я выхожу из ступора. Выбросив бумажный стаканчик в мусорное ведро, я бросаюсь к нему, как волчица, защищающая свое логово.

— Убирайся, — огрызаюсь я.

Администратор недоуменно моргает, вздрогнув от моей необузданной ненависти.

Брэд, конечно, не удивляется. Он точно знает, как я к нему отношусь и почему. Но он никогда не упустит возможности заставить меня выглядеть сумасшедшей сукой.

— Что, даже не здороваешься? — спрашивает он, изображая боль.

Жаль, но меня не волнует, как я выгляжу. Все в этой компании преданы своей семье, я

могу позволить себе разобраться сначала с Брэдом, а позже объясниться перед остальными.

— Ты не заслужил этого. Уходи сейчас же.

Он опускает взгляд вниз, снисходительно улыбаясь.

— Щепетильна как всегда. Как непрофессионально. Я имею право быть здесь. Мой отец пришел на биржу, чтобы приобрести новую дочернюю компанию, поэтому я здесь, чтобы заплатить за нее вам.

— Эта компания по-прежнему принадлежит «Тейт и Кейн». Ты не можешь купить один кирпич в нашем доме, и, пока тот день не настал, ты здесь всего лишь суешь нос не в свои дела. Жди своей очереди, как и все остальные.

Его усмешка превращается в откровенное презрение.

— Ты не можешь обращаться со мной таким образом. Меня сюда пригласили.

— И я в силах отменить это приглашение. Так что можешь бежать обратно в свой кабинет и как всегда ползать на коленях перед отцом.

Брэд грозно сощуривает глаза и огрызается:

— Ты фригидная сука!..

Я усмехаюсь. Если я когда-то и была фригидной, кого можно винить в этом, по мнению Брэда? Ему стоило бы заглянуть в словарь, чтобы узнать смысл слова «прелюдия».

С угрызением совести и толикой удовлетворения я замечаю, как администратор в это время шокировано смотрит на Брэда, а не на меня. Тогда меня переполняет чувство стыда за свою мелочность. *Вот до чего Брэд меня довел. Одна минута в его присутствии, и я снизила до его уровня.* Словно с момента нашего расставания не прошло достаточно времени.

Услышав мой смешок, Брэд надевает на себя маску надменной холодности, маскируя это поправлением галстука. Я отлично все помню — ему необходимо все время сохранять контроль, даже если это только на людях.

— Ты могла бы более осторожно выбирать слова, когда говоришь со мной, Оливия.

Явная угроза немного пугает меня. Но я не могу позволить ему думать, насколько его ядовитый голос по-прежнему властен надо мной. Я заставляю себя засмеяться, зная, что это выведет его из себя.

— Или что? Ты доведешь меня до смерти?

К моему удивлению, его рот растягивается в ухмылке.

— Поверь мне. В твоих же интересах сотрудничать с моей компанией.

У него действительно имеется что-то на нас? С одной стороны, я не хочу ввязываться в его игры. С другой... Меня мучает любопытство.

Но прежде чем я могу решить, стоит ли спрашивать его об этом, входная дверь открывается и появляется Ной. Он останавливается на полушаге и смотрит на нас, явно чувствуя что-то неладное.

— Что здесь происходит? — требовательно спрашивает он.

— Ничего, — отвечает Брэд, прежде чем я могу что-нибудь объяснить. Его тон дружелюбен, а улыбка вежливая. — Просто разговаривали.

— О, правда? Поэтому я всю дорогу от лифта слышал крики?

Улыбка Брэда мгновенно спадает.

— Кто ты? — спрашивает он, как будто Ной здесь лишний.

— Я — Ной Тейт. Жених Оливии и соруководитель компании. А теперь ответь, кто, черт возьми, ты?

Я мысленно закатываю глаза, понимая, что у Ноя начисто отсутствует деликатность. В частности из-за того, что он сказал *жених*, а не *парень*. Но на самом деле, я просто рада, что пришло подкрепление, независимо от того, как нелепо он выглядит, помечая территорию.

Брэд пару секунд смотрит на Ноя, явно не желая слишком быстро передавать и признавать его власть. Наконец, он отвечает:

— Брэдфорд Дэниелс. Вице-президент «Дэниелс Мультимедиа Энтерпрайзес».

— Он уже уходит, — прерываю его я.

Я замечаю, как дергаются мышцы на челюсти Брэда, но он продолжает говорить со Ноем, словно не замечая моих слов.

— Я слышал о тебе, Ной. Сын покойного Билла Тейта. Вы двое, похоже, сошлись прямо перед тем, как узнали о проблемах в «Тейт и Кейн»... Проблемы вылезли наружу.

Следующие слова Ноя повторяют мои мысли.

— Ты на что-то намекаешь?

— Нет. Просто мысли вслух, — Брэд понижает голос до заговорщического бормотания, хотя, конечно, не до такой степени, чтобы я не смогла расслышать каждое оскорбление. — В некотором смысле, мой друг, я не завидую тебе. Она возбуждает почти так же, как и мокрое полотенце в постели.

Глаза Ноя широко распахиваются, лицо багровеет. Инстинктивно, я отступаю назад, мне не приходилось видеть его настолько разозленным.

Приняв его ярость за удивление, Брэд продолжает:

— О, ты еще не понял это? Но, похоже, мне не стоит удивляться. Она всегда была такой фригидной...

В мгновение ока Ной прижимает Брэда к стене, заламывая ему руки за спину. И все, что я могу сделать — это открыть рот, парализованная шоком.

Ной

Это тот мудака, который разбил сердце Оливии в колледже? Недолго думая, я начинаю действовать — вывернув ему руку за спину, прижимаю его к стене.

Он беспомощно мычит и фыркает:

— Какого черта? Ты не слышал, кто я?

— Я точно знаю, кто ты. Ты мудака, на которого Оливия потратила столько лет, чтобы, в конце концов, понять, какой ты на самом деле эгоист.

Он пытается вырваться из моего захвата. *Нет уж, никуда ты не пойдешь, приятель.*

— Теперь извинись перед ней и пообещай, что никогда не скажешь ничего подобного, и тогда я подумаю, отпускать ли тебя.

— Что за черт, — рычит он.

— Росита, — кричу я проходящей мимо Росите с тележкой, заполненной посылками. — Вызови охрану, — она кивает и несется прочь. Я сжимаю руку Брэдфорда крепче, поднимаю ее выше за спиной, затем наклоняюсь ближе и говорю:

— Я сказал, извинись.

Он тяжело вздыхает, его голос пронизан болью:

— Мне жаль, ладно?

Когда Оливия задирает нос, я киваю головой этому придурку.

— Думай лучше, прежде чем связываться с такой сильной женщиной.

В тот же миг появляются двое охранников в форме.

— Уведите этого мудака из здания, — говорю я им.

Они подхватывают Брэдфорда с обеих сторон и провожают его обратно к лифту. Я жду нового потока оскорблений, которые должны последовать в ответ; он не сдастся без боя.

Словно по сигналу, Брэдфорд поворачивается к нам лицом перед входом в лифт.

— Когда я стану владельцем этой компании, то распоряжусь, чтобы никто из вас не смог найти работу в этом городе, — кричит он, выплевывая слова, словно яд.

Я выпрямляюсь и притягиваю Оливию к себе.

— Ты больше не придешь в мою компанию, и не будешь снова оскорблять *мою девушку*. Уберите его отсюда, пока я не воспользовался случаем и не лишил его возможности когда-либо иметь детей.

Спустя несколько секунд двери лифта закрываются, и Оливия рядом со мной облегченно вздыхает.

— Ты в порядке? — я поворачиваюсь к ней лицом, поглаживая ее руки успокаивающими движениями.

Она кивает, ее губы сжаты в тонкую линию.

Я наклоняюсь и прижимаюсь губами к ее губам, стараясь поднять настроение.

— Он ушел, детка, — бормочу я, поглаживая ее волосы.

Она делает глубокий вдох и медленно выдыхает.

— Он полный кретин, — бормочет она, качая головой. — И что я в нем нашла?

Ее тон пропитан гневным презрением, но я слышу в нем дрожь. Брэд, должно быть,

сильно ее напугал. Я сжимаю зубы. Возможно, я не должен был после всего позволять этому ублюдку уйти невредимым.

— Я больше не позволю ему приблизиться к тебе. Обещаю.

Она кивает.

— Спасибо, Ной.

На мгновение мы оба замолкаем, будто никто из нас не готов расстаться и вернуться к работе. Оливия смотрит на меня с облегчением и благодарностью... И с чем-то большим? В ее глазах загорелась искорка. Раньше она никогда не смотрела на меня так.

— Не то чтобы мне нужно, чтобы ты защищал мою честь, но... — она слегка улыбается мне. — Я рада, что ты сделал это.

Гордость и потребность в защите распирают мою грудь. Я стараюсь не обращать на это внимания, переводя все в шутку:

— Эй, нет проблем. Его физиономия все равно напрашивалась на удар.

Она гладит меня по груди, и я поворачиваю голову в сторону своего кабинета.

— Ной?

Лишь одно слово останавливает меня на пути к кабинету. Ее голос мягкий, почти застенчивый, но такой эмоциональный. Я никогда не слышал, чтобы Оливия говорила так... Не могу подобрать слово. Трепетно? Что бы это ни было, она плывет за мной, словно лодка на привязи во время прилива.

— Да? — я поворачиваюсь к ней лицом.

Ее лицо сияет, как будто ей только что пришла в голову какая-то мысль.

— Я думаю, что готова.

Я правильно расслышал ее? Я почти не смею надеяться.

— Ты имеешь в виду...

Она кивает, подавляя улыбку.

Мое сердце трепещет.

— Черт, тогда давай сделаем это.

Она сияет, глядя на меня, словно это шутка, которую понимаем только мы вдвоем. И, может, так оно и есть.

— Давай сыграем настоящую свадьбу, — говорит она, хихикая.

Оливия

Я смотрю на часы, стоящие на тумбочке, и подавляю стон. Три часа утра, а я все еще не легла спать.

Позади меня шуршат простыни.

— Не спишь? — спрашивает Ной. Его голос чист, без хрипотцы после сна. Очевидно, я не единственная, кто страдает бессонницей.

Вздыхая, я качаю головой.

— Иди сюда, — произносит он мягко.

Я поворачиваюсь, чтобы взглянуть на него. Ной лежит на боку лицом ко мне и протягивает руки. Секунду я колеблюсь, мне все еще непривычны его внезапные прикосновения. Но вскоре укутываюсь в его теплые объятия, положив голову ему на бицепс.

Он притягивает меня еще ближе, обнимая за плечи. Я вдыхаю его мужской запах, не менее приятный и волнующий, чтобы стать таким знакомым, и стараюсь не замечать, как прекрасно подходят друг другу наши тела.

— Как ты себя чувствуешь? — спрашивает он.

— Немного нервничаю, — признаюсь я.

Ной тихо смеется.

— Имеешь полное право. Это нормально — чувствовать предсвадебный мандраж.

Слово *свадьба* как-то странно влияет на меня. Несмотря на эти мысли о браке, посещающие меня весь последний месяц, с приближением этого события отношение к нему становится еще более непонятным. Менее чем через шестнадцать часов я больше не буду одинока. Я буду чьей-то женой.

Я всегда представляла, как выхожу замуж. Но в этой фантазии мой отец ведет меня вниз по широкому церковному проходу, украшенному пионами, а друзья и родственники с восторгом наблюдают за мной на своих местах. Мой муж — мужчина, который любит меня так сильно, что не может прожить без меня и дня.

Но реальность — это не сладкая фантазия. Вместо этого я испытываю давление юридически обязывающим контрактом, сопровождаемым длительным и трудным боем, чтобы сохранить «Тейт и Кейт» от рук противника.

Обстоятельства, безусловно, оставляют желать лучшего. Мои чувства к жениху все же... Более неоднозначны.

Раньше отношения между нами были такими простыми. Ной был занозой в заднице. В лучшем случае — знакомый; в худшем — соперник или вредитель. Его наплевательское отношение иногда все-таки бесит меня. И я ненавижу, что он точно знает, какой он красавчик, и без зазрения совести пользуется своей внешностью, чтобы получить желаемое. Кроме того, я действительно ненавижу тот факт, что его обаяние таким же образом действует и на меня, нравится мне это или нет. Неважно насколько сильно стараюсь, я никогда не буду в состоянии заглушить огромную симпатию к нему.

В последнее время, правда, все меняется. Мы, кажется, становимся друзьями. И после того, как он пытался защитить меня от Брэда, внутри меня запорхали бабочки.

Ной жил с такой же проблемой, как и я, и убедил меня, что отношения между нами возможны. Не сразу и не без труда — это не сказка, где по щелчку пальцев мы будем жить долго и счастливо, но если будем стараться...

Интересно, вдруг мои подростковые чувства к нему не были такими уж необоснованными. Может, это были не только гормоны — хотя похоть, безусловно, присутствовала, но все же. Тогда я почувствовала страстное доброе сердце, яростно бьющееся под фасадом плейбоя. Я поняла, что если Ной не относится ко многому серьезно, это не значит, что он *ни к чему* не относится серьезно. Его приоритеты и стратегии отличны от моих, но в этом нет ничего плохого.

Десяток разных эмоций вихрем проходят сквозь меня, как хороших, так и плохих. Но даже если Ной спросит меня о них, я не хочу их раскрывать. Не хочу показывать свою уязвимость... Или не хочу ранить его чувства? Я не уверена.

В конце концов, не зная, что ответить, я просто бормочу ему в грудь:

— Это все-таки немного ненормально для меня, ты же знаешь?

— Да, — отвечает Ной, ободряюще обнимая... И прижимается губами к моему лбу.

Я закрываю глаза, наслаждаясь мягким поцелуем. Неожиданная нежность только запутывает мои чувства еще сильнее.

Ной лежит на спине, не обращая внимания на мое замешательство, и обвивает моей рукой свою талию. Пытаясь отвлечься от приводящих в смятение, беспокойных мыслей и расслабиться, я прижимаюсь ближе, кладу голову ему на грудь и закидываю ногу на него. Он такой теплый, что мне кажется, будто я нахожусь рядом с камином.

Гулкие удары его сердца под моим ухом успокаивают меня, и я засыпаю.

Ной

По мнению СМИ пара нашего социального положения должна сыграть свадьбу с блеском и куражом, но Оливия решила, что будет чувствовать себя наиболее комфортно, если мы проведем церемонию в доме ее отца на острове Нантакет. Это чисто формальная свадьба. Никаких фанфар, только несколько родных и близких друзей. Даже пляжный домик представлял собой причудливое место с двумя спальнями, кухней открытой планировки и гостиной, а также широкой верандой с видом на пляж.

На этом пляже примерно через час мы свяжем себя узами брака. Выпивая пиво со Стерлингом на кухне, я смотрю, как чайки приземляются на складные стульчики, которое мы установили ранее, отпугивая крошечных крабов обратно в свои норки.

Все происходящее — полная противоположность тому, о чем, расписывая свою будущую свадьбу, писала Оливия в своем альбоме, о котором мне рассказала Камрин. И я не знаю, как мне к этому относиться. Оливия просто хочет, чтобы все было удобным и дешевым? Она практичный человек и недавно рвала на себе волосы из-за расходов «Тейт и Кейн».

Или она пытается сохранить свою романтическую мечту, оберегая ее от реальности, насколько это возможно? Не уверен, что мне это по душе, учитывая, что я часть этой реальности...

— Еще по пиву? — спрашивает Стерлинг.

— Лучше не надо, — я смотрю на часы, висящие на кухонной стене. — Остается пятьдесят восемь минут до момента, когда я скажу *согласен*.

Он ухмыляется.

— Думаешь, она действительно пойдет на это?

— У тебя есть сомнения?

Он пожимает плечами.

— Она заперлась в своей комнате два часа назад и с тех пор не выходила оттуда. Сегодня утром я предложил ей позавтракать, но она сказала, что не хочет есть. Не знаю, приятель. Вполне возможно, что она даст задний ход.

— Контракт составлен. Мы подпишем его в понедельник, когда вернемся в офис. Зачем отступать сейчас? Оливия человек слова. Ей можно доверять.

Он неодобрительно ворчит.

— А в чем проблема? Ты же взял фиктивную спутницу на свой выпускной.

Я смеюсь про себя, вспоминая год, когда Стерлинг пригласил свою кузину на выпускной. Он думал, что это гениально: не надо покупать костюм, чтобы произвести на нее впечатление, не нужно приглашать ее в дорогой ресторан или заказывать лимузин. Но к концу вечера, когда все наслаждались более плотным общением со своими спутницами, он понял, что совершил ошибку. Его собственная рука была единственной, кто прикасался к нему в этот вечер.

— Фиктивная жена — совсем другое дело. Это большая гребаная проблема, — Стерлинг смотрит на меня поверх края кружки с пивом.

Глядя на океан, я ослабляю галстук, туго завязанный вокруг моей шеи, и поправляю его.

— Фактически это законно, так что она будет моей женой, пока мы не разведемся или не аннулируем брак.

Я прочищаю горло, мое беспокойство усиливается.

— Есть еще кое-что.

После того, как отец Оливии предоставил нам контракт сегодня утром за завтраком, я с копией вышел на крыльцо, а Оливия направилась в спальню. Я не рассматриваю это как плохой знак, просто мы оба относимся к этому слишком серьезно, и нам требуется время, чтобы все хорошенько обдумать.

Я прочитал весь контракт, держа в руке чашку кофе. Страница четырнадцать, параграф двадцать восемь, пункт «В» гласит, что выполнение наших договорных обязательств в качестве новых владельцев многомиллиардного конгломерата также зависит от еще одного обстоятельства — чтобы Оливия забеременела. В течение девяноста дней.

Внутри меня все бушевало, я захотел немедленно поговорить с Фредом.

— Пункт о наследнике? И таким способом вы хотите обеспечить продолжение рода? Вы, правда, считает, что я соглашусь на это?

— Это желание и твоего отца тоже, Ной. Мы с Биллом оба хотели внука, прежде чем уйти на покой. Безусловно, ты можешь это понять.

— И каково мнение Оливии на этот счет? — спросил я его.

Он уклончиво прочистил горло.

— Мы еще это не обсуждали.

Это было утром. И я уверен, что в этом пункте была причина того, что Оливия заперлась в своей спальне и с тех пор не выходила оттуда.

Набрав в легкие воздух, я внимательно смотрю на своего лучшего друга, прежде чем сообщить новость:

— Я должен ее обрюхатить.

Стерлинг выплевывает свой напиток.

— В договоре есть пункт о наследнике, — произношу я сухо.

Вытерев пиво с губ, он прищуривает глаза.

— Хочешь сказать, что должен обрюхатить ее?

— Угу.

Этот придурок на самом деле смеется надо мной, затем делает еще один глоток пива.

— Если я что-то и знаю об Оливии, так это то, что она не собирается печь твой батон в своей духовке.

— О, зря ты так, — ухмыляюсь я.

— Она уже трогала твой член?

Кроме поглаживания его через мои брюки тогда в ресторане — нет. Но это ничего не значит. У нас все только впереди. Это лишь вопрос времени.

— Не будь ослом.

Я встаю и, пересекая крыльцо, подхожу к перилам. Опираясь на них, я вглядываюсь в бескрайнее синее океан. Может, я и выгляжу спокойно и уверенно, но на самом деле, схожу с ума с тех пор, как утром узнал о пункте в договоре. Могу только представить, что чувствует Оливия. Даже не знаю, хочет ли она стать матерью. Наверное, нет, учитывая, что она ест, спит и дышит своей карьерой.

— Ты хорош, дружище, скажу я тебе, но даже ты не в состоянии осуществить это.

— Мы еще посмотрим.

Наблюдение за водой действует на меня гипнотически. Это заставляет меня чувствовать себя немного спокойнее. Но лишь отчасти. Мне, наверное, потребуется лошадиная доза транквилизаторов, чтобы привести свой пульс в норму.

— А что насчет тебя? Заядлый тусовщик всерьез собирается воспитывать ребенка?

Я поворачиваюсь к Стерлингу. Он качает обшарпанное кресло-качалку, стоящее на крыльце, поставив ногу на ручку кресла. У меня нет подходящего ответа на этот вопрос, поэтому я просто нахально подмигиваю ему.

— Я выясню это, — *я надеюсь*.

Его рот раскрывается на секунду. Затем он вскидывает руки, драматически пожимая плечами.

— Это твоя жизнь, приятель.

— Я рискну. Теперь, если ты извинишь меня, я пойду проверю, как там моя невеста.

Я стучу в закрытую дверь спальни Оливии и в тишине слышу два женских голоса.

— Да? — Камрин приоткрывает дверь.

— Я могу поговорить с Оливией? — спрашиваю я.

Камрин хмурится.

— Плохая примета видеть невесту перед церемонией.

— Все нормально, — слышится голос Оливии изнутри.

— Хорошо. Можете поговорить около пяти минут, — Камрин смотрит на свои часы, а затем обходит меня и направляется в зал.

Толкнув дверь, я отмечаю, что Оливия сидит за туалетным столиком, и наши взгляды встречаются в зеркале. Ее глаза слегка красные, и мне любопытно, плакала ли она.

В груди колет чувство вины, и неожиданно я начинаю задыхаться.

— Ты в порядке?

Я не могу поверить, что мои отношения с Оливией перешли на новый уровень, насколько реальными стали мои чувства. Мысль о том, что она так расстроена, причиняет мне физическую боль.

Оливия кивает.

— Думаю, да. Сегодня удивительно эмоциональный день. Все эти вещи, я даже не задумывалась о том, что моей мамы не будет рядом, в то время как у отца проблемы со здоровьем... Осознание этого поразило меня сегодня утром.

— Иди сюда.

Я притягиваю ее в свои объятия. Прижав ее близко к своей груди, я чувствую, как она заводит свои руки мне за спину. Я держу ее так в течение нескольких минут, никто из нас не произносит ни слова. Когда я отпускаю ее, Оливия выглядит спокойнее. Интересно, что она чувствует по поводу пункта о наследнике — равнодушие или ужас. Полагаю, последнее.

— Я в порядке. Клянусь, — она дарит мне небольшую улыбку.

— Ты прекрасна, — говорю я ей, осмысливая каждое слово.

Она смотрит вниз на свое кремового цвета платье простого покроя с кружевной отделкой на груди, разглаживая его на бедрах.

— Спасибо, — ее медового цвета волосы спадают на плечи свободными волнами, а макияж легкий и естественный. Она похожа на прекрасную пляжную невесту, достойную украсить обложку одного из тех журналов для новобрачных.

— Уверена, что не пожалеешь об этом? — спрашиваю я, принимая серьезный вид. Мне,

наверное, не понравится ее ответ, но я все еще хочу знать, что она действительно об этом думает.

Она качает головой.

— Все, чего я когда-либо хотела — это руководить компанией. Отец готовил меня к этому моменту пятнадцать лет.

Я киваю, прекрасно ее понимая. Я в таком же положении.

— И если я должна пройти через это с тобой, то так тому и быть.

Оливия вскидывает подбородок, и я снова чувствую себя виноватым. Она надевает на себя маску, но мне нужно знать, что ей действительно хорошо. В противном случае, не уверен, что смогу пройти через это.

— Мне нужно знать, действительно ли тебя устраивает такое положение вещей. Разве не каждая девушка мечтает о белом платье и большом празднике под шатром? — знаю, именно этого Оливии и хотелось. Но я не упоминаю об этом; возможно, она не хотела, чтобы Камрин делилась со мной настолько личным.

Она сочувственно смотрит на меня.

— Мы справимся.

— Возможно, эта свадьба не та, о которой ты мечтала, но я хочу, чтобы ты знала, что это важно для меня. Я позабочусь о тебе, если случится что-то плохое. Знаю, что между нами нет любви, и ты заслуживаешь быть любимой и желанной, но хочу, чтобы ты знала, я всегда буду рядом. Так что в этом смысле моя клятва будет правдивой.

Она с трудом сглатывает, и мне становится интересно, у нее тоже застрял ком в горле, как и у меня. Эта мысль облегчает чувство вины.

— Спасибо тебе за это. Я знаю, ты будешь рядом, когда будет необходимо, — мягко произносит она.

— Черт, я буду.

— Спасибо, Ной, — она улыбается мне.

Я вытаскиваю помятый договор из внутреннего кармана пиджака.

— Я подписал его. Вот, держи, подпишешь, когда будешь готова, — я протягиваю ей контракт, и она кладет его на туалетный столик.

— Спасибо.

Я поднимаю ее руку к своим губам и целую.

— Увидимся внизу.

Она кивает.

— Я приду через несколько минут.

— Хорошо. Я позову к тебе Камрин.

Выйдя в коридор, я ловлю себя на мысли, что, возможно, Стерлинг заблуждается, и наши отношения с Оливией будут развиваться естественным путем.

Называйте меня сумасшедшим, но, черт возьми, из этого что-нибудь может получиться.

Оливия

Я неподвижно сижу в летнем домике своей семьи на острове Нантакет, пока Камрин наносит последние штрихи в макияже моих глаз. Эта спальня по-прежнему украшена в соответствии с моими предпочтениями в период учебы в средней школе — здесь много ярких цветов, постеров с изображением мандал и фотографий тропических лесов. (Прим.: *Мánдала* — сакральное схематическое изображение либо конструкция, используемая в буддийских и индуистских религиозных практиках). Хех... Я и забыла, что когда-то увлекалась хиппи. За маленьким белым столом, где сейчас сижу, я когда-то делала домашние задания, заданные на лето, и писала в своем дневнике.

Слава Богу, у меня есть Камрин. Она приехала пораньше, чтобы поддержать меня перед церемонией. До того, как она начала приводить меня в порядок, мне на самом деле не требовалась ее помощь. Я не стала ничего особенного делать со своими волосами и макияжем. Единственное, что я позволила себе по такому случаю — это платье кремового цвета, но даже оно было довольно простое: длиной доходило мне всего до колен, а на груди было немного кружева. Я больше похожа на мать невесты, чем на саму невесту. Что мне действительно было нужно, так это моральная поддержка лучшей подруги. Ее спокойствие, можно сказать, успокаивает мои измотанные нервы.

Даже не знаю, почему я так вымотана. «Свадьба» — это лишь наша с Ноем встреча с мировым судьей для подписания бумаг, пока папа и несколько других членов семьи и близких друзей будут стоять в стороне. Ни смокинга, ни платья, ни клятв, ни свадебного приема. Быстро и, насколько это возможно, просто. Этот брак даже нереален. И все же мне страшно.

— Вот и все, — объявляет Камрин с гордостью. — С глазами покончено. Взгляни.

Я открываю глаза и моргаю, смотря на себя в зеркало. Вау, я выгляжу... Соблазнительно. Обычно я накладываю минимум макияжа, так как редко куда выбираюсь, кроме офиса, но Камрин добавила в мой образ нежный «смоки айс», и теперь я выгляжу чувственно и в то же время достаточно скромно для дневного мероприятия.

— Смотрится бесподобно. Спасибо.

— Я хороша, не так ли? — усмехается Камрин. — Хочешь перекусить? Это твой последний шанс, пока я не занялась твоими губами.

Стол и барная стойка на кухне были завалены запеканкой, салатами и канапе из ресторанчика по обслуживанию банкетов, который нанял папа. Я заявила ему, что не хочу организовывать прием с кучей разнообразной еды. Но он настоял на том, что нашим гостям нужно будет поесть перед возвращением домой. Так что мы пришли к компромиссу — будем подавать закуски на бумажных тарелках.

Я качаю головой.

— Нет, спасибо. Мой желудок ведет себя как сумасшедший.

— Неужели все так плохо? — спрашивает Камрин, от сочувствия ее голос звучит выше обычного.

Я глубоко вздыхаю.

— Честно? Я не уверена, что чувствую.

Я действительно верю, что мы с Ноем можем стать настоящей парой. Но я все еще нахожусь на грани паники. Брак — это такое огромное обязательство. Размышления о таком серьезном решении — о, Боже, еще и меньше чем через час — заставляет меня содрогаться в холодном поту.

Если бы здесь не было Камрин, которая успокаивала меня, я бы всерьез рассматривала вариант побега. Особенно после того, как папа вручил копию контракта за завтраком — смутные очертания букв на шестнадцати пронумерованных страницах. Я до сих пор не смогла заставить себя взглянуть на него. Но, так или иначе, я уже знаю, о чем в нем говорится. Какой смысл мучить себя еще больше? Я просто подпишу его, когда придет время, быстро и легко, словно сорвать с раны повязку.

— Бедняжка, — вздыхает Камрин. — Позволь мне предложить тебе выпить. Совсем немного, чтобы снять напряжение.

Она выбегает из спальни, направляясь на кухню, и возвращается с двумя бокалами мерло. Моя лучшая подруга знает меня достаточно хорошо, чтобы отказаться от бутылки охлажденного шампанского, лежащего в ведерке со льдом на кухонном столе. Шампанское слишком празднично для состояния, в котором я сейчас нахожусь.

Я принимаю охлажденный бокал и делаю большой глоток. Небольшая доза алкоголя слегка согревает и расслабляет мои мышцы, и я тихо вздыхаю. Она была права. Мне действительно это было нужно.

— Я, правда, думаю, что все будет хорошо, — произносит Камрин. — Из того, что я видела, кажется, что Ной был довольно милым и внимательным к тебе.

— Да, кажется, он очень старается, — я делаю еще один глоток вина. — Даже если его конечная цель — всего лишь залезть ко мне в трусики.

— Неужели это самая худшее в мире? — она приподнимает брови с дьявольской ухмылкой на губах. Она постоянно жалуется на мою отсутствующую личную жизнь.

Я фыркаю, улыбаясь в ответ.

— У меня почти такой же интерес объездить его член, как спрыгнуть с Бруклинского моста.

За исключением тех случаев, когда этот дурак делает что-то сексуальное, и вся кровь в моем теле стремится на юг. Что, кажется, происходит все чаще и чаще в последнее время.

— Дамы... — из-за двери показывается голова Стерлинга, он ухмыляется, так как слышал каждое слово. — Объезд члена начнется после ужина.

Затем он кивает нам и уходит.

Ох, черт. Последнее, что мне сейчас нужно, это чтобы Ной думал, что сегодня будет настоящая брачная ночь. Разочарованная, я громко вздыхаю и зажимаю глаза.

— Нам нужно что-то покрепче, чем вино.

Камрин бежит обратно на кухню, прежде чем я могу остановить ее. Я слышу шум открывающихся и захлопывающихся шкафчиков. Вскоре она возвращается, протягивая мне бутылку водки.

— Вот и мы.

— Нет, спасибо, — машу я ей. — Я действительно не хочу сейчас пить.

Она ставит водку на стол.

— Ты права. Мы должны подождать до конца церемонии.

— На самом деле... — я вздыхаю. — Мне жаль, но я не думаю, что буду в настроении

общаться сегодня. Мне нужно побыть одной, чтобы во всем разобраться, — или зарыться с головой в работу, как страус, и полностью избегать всей этой ситуации. — Спасибо, что пришла.

Она кивает.

— Конечно, пришла, Оливия. Я могу вернуться в город пораньше, если хочешь. Но туда долго ехать, — ее взгляд следует по направлению к палубе, где Ной и Стерлинг сидят к нам спиной, глядя на пляж. — Опять же, Стерлинг чертовски сексуален. Я могла бы, наверное, заняться им сегодня вечером, — она дьявольски усмехается.

— Валяй, — говорю я, пожимая плечами. Хотя кому-то же должно быть весело. — Иди и займись им сейчас же. Я сама могу накрасить себе губы.

Мы обнимаемся в последний раз, прежде чем она оставляет меня в моей детской спальне, захватив с собой выпивку.

Я открываю окно и вдыхаю солоноватый влажный океанский бриз. Днем здесь тепло, и туман поднимается от синей гавани. Мгновение я смотрю на кучку далеких парусников — тусклые белые точки, раскачивающиеся на горизонте. Я стараюсь не заикливаться на церемонии, которая начнется через полчаса. Позволив умиротворенному виду заполнить мои мысли, я чувствую, как напряжение начинает спадать.

Но благословенная тишина разлетается, когда раздается звонок моего телефона. Ворча и задаваясь вопросом, кто может звонить мне прямо сейчас, я достаю мобильный из сумочки.

Я хмурюсь, глядя на экран, так как не узнаю номер, то оживленно отвечаю:

— Алло?

— Добрый день, Оливия.

Мой желудок сжимается в тугую, болезненный узел. *Этот голос...* На секунду я лишаюсь дара речи.

— Тебе следует чаще проверять свою электронную почту, — говорит Брэд.

Ной

Я стою на пляже около пятидесяти минут. Бусинки пота усеивают мой лоб, но это не из-за солнца. Это началось десять минут назад.

— Где она? — шипит Стерлинг себе под нос.

— Она придет, — цежу я сквозь зубы, в очередной раз посматривая на часы.

После всего, что мы сделали... Совместное проживание, работа... Все это теперь кажется таким глупым и бессмысленным, если Оливия не сможет сегодня сделать шаг мне навстречу.

Гости начинают переглядываться, и шепот пролетает через небольшую толпу.

Регистратор меняет позу, перемещает вес с одной ноги на другую, выглядя так же неловко, как я себя чувствую. Затем она наклоняется ко мне.

— Мне очень жаль, но у меня назначена встреча через двадцать минут. Я не могу больше ждать.

Я киваю и устремляю взгляд на Фреда. Черты его лица искажены от волнения. Когда он кивает, подавая таким образом знак Камрин, она мчится по направлению к дому. Я срываюсь за ней, ступая по следам на песке, которые она оставляет.

Мы направляемся прямо к спальне. В доме тихо, и ощущение того, что что-то случилось, не покидает меня. Дверь по-прежнему закрыта, и я боюсь того, что мы увидим, когда откроем ее. Боюсь того, что это будет означать.

Наконец, Камрин открывает дверь. На мгновение все затихает.

— Она ушла, — выговаривает она дрожащим голосом.

Я подавляю волну эмоций и оглядываю комнату. Косметика и туалетные принадлежности Оливии по-прежнему разбросаны на туалетном столике, но ее самой нет.

Я выглядываю в окно, смотрю на заходящее солнце над океаном и тяжело вздыхаю.

— Она ушла.

Что, черт возьми, могло произойти с тех пор, как я в последний раз видел ее? Она была готова. Ничто не предвещало такого исхода. Я заметил, что контракт больше не лежит на туалетном столике. Она захватила его с собой. Не понимаю, что это значит.

Я поворачиваюсь к Камрин.

— Что случилось? Ты была последней, кто видел ее. Это из-за нервов?

Камрин качает головой.

— Она выглядела нормально.

Я запускаю пальцы в свои волосы. Не люблю сюрпризы и никогда их не любил. Но быть брошенным у алтаря? Еще никогда я не испытывал столько гнева и паники.

Хочется выпить и найти какую-нибудь случайную девку, ведь только так я смогу выместить агрессию. И я знаю, что Стерлинг будет в деле. Но потом я вспоминаю о застенчивой улыбке Оливии, о сладком аромате жимолости и о ее губах, когда я целую их... тихо умоляющих меня о большем.

— К черту все, — говорит Стерлинг позади меня. — Мы уходим. Давай же, Ной.

Он хватает меня за руку и начинает тащить по коридору. Я знаю, что у него возникла

точно такая же мысль, что и у меня примерно тридцать секунд назад. Выпивка. Девочки. Грандиозное похмелье завтра, чтобы скрыть и забыть сегодняшнюю боль. Но я знаю, что никогда не смогу забыть то, что случилось сегодня.

Если бы не эта боль в груди — в пустом месте, которое она начала заполнять — я бы уехал, не оглядываясь. Но часть меня должна знать, что будет дальше.

Я мечтал об Оливии последние двадцать лет. Она та девушка, которую я обливал водой из шланга, когда был моложе, та женщина, из-за которой в моем животе порхали бабочки, когда я стал старше.

И теперь, как только я начал думать о ней, как о своей... она ушла.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

Больше книг на сайте - Knigolub.net